

АЛЕКСЕЙ БАЙКАЛОВ

СКИТАЛЕЦ

Annotation

На Скита и его друзей объявлена охота. Боги Сломанного мира стремятся убить так мешающих им скитальцев. Сам же Скит находит все больше неправильности в мире, и пытается разобраться в происходящем.

Скиталец. Часть 2
Алексей Байкалов

Глава 1

Скит сидел на носу корабля свесив ноги за борт. В руках он держал удочку пытаясь поймать рыбу своему новому питомцу. Азалия бегала по палубе, играя с какой-то тряпицей. Коты всегда остаются котами, несмотря на размеры, а уж маленькие и подавно. Выпустить из мира своей души Лазурного барса Скит смог только прошлым вечером. Котенок окрепла, и ей уже ничего не угрожало. А вот к еде она оказалась очень прихотлива и отказывалась есть что либо, кроме свежепойманной рыбы. О том, что котёнку нужна именно рыба он понял, когда Азалия запрыгнула к нему на руки, глянула в глаза и мяукнула. И понимание само пришло в голову. Их общение не походило ни на что из того, что Скит себе мог представить. Это не было обменом мыслями или телепатией. У него в голове сам собой возникал ответ на заданный вопрос. Словно они знали друг о друге совершенно все.

— Ты так не поймаешь рыбу, — пробасил Бьёрн, — на удочку можно поймать только речную рыбу, в землях. А летучую рыбу могут только последователи Нув'Нсета поймать. Да и не удочка у тебя, а палка с нитью. Катушки и вовсе нету. Ты её сам что-ли сделал?

— Ага, — гордо кивнул Скит, — нашёл брусок в трюме и обточил придавая форму, нравится?

— Да у нас дети делают лучше. — жёстко припечатал северянин.

— Лучше моей никто не сделает, — не согласился Скит и дёрнул удочку.

Только сейчас Бьёрн обратил внимание, что леска подозрительно сильно блестит под лунным светом. Нить, оказавшаяся лунным серебром, втягивалась в палец Скита неся на себе рыбу. Рыба не висела на крючке, она была проколота гарпуном, сформированным на конце нити. Скит выдернул гарпун из бока рыбы и бросил её Лазурному барсу. Азалия накинулась на еду и утащила её в укромный уголок. Коты всегда коты, даже большие.

— Ты как её поймал, кэп? — удивленные глаза Бьёрна казалось выпадут из глазниц. — Знаешь сколько она стоит? Да её только самые богатые люди себе позволить могут, а ты её кошку кормишь. — из-за бочки раздался недовольный мявк и Бьёрн исправился, — Благородного Лазурного барса.

— Поймал очень просто. — начал пояснять Скит, — Я не ждал, пока рыба клюнет, я просто проткнул её своим гарпуном. Лунное серебро подчиняется моей воле все лучше. А по поводу чем мне кормить Азалию, так она сама сказала, что хочет летучую рыбу. Это их рацион питания когда Лазурные барсы передвигаются между землями. Сама она ещё маленькая и не может бегать за бортом.

— Это кот, а не птица! Как она летать у тебя будет? — казалось, что от обилия новой информации которая нарушает устоявшиеся правила мира, Бьёрн точно потеряет глаза.

— Это барс, не оскорбляй её, пожалуйста. — начал говорить Скит, — Она очень ранимая, а если её обидеть, то сапоги свои ты надеть нормально уже не сможешь. И она не летает, посмотри под её лапы.

Северянин последовал совету друга и посмотрел под лапки Лазурного барса. Котенок не касался палубы. Под подушечками её лап образовывались небольшие облачка, и по ним она передвигалась.

— Интересно, — пробурчал Бьёрн себе под нос.

Скит отвернулся от Бьёрна и вновь закинул удочку за борт. Котенок ел несопоставимо со своими размерами, и сейчас грызла уже третью рыбу за полчаса, а ведь каждая рыба была

больше по размеру чем сама Азалия в два раза. Видимо нахождение в мире души Скита повлияло на аппетит Азалии, ведь там она питалась только чистой энергией, нормальную пищу в душе Скита добыть невозможно.

Здоровяк ушёл, оставив Скита рыбачить в одиночестве. Скит же поддавался воспоминаниям. Когда только они оставили остров позади и он скрылся из виду, Скит подошёл к монаху.

— Не расскажешь мне кто такой Энма? — не стал скрывать своего любопытства Скит и спросил напрямую.

Монах посмотрел на задавшего вопрос и тяжело вздохнул. Приложился к своей горлянке и не выпускал её довольно долго. После с глубоким уханьем отвёл горлянку ото рта и громко рыгнул.

— Это старая история. Точно уверен, что хочешь её услышать? — спросил Ву в надежде, что Скит передумает и ничего рассказывать не придётся.

— Чувствую, что это важно. — безапелляционно заявил Скит.

Ву тяжело вздохнул и начал свой рассказ:

— Это произошло давно. Энма, это моё старое имя. Я был маленьким мальчиком и работал пастухом, чтобы прокормить себя. Жил один, вместе с овцами которых же и пас. Родителей не было, а дом у меня забрали практически сразу после смерти отца и матери. Устроился пастухом к одному ублюдку и работал за еду, платить монетой он мне отказался, а других вариантов у меня не было. И вот в один день я не досчитался одной овцы в стаде. Я знал, что если не приведу к хозяину овцу, он меня выпорет так, что неделю сидеть не смогу. А если будет в плохом настроении, то и вовсе вором назовёт. А это лишение левой руки. В моих землях жестокие законы ко всем низшим слоям населения. — Скит слушал монаха не перебивая, сам рассказчик перебивался на очередной глоток вина из своей горлянки. — Поэтому я подумал, что надо идти искать овцу лесу, ведь ей больше некуда было пойти, а на равнине я бы её сразу увидел. Стоило мне зайти в лес и немного поискать её, как я понял, что заблудился. Тут мои слабые детские нервы сдали, и я расплакался. Я боялся того, что больше никогда не выйду из этого леса и дикие звери сожрут меня раньше, чем я умру от голода. А если и выйду обратно, то хозяин меня целым точно не отпустит. От этих мыслей меня взяла злость. Почему я должен умирать? Почему я должен страдать из-за тупой овцы, которая заблудилась в лесу, а из-за неё и я? Я встал и побрел в поисках выхода из леса. Так плутал я целых два дня, пока не нашёл выход. Только вышел я не там, где я хотел. Я вышел к храму. Храму Небесного Дракона. Как мне тогда казалось, я очутился других землях, настолько пейзаж вокруг отличался оттого, который я видел всю свою жизнь. — глаза монаха затуманились, он полностью погрузился в свои воспоминания. — Помню, как я замер, не понимая как я там оказался. Вся трава была строго одного размера, деревья выведены под какую-то только садовнику известную форму. И аккуратные дорожки из мелкой речной гальки. Я так растерялся, что не заметил подошедших монахов. "Здравствуй, мальчик. Не бойся, мы тебя не обидим." Начал мне говорить самый старший монах. "Меня зовут Такеши. Наставник Такеши. Ты смог найти дорогу к нашему храму, а значит ты достоин проходить здесь обучение."

— Подожди, разве ты не должен был сначала стать последователем Хоу Дзи? — перебил монаху Скит.

— Хоу Дзи испытывает желающих стать его последователем. — объяснил Ву, — Сначала ты должен был выйти к одному из его храмов. Они скрыты. Не просто не отмечены

на картах, к ним невозможно выйти если ты не подходишь по духу Мудрому Хоу Дзи. И так я прошёл первое испытание, хоть и не стремился к этому, ведь мне нужна была только овца, чтобы отдать хозяину. Что я и сказал монахам, но на мой ответ они только рассмеялись. "Мальчик, ты сам не понимаешь как тебе повезло и как ты подходишь по духу нашему богу. Овца и не терялась, она находится вместе со своим стадом и пришла туда как только ты вошёл в лес". Я не поверил странном монаху. Откуда он мог знать, что происходит в стаде, когда мы так далеко от него находимся? "Я Патриарх этого храма. Мудрый Хоу Дзи мне говорит, о тех адептах, которые ему подходят. Не стоит тебе переживать, пойдём с нами. Мы тебя обучим и дадим место, которое ты сможешь назвать своим домом". Я пошел за монахом, и тогда я увидел Северный храм. Высокие белые стены и круглые крыши красного цвета. Крыши были похожи на шапки одного степного народа, мне как-то довелось их видеть. За стенами храма был огромный плац присыпанный просеянным песком. Там стояло много людей, и все тренировались выполняя слова своего учителя. Меня отвели в комнату и выдали одежду, похожую на ту, что носили все монахи.

Так пришло время второго испытания, я должен был показать, что моё тело так же крепко, как и мой дух. Я проходил тренировки в течении года, за время которого я должен был подготовить свое тело, чтобы Мудрый Хоу Дзи принял меня в свои последователи. Это был самый тяжёлый год в моей жизни. Первый месяц тренировки мне казались пыткой. Ночью в своей комнате я плакал в подушку, а с утра я рвал мышцы, чтобы не подвести своего учителя. И вот спустя год, я со страхом заходил в храм Хоу Дзи. Моё тело тряслось как тонкий побег бамбука на ветру. Я боялся услышать отказ, услышать что я слишком слаб.

В комнате посвящения возник свет. Спустя мгновение он сформировался в аватар Хоу Дзи. Божественное присутствие пропитало даже воздух вокруг меня. Я замер в ожидании ответа. Дрожать я перестал, и как тогда в лесу чувство злости за собственный страх выбило все эмоции из меня. Я был готов к любому ответу. Вот аватар Бога касается моей руки и растворяется, а на мне после его прикосновения проявляется рисунок. — Ву коснулся своей правой руки, где был изображён дракон. — А после этого дня все пошло как и весь прошлый год. Я просыпался вместе со всеми и шёл на тренировки. Нас обучали защите, говорили о ценности жизни, о всеобщей любви. К своим двадцати годам моя сила ровнялась стадии Приближенного. Прошло целых семь лет с того дня как я заблудился. Семь лет с того момента как я перестал бояться людей. И это был первый день когда я услышал колокол предупреждающий об атаке. Это было настолько неожиданно, что я даже не сразу в это поверил.

— Нападения случаются, — вновь перебил монаха Скит. — Чего такого, что заставило тебя удивиться?

— Дело в том, что храмы Хоу Дзи не принадлежат никаким землям. К ним нельзя найти дорогу, к ним нельзя прилететь на корабле. Когда я заблудился в лесу, я не нашёл из него выход, я оказался возле храма, понимаешь? Храмы Хоу Дзи существуют отдельно от этого мира, и если ты нашёл тропу к храму Хоу Дзи, то ты перемещается в пространстве, чтобы найти его. Если ты не достоин, ты никогда не найдёшь храм. Поэтому напасть на храм невозможно, ведь если ты хочешь разорить храм Хоу Дзи, ты не достоин. — объяснил Ву. — На нас напала Безумная тварь. Единственное существо, которое может нарушить правила нашего мира. Мы ей дали отпор, хоть и потеряли нескольких наших братьев. В тот день произошло ещё одно событие. Я разбил кристалл твари, и её сила перетекла в меня. Мне стало страшно. Страшно, что меня выгонят, что я вновь останусь один. Поэтому я никому

ничего не сказал. Теперь я вновь плакал по ночам. Но если в детстве я плакал от боли во всем теле после тренировок, то теперь от боли в своей душе. Я каждую ночь сражался с монстром внутри себя. Каждую ночь я старался не слушать его вкрадчивый голос. Голос, который убеждал меня, что вместе мы сможем очистить этот мир, спасти его, надо лишь уничтожить всех. Но я давил его в себе. Давил до тех пор, пока он не победил. Я был силен духовно, моё тело было крепко, но не разум. Мой разум был слаб и однажды во время тренировки, когда я получил рану, я разозлился. Эта злость и стала той трещиной, через которую прорвался тот монстр, которого я сдерживал все это время. Я не помню, что произошло. Не помню как я убивал каждого, кого считал своими братьями и сёстрами. Как я убивал свою семью. — при этих словах Ву вцепился руками в поручни борта корабля и его пальцы вдавились в дерево. — В себя я пришёл только когда на моих руках умирал Патриарх. Старик Такеши. Он любил нас как своих детей. И даже когда я убил его, он потратил свои последние силы на то, чтобы вернуть мне разум. Он разорвал мою душу на две половины, заперев зараженную в глубине меня. "Не вини себя, мой мальчик. Найти способ и победи монстра внутри себя". Это были его последние слова.

Монах замолчал. Пауза затянулась, но Скит не перебивал. Он видел, как старые раны на сердце Ву расходились и он с трудом сдерживался, чтобы не закричать от той боли, которую ему приносят эти воспоминания. Но их было необходимо вскрыть, чтобы Ву не нёс этот груз один. И кому как не друзьям в этом помочь? Вскоре монах промочил горло из своей горлянки и продолжил:

— Старик Такеши дал мне эту горлянку. Если в неё налить воду, то она никогда не закончится, пока её хозяин не покинет этот мир. И подсказал мне, как сделать так, чтобы Мудрый Хоу Дзи не заметил, что его последователь заражён этой скверной энергией. Надо нарушать его заповеди. Это заставит бога отвернуться от своего непутевого поклонника. Я потеряю свои силы, но только до тех пор пока не выпущу себя наружу. Я взял это короткое имя, чтобы отделить себя от Энмы, хоть он и половина меня, но чужая мне половина. Тот Ву что перед тобой, это другой человек. Та половина души, которая не успела подвергнуться Безумию. А Энма теперь заперт внутри меня. Я же предаюсь всем порокам человечества чтобы Хоу Дзи не видел меня, а Энма был в спячке. Потому и к вам я присоединился. Я почувствовал, что должен это сделать, чтобы почтить память старика. И чтобы тебе не пришлось испытать то же, что испытал я. — Ву вновь замолчал, он рассказал все что необходимо было знать Скиту. — Эта история должна остаться между нами, запомни. Пусть все считают меня неправильным монахом, как и раньше.

— Я тебя понял, Ву. — кивнул Скит.

Четыре дня прошло с того разговора. Ни монах, ни Скит не подавали и вида того, что они о чем то разговаривали. Даже сейчас пока Скит разговаривал с Бьёрном и подкармливал барса, монах сидел на мачте над Скитом и не издавал ни звука, не вступая в их разговор.

— Скит, имей совесть, хватит все скармливать своему питомцу! — не выдержал Бьёрн, видя как их капитан скидывает целое состояние на прокорм Лазурного барса. — Оставь и нам на ужин, я летучую рыбу никогда не пробовал! Это же деликатес!

Действительно, и почему это Скиту в голову не пришло? Позади раздался жалобный мявк. Скит обернулся и увидел как раздутый Лазурный Барс упал на бок и не может встать.

— Видимо, ты уже наелась? — ухмыльнувшись сказал Скит.

Ответом ему был укоряющее мяуканье. Сам, мол, не видишь? Подойдя к питомцу Скит взял её на руки, вернулся обратно на свое место и аккуратно уложил Азалию себе на колени,

продолжая рыбалку, но уже на ужин команде. Котенок немного повертелся, помяла лапками колени Скита, чтобы было удобнее спать, потянулась, зевнула и закончив со всеми кошачьими ритуалами, свернулась клубочком и уснула. Кошки всегда кошки, даже большие.

Мор все эти дни не выходил из своей каюты, сидя в медитации и раздумывая над тем, что произошло с ними на острове. Всё понимали, что произошедшее на острове не могло случиться без ведома Госпожи Даад, но Мор усердно отрицал эту мысль. Никто не трогал его, перебивали его медитации только на дежурства и на приёмы пищи. Все же от кухни Бьёрна сложно отказаться, северянин умел готовить и потому роль корабельного повара легла на его плечи.

— Впереди корабль! — из смотрового гнезда на верхушке мачты, прокричал Фестиций. — На торговый не похож, нет обозначающих знаков!

— Приготовьтесь, возможно это последователи Кайзоку, а они точно ни с кем не торгуют. — предупредил Бьёрн, направляясь в каюту за своим молотом.

Пока все шли снаряжаться, Скит продолжил сидеть и рыбачить. То как Бьёрн описывал вкус рыбы, поселило в голове Скита желание опробовать её на ужин. А значит надо поскорее её наловить, чтобы не пришлось слишком долго ждать, пока северянин её приготовит. С мачты над Скитом прыгнул монах со своей неизменной горлянкой в руке. Фестиций спустился при помощи наруча с гарпуном, которые они сняли с прошлой команды корабля. Из каюты Мора раздался злой крик, Бьёрн никогда не стеснялся будить Мора прикладывая всю свою медвежью силу. Северянин со своим молотом вышел из каюты Мора, следом хромя выскочил смертепокклонник.

— Я не спал, а был в медитации! Ты мог просто сказать, а не бить молотом со входа! — возмутился Мор.

— Тише вы! — шикнул Скит на пришедших. — Рыбу мне распугаете.

— Господин Скит, но это летучая рыба. Её могут поймать только последователи Нув'Нсета. — решил показать свои знания Фестиций.

— Теперь уже нет. — не согласился Скит и бросил в ведро свежепойманную рыбу. Одна есть, но этого мало. На то, чтобы всем поесть летучей рыбы им надо хотя бы десять штук. Аппетит здоровяка был под стать его размерам.

В это время корабль без опознавательных знаков подобрался уже на расстояние выстрела, и с носа корабля в сторону "Отступника" полетели первые ядра. Прицел был взят не точно, канониры ещё не пристреляли пушки, и ядра не долетели.

— Они мне сейчас всю рыбу распугают! — возмутился Скит. — Я хочу на этот ужин поесть летучей рыбы!

Пираты выстрелили вновь и на этот раз более точно. Бьёрн перехватил свой молот наподобие того, как дети держат дубинку в игре где они отбивают брошенный мяч, и когда одно ядро летевшее прямо в стоящих на палубе друзей приблизилось на опасное расстояние, Бьёрн отбил его в обратном направлении. Ядро предательски вернулось к своим и пробив собой пол спряталось где-то в трюме. Пираты что-то яростно прокричали, видимо пытались угрожать, но из-за такого расстояния понять это было невозможно.

— Они мне все таки распугали рыбу. — с негодованием произнес Скит.

Скит поднял с колен котёнка и аккуратно положил его на палубу. Под Лазурным барсом образовалось маленькое облачко и Азалия немного помяв его, свернулась калачиком и продолжила спать. Пираты приблизились достаточно чтобы открыть огонь из всех орудий. Скит белой молнией переместился к штурвалу и повернул корабль боком. Сейчас было

важно сохранить паруса. Где взять новые он не знал, а восстановить эти им вряд ли кто-то сможет. А вот корпус корабля им отремонтируют в любом порту.

— Поднять паруса! — крикнул Скит, и команда "Отступника" бросилась выполнять указ капитана.

Отпустив штурвал, Скит выбросил серебряную иглу в пиратский корабль и через мгновение оказался в кругу пиратов.

— Вы зачем распугали мне рыбу? — сразу спросил он.

Внимание пиратов было полностью приковано к кораблю Скита, а потому они не ожидали услышать голос сзади. Все резко обернулись. Кто-то ойкнул и подпрыгнул от неожиданности.

— Ты кто? — вперёд вышел черноволосый мужчина со шрамом на щеке и раскосыми глазами. Раз начал говорить, то он здесь главный.

— Скит. — коротко ответил заданный на вопрос Скит.

— Чего? А. Я не имя спросил. Ты кто? — недоумевая от глупой ситуации и не менее глупого разговора повторил вопрос шрамированный.

— Я? Я сидел и рыбачил, а вы мне всю рыбу распугали, зачем? — продолжил тянуть время Скит.

Во время их разговора обстрел его корабля не прекращался, но к счастью, все снаряды летели в корпус и пока ещё не один парус не был испорчен. попавшие в корпус снаряды отскакивали от металлических ребер, а те что попадали в корпус пока не проббили его. Все же крепкие корабли делали отступники.

— Где сидел? — пират все меньше понимал ситуацию и оттого не мог понять какой приказ отдать команде.

— На корабле. — ситуация забавляла Скита.

— Как рыбачил? — вопросы становились все банальнее.

— Удочкой. — ответы были не умнее.

— Так, стоп! — пират даже голос повысил, чтобы придти в себя. — Ты кто такой?

— Ты уже спрашивал это. Я Скит. — пират начал чувствовать что над ним издеваются и кровь прилила к его лицу. Он начинал выходить из себя.

— Что ты делаешь на моем корабле. — окончательно выйдя из себя капитан пиратов, а судя по тому как он назвал корабль своим, он все же являлся капитаном, выдернул из ножен саблю и приложил ее к горлу странного пришельца.

— Вот теперь ты задал правильный вопрос! — похвалил капитана пиратов Скит. — Я тут захватываю ваш корабль. Сдавайтесь и вы останетесь в живых. А корабль мы забираем себе. — В ответ на слова Скита раздался дружный хохот. Перед ними стоял хилый, безоружный и босой безумец, который угрожал забрать их корабль.

— Ты видно с головой не дружишь, парень. Прятался в трюме, а сейчас решил выйти, и пошутить над нами? Парни, свяжите его, а как захватим тот странный корабль, так и разберемся с ним.

Капитан указал двоим пиратам на Скита и начал поворачиваться к нему спиной как палуба взорвалась. Не буквально, просто корабль пиратов приблизился к "Отступнику" на достаточное расстояние, чтобы Бьёрн смог кинуть оставшихся членов команды, а они уже притянули себя гарпунами к кораблю пиратов и смогли устроить бой. Сам же северянин остался на корабле из-за отсутствующего снаряжения его размера. Команда отступника во главе со Скитом устроили настоящую бойню на палубе. Фест и Мор летали по палубе при

помощи снаряжения с гарпунами по непредсказуемой траектории и каждый раз оказывались там, где их не ожидали. Монах стоял в центре и используя свой посох с маниакальной улыбкой сокращал количество пиратов способных вести бой. Скит ловкими кошачьими движениями уходил с линии атаки пиратов, и утяжеленными кулаками вырубал их. Он надеялся получит за них награду. Да и его новым кораблем должен был кто-то управлять. Вскоре обстрел "Отступника" прекратился и с нижней палубы наверх вышла оставшаяся часть команды.

— Да сколько вас там еще? — возмутился Мор. — У меня сил уже нет вас бить!

— Слушай, ну столько пленных нам точно ни к чему. — произнес Скит. Полуголый и залитый кровью пиратов он выглядел немного устрашающе. — Остальных не жалеем.

Пираты оглядевшие палубу и изрезанные тела друзей молча и не сговариваясь бросили оружие и подняли руки. Если павших эти странные люди не жалели, то что же они сделают с живыми?

— Это вы сделали правильный выбор! — похвалил действия пиратов Скит. — Мор, Фест свяжите живых и тех, кто без сознания. Остальных сложите в углу. Думаю нам за них хорошо заплатят.

— Есть, кэп! — шутливо козырнул Мор, и пошел выполнять приказ.

Корабль пиратов поравнялся с "Отступником" и на палубу запрыгнул Бьёрн в своей боевой ипостаси. Зарычал в воздух, занес свой молот для удара и замер. Биться уже было не с кем.

— Хех, громила, ты медлишь. — издевательски заговорил Мор, — Мы тут без тебя уже справились, иди на кухню и приготовь...

Что надо приготовить Мор договорить не успел, северянин опустил свой молот на говорливого смертепоклонника и тот замолчал на некоторое время. Увидевшие это пираты вздрогнули и старались не шевелиться, чтобы не привлечь внимание монстра, который даже союзников не жалеет.

— Бьёрн, теперь ты выполняй его работу. — сказал Скит и Бьёрн, уже принявший человеческий вид, побрел связывать пиратов. Те к кому он приближался бледнели и не шевелились. После Скит подошел к капитану корабля, которого вырубил первым и привел его в чувство. — Ты же имеешь связь со своим богом? — пират закивал, — Передай ему, что меня они не смогут остановить. Каждый отправленный по мою душу или по душу моих близких, будет лишен жизни. Запомнил? — Скит взглянул в глаза капитана, имя которого он так и не удосужился узнать. Пленный пират увидев мелькнувшую звериную сущность, побледнел и усиленно закивал головой. — Молодец. И да, ваш корабль мы забираем на пожертвование храму.

— Ублюдок! Если чувства юмора нет, так хоть людей не убивай! — Мокрое пятно, которым еще недавно была голова Мора, застонало и начало собираться в кучу. Те пираты, что еще остались в сознании закричали и пополнили ряды безвольных тел.

— А как по мне, то смешно вышло. — произнес монах.

— Ву! Я думал мы друзья! — с обидой произнес Мор.

— Разве это что-то меняет? Зато мы теперь знаем, что это тоже тебя не убьет. — Ву нельзя было смутить.

Осмотрев свой корабль и заметив несколько пробоин, все же пираты смогли проломить борт, Скит снова повернулся к капитану корабля и спросил:

— В каком порту мы можем подчинить свой корабль?

Прибытие в порт земли Ан'Гасиоха было ознаменовано предупреждающими выстрелами с кораблей охраны, и голосом усиленным магией.

— Пираты! Зря вы сюда приплыли! А теперь опустите паруса и ждите! К вам сейчас прибудет охрана порта! Не оказывайте сопротивления! — прокричал кто-то, и от одного из кораблей отделилась лодка, на которой сидело несколько человек.

— Почему они нас приняли за пиратов, кэп? — повернулся к Скиту Бьёрн.

— Потому что Мор отказался снимать пиратский флаг. — отозвался Скит поглаживая урчащего от удовольствия барса. Несмотря на страхи Скита, котенок не превратился в меховой шарик с лапками. За три недели пути она вытянулась и уже не помещалась в ладони как в свое первое появление. Обильное питание и совместные тренировки сделали свое дело. Азалия по своим размерам стала не больше домашнего кота.

— Я всегда мечтал о том, чтобы проплыть под пиратским флагом! В детстве я зачитывался книгами про пиратов. — возмутился Мор. — После того предательского удара, в качестве извинений Бьёрн мне разрешил.

— Получается это ты виноват, здоровяк. — флегматично сказал монах сидя на мачте. Ему полюбилось сидеть на верху, спускался он только для сна или тренировки со Скитом. Даже непогода и шторм не могли согнать монаха с мачты.

Северянин не нашел, что на это ответить и плюнув за борт отошел в сторону встав рядом с Фестом. Самый юный член команды просто стоял у борта и смотрел во все глаза. Этого романтика впечатляло все, что он видел. Не все книги учат хорошему. Иногда они превращают своих читателей в романтических болванов, которые не видят реалий мира вокруг себя. В такую же ловушку попал и юный Фестиций Второй из дома Пентригольтов, гений пути меча всю жизнь занимающийся танцами. Начитавшись романов Фестиций решил отправиться в путешествие, чтобы стать великим героем, спасти прекрасную даму из плена злого чернокнижника, и землю от какой-нибудь напасти. Последнее у него получилось, если можно считать небольшой остров.

— Уберите оружие и не дергайтесь! — раздался крик с лодки.

— А где нам стоять? — крикнул своим басом Бьёрн.

— Стойте у борта. — последовал ответ.

— А кто вас на корабль запустит? — продолжил задавать вопросы северянин.

— Мы сами поднимемся, нам ваше разрешение не нужно! — раздался тонкий голосок, и резко оборвался громким ударом по шлему. Видимо влез вперед старшего.

— А руки нам где держать? За головой или по швам прижать? — Бьёрн уже откровенно издевался.

— К борту прижмите! — вновь голос, который начинал командовать.

— А котёнка куда деть? — это уже Скит решил не отказывать себе в веселье. — Эта милаха не хочет спрыгивать с моих рук. — на этот раз с ответом не спешили. Таких вопросов им ещё не задавали.

— Кота можешь на руках оставить! — крикнул главный.

— А как я тогда руки на борт положу? На них же котенок сидит! — спросил Скит.

— Вместе с котом положи! — зло прокричал охранник порта. — Хватит мне idiotские вопросы задавать. Через минуту мы в зайдем на борт вашего корабля и если вся команда не

будет стоять у борта, мы не будем разговаривать, а сразу приступим к аресту!

— А мы все не успеем к борту прижаться, — улыбаясь во все зубы крикнул Мор. — У нас человек сорок в трюме связанные, надо минут тридцать, чтобы их донести.

— Ааааааа! — раздался полный ярости крик из лодки. — Всё, вы сами напросились!

В борт вцепились крюки и на корабль в пару мгновений запрыгнуло пять вооруженных человек. Появившись на корабле они замерли, не ожидая увидеть всего пять человек у борта и одного за штурвалом корабля. По взмаху старшего они направили заряженные арбалеты на Скита и его друзей.

— Решили устроить засаду? — задал вопрос красный от злости командир отряда. — Смысла в этом нет. Вас, гнусные пираты, окружила охрана порта, и даже если вы сможете с нами справиться, то вас просто расстреляют с расстояния. Тем более, — он презрительно кинул в сторону разбитого "Отступника", — с этим корытом на привязи вам не сбежать.

— Слышал? — Скит повернулся к пирату за штурвалом, — лучше надо было за кораблем следить, даже на фоне моего разбитого "Отступника" ваш корабль корытом называют. — пират задохнулся от такого оскорбления, и как выброшенная на берег рыба, захлопал ртом не зная, что на это ответить. — Молчишь? Вот и дальше молчи, раз сказать на это нечего.

— На меня смотри, босяк! — ярился командир охраны порта, — Отвечай коротко и по делу! Это ваш корабль?

— Наш. — коротко ответил Скит, поглаживая кота.

— Где остальная команда?

— В трюме.

— Почему не вышли по приказу?

— Связаны.

— Как связана? Почему вы связали свою команду? — допрашивающий Скита охранник порта был так обескуражен, что даже перестал кричать.

— Это не моя команда.

— А где ваша?

— Вся моя команда на палубе, за исключением парня за штурвалом. Это наш пленник. — Скит начал чесать за ухом урчащую и довольную Азалию.

— Освободить несчастных. — дал команду подчиненному командир. Пират радостно закивал головой, но уловив взгляд Бьёрна в страхе опустил глаза и постарался спрятаться за штурвалом. — А этих пиратов в кандалы. — Стражники опустили арбалеты и направились в сторону Скита и его команды.

— Не спеши Страж. — Скит сделал шаг назад, не подпуская к себе арбалетчика. — Эти люди мои пленники. Захватили мы их в честном бою, так что по закону их жизнями распоряжаемся мы.

— Этот закон не распространяется на пиратов! — крикнул командир охраны.

— Вот пиратам это и скажешь, а мы законопослушные скитальцы. — сделал шаг вперед Бьёрн.

— А когда это скитальцы, не принадлежащие ни к кому, стали летать под пиратским флагом? — не поверил командир.

— Это не наш корабль, мы его захватили. Наш разбит, потому и пересели на это корыто. — объяснил Скит.

— Пять человек захватили корабль бога Кайзоку? — с недоверием спросил командир

охраны порта.

— А до этого ты не сомневался, что пять пиратов могут захватить целый корабль? — ответил тем же Скит. Страж понял, что крыть ему нечем.

— Иди посмотри, кто сидит в трюме. — приказал командир одному из арбалетчиков. — Каждый капитан корабля Кайзоку является его жрецом. Как вы смогли их взять в плен?

— Может он и является жрецом бога Кайзоку, но думать все равно надо. — флегматично произнес Ву, беря в руки свою горлянку. — Вы должны внимательно сравнить армию противника со своей, чтобы знать, где силы избыточны, а где нет. Так говорит Мудрый Хоу Дзи.

— С вами ещё и монах Северного Храма? Я думал их не осталось. — удивился командир.

— Лейтенант Гуин! — из трюма вышел арбалетчик, — там действительно связанные пираты. Я узнал разыскиваемого Сори Шрама.

— Да неужели?! — брови лейтенанта взлетели. — Сори Шрам? Крупная рыба. — лейтенант Гуин повернулся к Бьёрну. — Ты здесь главный?

— Я? — пробасил Бьёрн. — Нет я просто кок на нашем корабле. Наш кэп стоит рядом. — после этих слов Бьёрн толкнул Скита в спину, и тот выбежал вперёд на несколько шагов, стараясь сохранить равновесие. Лейтенант Гуин на мгновение завис от такого заявления, но все же смог взять себя в руки.

— Хочу принести наши извинения за предоставленные неудобства. — вытянувшись по струнке отрапортовал лейтенант Гуин. — Если у вас есть вопросы задавайте, а после мы улетим.

— Скажи, лейтенант. Где мы можем продать корабль пиратов? — спросил Скит.

— Лучше всего будет сдать его в охрану порта. За вознаграждение естественно. Награждение за пиратов получите там же.

— А где у вас можно отремонтировать наше судно? — задал главный вопрос Скит.

— Если не пожалеете денег, то обратитесь в "Мастерскую", там сделают на совесть, но цена за их услуги высока. — ответил лейтенант Гуин. — А теперь, если вопросов больше не осталось мы пойдём. Мне ещё рапорт писать.

Лейтенант подал знак, охрана порта развернулась и спрыгнула в лодку. Бьёрн повернулся к штурману и рыкнул:

— Слышал? Поворачивай свою посудину в порт. — и отвернувшись слишком ласково, так что стало страшно, произнес, — Продавать вас будем.

Побледневший пират кивнул и встал за штурвал. Корабль неторопливо развернулся и направился к порту. На привязи за ним последовал "Отступник" с разбитым бортом. В порту уже стояли стражи в ожидании пленных пиратов. Ну и конечно же таможенник. Куда без платы.

— Один мой знакомый сказал: "Во вселенной две неизбежности. Смерть и налоги". — сказал Мор глядя на потирающего руки таможенника.

— Ву, с бюрократом и получением нашей награды разбираешься ты. Возьми с собой Феста, пусть учится. И не забудьте вытащить из пиратского корабля все, что там есть, вплоть до последнего ржавого гвоздика. Корабль продай охране порта. Надо налаживать добрые отношения. — отдал команду Скит. Монах кивнул головой, показывая что понял. — А мы втроём пойдём искать эту "Мастерскую". Надо отремонтировать наш корабль.

Как только "Отступник" пришвартовался, Скит, Бьёрн и Мор спрыгнули с корабля и

ушли на поиски "Мастерской", Ву направился к таможеннику и у них закипел жаркий спор. Фестиций округлив глаза от того, что не ожидал вида спорящего монаха и трясущегося над каждым медяком. Но при этом впитывал в себя каждое сказанное монахом слово.

— Зачем малого отправил с Ву? — спросил Бьёрн, когда компания отделилась от спорящих.

— Чтобы проследил за монахом и не дал тому утаить ни гроша. — ответил Скит разглядывая все здания в поисках заветной вывески. — За нашим монахом требуется внимательно следить. О, вот сюда нам надо.

Друзья остановились у простой деревянной вывески "Мастерская". Из "Мастерской" доносится стук рабочих инструментов, крики и чей-то смех. Скит постучал в дверь, но ему никто не ответил. Из-за шума инструментов его не было слышно, Скит постучал вновь, но ничего не изменилось. Бьёрн зарычал и толкнул дверь. Она распахнулась и со всего размаху ударилась о стену внутри, вырвала петли и упала на пол.

— Кто это там долбится? — раздался недовольный крик. Из глубины мастерской вышел низкий толстоватый мастер с рыжей бородой. — Это ты такой смелый, кабан? Хера ты здоровый! Эй, Вульф иди сюда! Смотри какой огромный!

— Ого! — из глубины мастерской вышел высокий худощавый мужчина, с красными волосами. — Мамка в детстве хорошо кормила? А теперь вырос и считаешь, что людям можешь двери ломать? Или ты двери никогда не видел, кабан?

Бьёрн слушал насмешки в свой адрес и потихоньку багровел, Мор пытался замаскировать свой смех кашлем. Но два мастера не останавливались и продолжали свои издевки.

— Простите нас, уважаемые мастера. — слегка поклонился Скит, — Мой северный друг не всегда может правильно рассчитать свою силу. Мы пришли к вам по совету, нам сказали о вас, как о лучших мастерах по ремонту кораблей.

— Корки, ты слышал? — мастер Вульф повернулся к пухлому другу. — Этот кабан просто не умеет контролировать свою силу.

— Ничего страшного мы понимаем. — кивнул другу мастер Корки. — Что у вас с кораблём?

— На нас напали пираты. — начал объяснять Скит. — Расстреляли целый борт.

— Две тысячи золотых. — от такого ответа Скит встал с открытым ртом.

— Я за эти деньги два таких корабля куплю! — возмутился Бьёрн.

— Так иди и покупай, кабан! — в ответ поднял голос пухлый мастер Корки. — Ты думал, вынесешь мне дверь, а я тебе за два медяка корабль отремонтирую?

— Но ты слишком высоко цену задираешь! — красный от злости Бьёрн начал покрываться шерстью.

— Ты мне тут не рычи, медвежонок! Только научился отращивать клыки и уже их показываешь? — рыжего мастера не смутил вид опасно нависающего над ним северного великана. За время путешествия Бьёрн вырос и стал еще больше, чем при первой встрече со Скитом.

— Погодите, мастер. — Скит встал между мастерами и Бьёрном. — Неужели такая перепалка достойна последователя Акилмана и Билима? Уверен, когда вы увидите наш корабль, вы возьмёте с нас меньше денег, чтобы была возможность поработать с ним.

— Это чем же твой корабль особенный? — переглянувшись с другом, спросил мастер Вульф.

— Увидите. — улыбнулся Скит, мастера попали на его удочку.

— Это что такое! — воскликнули вместе мастер Вульф и Корки.

Они прыгали вокруг корабля, как вокруг нового чуда света. Безусловно, корабль был необычен, но такой реакции Скит точно не ожидал. Мастера восхищались каждой подогнанной доской, каждым гвоздём и каждым узором на металле.

— За работу мы возьмём сотню золотых, но вы останетесь на две недели после окончания ремонта борта, чтобы мы изучили ваш корабль. — поставил условие мастер Вульф. Его глаза горели огнём безумного учёного. Такие спать не могут, если к ним в руки попадает нечто непонятное. И спокойствие в его душе возникает только после того, как он разберёт все по винтикам и соберёт обратно.

— Хорошо. — Скит кивнул головой и мастера тут же потеряли к нему интерес, начав чуть ли не облизывать всю палубу, рассматривая её.

— Куда дальше? — спросил Мор обращаясь к обоим друзьям сразу.

— Ищем нашего алчного монаха и его юного ученика. — ответил Скит.

— А потом идем пить эль! — тоном не позволяющим спорить сказал Бьёрн. — Иначе я прибью кого-нибудь.

Мор, поняв по интонации северянина кто этот "кто-то", поспешил спрятаться за Скитом. Благо что спина Скита стала шире за все время тренировок. Найти монаха было не так сложно. Его спор с представителем охраны порта продолжался несмотря на то, что прошло уже больше часа.

— ...Это абсурдно! — кричал раскрасневшийся распорядитель казны порта. — Цена, которую ты требуешь слишком завышена!

— Не надо прибедняться, вам выделяют хорошие деньги на расходы, а этот корабль по боевым качествам превосходит почти все ваши. — Ву не сдавал свои позиции. Было видно как торговля доставляет ему удовольствие. — У него высокая скорость, это отличный перехватчик, да и с полным вооружением. Вам бы такой никогда не удалось перехватить. Ты посмотри из какого он дерева сделан! Это же Ангалусский Железный Дуб! Он сверхпрочный и очень легкий! Знаешь, а ты прав. Это слишком нечестная цена, надо поднять на тысячу золотых.

От такой наглости распорядитель начал открывать и закрывать рот как рыба выброшенная на берег. Найти, что ответить он не мог довольно долго и тишина продлилась минут пять. Фестиций стоял рядом и только восхищался умению монаха привести человека в такое состояние. Если учесть, что на должность распорядителя казны не поставят честного человека, то монах перевыполнил свою задачу.

— Хорошо, мы возьмем по старой цене. — наконец решился распорядитель. — Только перестань уже, я еще не встречал настолько наглых торговцев, а монахов и подавно. Как еще твой покровитель от тебя не отвернулся?

— Еще как отвернулся, — потирая руки произнес Ву, — теперь же давай обсудим содержимое корабля.

— Как... Как содержимое? — казалось, что распорядителя сейчас хватит удар, — Разве мы не все у вас покупаем?

— Уважаемый, вы меня слушали? Я вам продавал корабль, а никак не личные вещи пиратов. — монах просто светился от радости, какой эффект произвели его слова.

— Куда тебе столько денег, скряга лысый?! — уже не сдерживаясь прокричал

распорядитель казны.

— Они пойдут в жертвоприношение храму! — неуверенно, словно не веря, что он это произнес, выкрикнул красный Фестиций.

— Именно. — кивнул с важным видом Ву, и потрепал Феста по голове. Его новый ученик схватывает на лету.

— АААААААААА! — прокричал распорядитель и схватился за голову понимая, что громким треском проиграл этот бой. — Две тысячи сверху и мы не торгуемся!

— С вами приятно иметь дело, уважаемый распорядитель казны! — улыбнулся во все тридцать два зуба монах.

— Уйди с глаз моих! — отмахнулся покрасневший от злости распорядитель и развернувшись пошел за деньгами.

Далеко он не ушел, потому как рядом с ним стоял небольшой сундук с монетами, его принесли заранее, чтобы не затягивать сделку. Достал из сундука два крупных мешочка с золотом и два поменьше, раз в пять. Отдал деньги Ву и со словами, что больше видеть его не хочет развернулся и кивнул на сундук двум охранникам, те подхватили казенное золото и пошли за распорядителем. Бьёрн наблюдая за этим действием, не выдержал и начал хлопать в ладони. Монах театрально поклонился и подхватив два больших мешка с золотом кивнул Фестицию на остальные два.

— Теперь если мы не пойдём в таверну я точно кого-нибудь прибью! — воскликнул Бьёрн и уверенно направился в одну из известных ему сторон.

Скит отправил золото в пространственное кольцо и все направились за Бьёрном. Азалия давно вернулась обратно в мир души Скита, хоть немного окрашивая этот мрачный черно-белый мир. Долго идти не пришлось, Бьёрн бывал в этих землях не один раз и точно знал куда идти. Северянин замер у таверны с названием "Пьющий наемник" и обернулся в ожидании когда к нему подтянутся друзья. Все остановились и посмотрели на Скита.

— Ладно уж, чего встали, дайте пройду. — вздохнул он и открыл дверь, сделал шаг и выбросил вперед руку, ловя брошенную в него кружку, сделал из нее глоток, после чего резюмировал. — Пьешь помой. — и поставил кружку на стол ошарашенному воину.

— Неплохо, — ухмыляясь в усы констатировал Бьёрн.

— Не зря я его учил, — довольно произнес Ву.

— Не ты, а мы. — поправил монаха Мор.

— Господин Скит, вы оскорбили воина, — укорил Скита Фестиций. — а он ни в чем не виноват!

— Надо было крепче держать свое пойло. — не сдался Скит.

Сидящий наемник побагровел и подошел к Скиту. Угрожающе навис над ним и засопел. Скит и ухом не повел, повернулся в сторону девушки разносчицы и крикнул:

— Красавица! Принеси нам кувшин лучшего эля! И поставь охладиться второй! — девушка оглянулась и кивнула головой, давая знак, что поняла.

Наемник все еще сопел над ухом Скита, надеясь что он впечатлится его злым сопением, но Скит словно не замечал его.

— Итак друзья, нам тут жить какое-то время. Бьёрн, прости друг, но прибытие к тебе домой вновь откладывается. Кто знает чем мы будем заниматься все это время? — спросил Скит, не отвлекаясь на сопение над собой.

— А тебя не смущает этот прижавшийся к тебе мужик? — Мор не смог сдержаться и задал вопрос.

— Я довольно красивый мужчина, потому он и не смог удержаться. Не переживай, он скоро поймет, что я люблю женщин и сам отстанет. — наемник за спиной Скита умом не отличался, а потому начал сопеть еще громче, яростно раздувая ноздри.

— Ну, не знаю как мы, а ты себе явно нашел развлечение. — ухмыляясь произнес Бьёрн, а после повернулся в ту же сторону, куда кричал Скит. — Красавица! И закусок нам еще принеси! Побольше!

— Не знаю как они, а ты себе развлечение точно нашел. — все же начал говорить наемник, поняв что его грозное сопение не производит на Скита никакого впечатления. — Ты идешь со мной в бойцовскую яму.

— Нет. — спокойно ответил Скит. — Ты мне цветов не подарил, а уже на встречу зовешь? Я себе цену знаю, ни на помойке себя нашел.

— Чего? — не понял наемник.

— Он говорит, что ты рылом страшный. — пояснил монах и наемник засопел еще яростнее, хотя казалось что сильнее уже нельзя.

— И тупой. — добавил Скит.

— Я понял, ты трусишь, да? — попробовал зацепить Скита наемник, но на такую детскую подначку поддаться мог только он сам.

— Я говорю, что за бесплатно тебя избивать мне не интересно. Сколько готов заплатить за свое унижение? — Скит был само спокойствие, в отличие от его соперника.

— Заплатить? — наемник даже не заметил, как Скит выставил его заранее проигравшим, — Почему я должен платить?

— А как ты собираешься меня заинтересовать? — Скит наконец обернулся и посмотрел в глаза наемника. Тот глянул в ответ и отпрянул, глаза Скита были как у хищника, который нашел свою жертву.

— Там будет тотализатор, ты сможешь заработать. — начал наемник, но Скит его перебил.

— На тотализаторе я всяко заработаю. Давай золотой прямо сейчас или я сочту тебя трусом. — Скит протянул ладонь и наемник не ожидая такой наглости положил в нее монету. — Ты действительно глуп, показывай, где ваша яма.

Наемник подошел к хозяину таверны и что-то сказал ему. Хозяин кивнул и махнул рукой. Из-за двери за хозяином выскочил мальчишка и указал Скиту на дверь напротив входа. Скит, отдав друзьям серьезную сумму для ставки, не спеша двинулся в указанном ему направлении. Сразу за Скитом направился и вызвавший его на бой наёмник. Все присутствующие направились куда-то в сторону. За дверью оказался спуск в освещенный подвал. Пол укрывал мелко просеянный песок. На каменных стенах вырезаны фигуры бьющихся людей. Каждый человек одет по разному и так же по разному вооружён. И ощущение силы разлитые в воздухе. Это не просто бойцовская яма. Это целый храм.

— Господа встаньте у двух стен. — начал объяснять правила мальчишка. — Биться будете привычным для вас оружием, бой ведётся до потери сознания, убить здесь невозможно, Дрункард этого не позволит. После признания победы, все ваши раны заживут сами. Вопросы есть? — мальчишка по смотрел на соперников и не дождавшись вопросов продолжил, — Тогда готовьтесь, по звуку гонга начинайте.

Скит встал у стены, где был изображён боец в боевой стойке, у противоположной стены с таким же изображением бойца встал наёмник, имени которого Скит так и не узнал.

— Друзья! Сегодня в бойцовскую яму спустились два бойца, дабы восславить

Дрункарда! Все мы знаем, что нет лучшего способа, чтобы выказать уважение, нежели добрый кабацкий бой! На севере стоит всем вам известный копейщик Орн Нордан! — раздались приветственные крики, Орна здесь знали. — На юге стоит начинающий боец ближнего боя... Серьёзно? У него такое имя? — не совсем уважительно произнес говоривший, — Начинающий боец ближнего боя Скит!

Раздались неуверенные крики, в щуплого, по сравнению с Орном, Скита не верили. Тем более идти с кулаками против копья было не лучшей идеей. Раздался удар гонга и противники начали сближаться.

Раздался удар гонга, и противники двинулись друг на друга. Дойдя до центра они остановились, принимая удобные для боя стойки. Орн встал боком и направил копьё на Скита. Скит принял свою стойку, подражая барсу перед прыжком. И оба замерли не шевелясь и не рискуя напасть первым. Может Орн и не отличался умом, но у него отличная интуиция, и Орн чувствовал, что парень перед ним не прост. Скит же просто хотел понять на что способен его противник. Орн не выдержал первым и начал с простых прямых ударов, он целился в руки и ноги. Скит ловкими и текучими движениями уходил от ударов, не спеша бить в ответ. Орн видел, что этот хилый, по его меркам, и босоногий наглый скиталец над ним издевается, показывая всем своим видом, что играет с Орном Норданом, и это злило его больше, чем те издевательства в таверне. Орн набирал скорость, его удары становились хитрее и смертоноснее. Копьё больше не жалило конечности, теперь опасное острие целилось в жизненно важные точки. Уходить от ударов становилось все сложнее, но Скит все ещё не нападал. Он продолжал уворачиваться, уходить с линии атаки, пропуская копьё в расстоянии на волосок от себя, чувствуя движение воздуха рассекаемый лезвием копья.

— Отбивайся уже! — раздался крик из толпы зрителей.

— Хватит уворачиваться, трус! — вторил ему слишком знакомый голос.

— Бейся, не трать наше время! — последовал ещё один выкрик, подозрительно знакомый бас.

— Господин Скит, вы справитесь! — а вот Фестиций не понял правил игры.

В момент когда Скит отвлёкся на выкрики друзей, Орн ударил копьём наотмашь, и Скит отлетел к стене. Столкновение со стеной ознаменовалось взрывом камней и взвесью пыли. Толпа ликующе закричала, Орн поднял копьё и торжествующе зарычал, подыгрывая толпе. Скит встал на ноги отплевываясь от пыли. На песок, укрывающий пол не упала ни капли крови Скита. Орн обернулся удивлённо смотря на своего соперника.

— Ты из железа сделан, что-ли? — проговорил Орн Нордан поворачиваясь к Скиту лицом.

— Не представляешь, насколько ты прав. — улыбнулся Скит.

Последние две битвы оказались для него удачными. После обыска особняка Дэмиена, Скиту удалось поглотить небольшой слиток лунного серебра, и примерно такой же кусок был найден на корабле пиратов. В общем Скит раздобыл около полутора килограммов лунного серебра. Потому Скит мог сносить такие удары без риска для собственного здоровья. Урон он принимал прям на лунное серебро, которое еще не покрывало его тело полностью, но уже Скит мог формировать его под местом атаки, без необходимости оставлять себя безоружным, развеивая лунное серебро с рук.

Орн зарычал и бросился в атаку на Скита, вот только это больше не были обычные взмахи копьём. Наконечник копья покрылся инеем и буквально замораживал воздух, оставляя след за собой. Копьё казалось медленным, и Скит без труда увернулся от удара. И ещё раз, и ещё. После очередного уворота Скит неожиданно упёрся спиной в стену. Недоумевая откуда тут взялась стена, ведь до неё было несколько метров, Скит обернулся и понял, что за его спиной стоит столб льда, оставленный копьём Орна. И таких ледяных столбов на арене было больше десятка. Каждый след изо льда оставленный копьём, разрастался лишая Скита пространства для маневра. Пока Скит разглядывал арену, он

упустил из виду своего соперника, и его тело пронзила боль от удара копья.

Скит отпрыгнул в сторону, Орн не смог пробить его кожу, защищенную лунным серебром, но место удара стало покрываться льдом. Скит зашипел от боли и досады. Его движения замедлились, теперь выпады копья Орна стали более опасными, нежели до этого. Соперник Скита ликующе закричал и бросился в атаку с новыми силами, чувствуя победу за собой. Орн решил завершить бой прямым ударом копья в живот. Скит не успевал увернуться принимая атаку голым телом, не имеющим брони. По его телу начала расползаться ледяная корка.

— Ну вот и все, ты проиграл. — победно улыбаясь произнес Орн. — Сейчас лёд покроет тебя всего ты не сможешь шевелиться. Мой стиль Замершего Копья медлителен, но терпелив и никогда не проигрывал.

— Подожди, — вместе со словами, с губ Скита соскользнул пар, — как думаешь, коэффициент ставки на меня сильно упал?

— Что? — наёмник не сразу понял, что сказал его оппонент.

— Ставки. — пояснил Скит. — Как думаешь на меня перестали ставить?

После этих слов Скит пропал и появился за спиной Орна. Кулак бронированный лунным серебром врезался в тело Орна и наёмник отлетел на пару метров, остановив свой полет стеной арены. С трибуны раздались ликующие крики зрителей. Из пыли и крошева поднялся покрытый ледяной коркой Орн.

— В последний момент успел. — восстанавливая дыхание произнес он. — Должен извиниться перед тобой. Я поступил не достойно воина, посчитав тебя обычным слабаком.

После этих слов он встал и поставив копье острие вверх произнес:

— Моё имя Орн Нордан. Я практикую стиль Замершего Копья. Мой ранг Посвящённый начальной стадии. Бог-покровитель Ан'Гасиох. — после этих слов, он приложил кулак к сердцу и вздернул руку вверх, не разжимая кулак. Это был приветственный знак воинов, последователей Ан'Гасиоха.

— Моё имя Скит. Название своего стиля боя я ещё не придумал, есть только его зачатки. Мой ранг равен Послушнику начальной стадии. Бога-покровителя у меня нет. — Скит полностью повторил жест Орна, чтобы не оскорбить воина.

Слова Скита заставили замолчать всех присутствующих. Это было немыслимо, чтобы безоружный воин, не имеющий бога и стиля боя, смог выстоять в открытом бою с воином не самого последнего ранга! Орн Нордан только сильнее улыбнулся на эти слова.

— Это означает, что ты достойный боец, Скит не имеющий Бога. Покажи мне всю свою силу, не оскорбляй храм бога своими играми! — прогремел его голос, и Орн бросился в атаку.

Скит больше не играл на публику и тоже пронёсся в атаку на своего оппонента. На арене замелькали искры от столкновения копья и бронированных рук Скита. Нарастающей лёд моментально падал на пол, не успевая затормозить Скита. Он просто развеивал лунное серебро сбрасывая обледенение и заново распространял его по телу. Выпады и удары сливались в одно движение. Зрители не успевали увидеть все происходящее. Ледяные столбы покрывали всю арену, и Скиту приходилось пробивать их, чтобы атаковать Орна. Тело Скита стало покрываться белой молнией, ускоряясь и становясь ещё сильнее. Скит создал в руке серебряную иглу и кинул её в Орна. Наёмник без особого усилия отбил её. Скит повторил атаку, но с тем же результатом.

— Кулаками ты дерешься лучше, чем метаясь эти зубочистки. — отбивая очередную

серебрянную иглу издевался Орн.

— Ты точно в этом уверен? — улыбнулся Скит и произнес, — Прыжок Молнии!

После этих слов Скит обратился белой молнией и оказался сбоку от наемника, нанося тому удар, и снова пропадая из виду. Белая молния мелькала по арене разрушая возведенные копьем стены изо льда и нанося урон наемнику. Теперь Замерзшее Копье не могло успеть за столь быстрым противником. Скит наносил удары с самых неожиданных сторон, Орн не мог предвидеть откуда придёт следующий удар. Ледяная броня не выдержала и разлетелась крошкой блестящей на свету. Белая молния не останавливалась и продолжала бить до тех пор, пока наёмник не упал на песок и больше не оказывал сопротивления. С трибуны раздавались как раздосадованные крики проигравших деньги, так и радостные крики тех, кто решил поставить на этого босоногого неизвестного парня.

— Победитель — Скит! — торжественно произнес тот же голос, что и объявлял его в начале боя.

Скит почувствовал как сила разлитая по арене концентрируется вокруг наёмника, и вот мгновение спустя он стоит без ран и даже одежда на нем как новенькая, от атак Скита и следа не осталось. Уже приготовившись, что и его так же исцелят, Скит замер, но ничего не происходило. Скита исцелять никто не собирался.

— Ведёшь себя, как обиженная девчонка, — произнес Скит так, чтобы никто его не расслышал. После чего развернулся и направился к выходу из арены. Лёгкий толчок потоком воздуха в спину, показал, что его слышали и сильно раздражены. А также то, что Скиту повезло и бог не может спуститься лично покарать дерзкого человека.

На верху, в обеденном зале, его встречали поздравительными криками. После Скита в зале появился Орн и снова навис над ним, в зале возникла тишина. Одним резким движением он схватил Скита в охапку и радостно разразился поздравлениями:

— Это была славная битва! Проиграть такому воину — честь! Хотя ты и маловат, но показал мне, что нельзя смотреть только на размер противника! Выпивка моему новому другу и его спутникам сегодня за мой счёт!

— Это ты зря сказал. — вырываясь из объятий Орна проговорил Скит, он видел как жадно заблестели глаза Бьёрна и монаха. Эти двое никогда не пропустят хорошую пьянку. А за чужой счёт и подавно.

А затем последовала пьянка. Пили все и пили всё. Спустя пару часов массовой попойки Орн задумчиво почесал голову и показал пустой кошель. Затем всех начал угощать Скит, благо деньги имелись. Друзья поняли задумку Скита и потому поставили деньги после того, как все начали ставить на Орна. А своими выкриками они убедили ещё сомневающихся, что Скит точно проиграет. По итогу они заработали ещё несколько тысяч золотых, и хоть деньги и не были их целью, но азарт победы присутствует у всех живых существ. Как Скит добрался до кровати и уснул, он уже не помнил.

Колокольчики над дверью снова известили о моем появлении. Незамеченным мимо этих стражей не пройдет ни одна душа. Улыбчивая девушка из-за барной стойки посмотрела на меня.

— Снова вы? А говорили, что вам не нравится у нас. — странно, но вид её жизнерадостной улыбкой и правда навел на мысли о цветах.

— Я пришёл на место преступления. — Я попытался скрыть истинную причину своего появления здесь. — У вас снова пусто, а ты говорила, что тут всегда полно народу.

— Увы. — она положила меню, и грустно взмахнула руками, — После того происшествия, люди боятся даже проходить по этой улице.

— Глупое стадо, постоянно ищут виноватого в своих проблемах и такие же глупые решения своих проблем. Как будто на этой улице сидит маньяк и ожидает своих жертв. Только в глупых бульварных детективах убийца действует в одном месте. — я скривился и взял меню. Простые ламинированные листы бумаги, с напечатанными на принтере фотографиями того, что здесь готовят.

— А вы людей не совсем любите. — улыбнулась девушка.

— Я их совсем не люблю. — уточнил и сделал выбор. — Можно мне кофе.

— Без сахара? — на её милом лице появилось выражение ужаса, словно я совершил преступление.

— Конечно, — я кивнул.

— Ужасный выбор. — С самым серьёзным выражением лица сказала она мне и пошла за моим кофе.

Девушка не долго колдовала на кухне и вскоре вернулась обратно неся в руках две пустых кружки и полный чайник кофе. На мой немой вопрос она ответила.

— Людей все равно нет, почему бы мне не выпить кофе с вами? — и снова улыбнулась. Её улыбка наводила на мысли о цветах и весне.

Я мысленно ударил себя по лицу. Куда пропало мое вечно недовольство всем миром? Сажу тут словно на свидании. В это время моя собеседница уже разлила по кружкам кофе, в свой она добавила сливки и сахар. Села напротив меня, взяла свою кружку двумя руками и стала дуть на кофе, остужая его. Я же сразу начал пить свой.

— Вы можете пить такой горячей кофе? — сейчас она смотрела на меня, словно перед ней сидел монстр.

— Мне кажется, что он тёплый. — я даже немного смутился.

Раздалось мяуканье коммуникатора и девушка ойкнув полезла к себе в карман доставая свой новый, разрекламированный на каждом углу коммуникатор в чехле с кошачьими ушками. На его экране говорила какая-то очередная инстадива, делась своей, конечно же важной, частичкой жизни для тех, кто её смотрит. Увидев как я смотрю на ее чехол она ответила:

— Я обожаю кошек. Думаю после смерти, в следующей жизни я стану кошкой. Простите, — девушка снова улыбнулась, — обожаю её, очень интересный блог ведёт. А вы на кого подписаны?

— Я не сажу в соц. сетях. — я положил на стол свой старенький кнопочный коммуникатор. — Меня бесят все эти лицемерные блогеры, рассказывающие с экрана о том как они хорошо живут и что зарабатывать деньги может каждый. Кружат голову глупым людям, а потом разводят их в мошеннических схемах, продавая им свои курсы полные воды и собственного самолюбования. А если это не блогер, то просто какой-то кретин, который решил, что его мнение важно и он должен поделиться им со всеми, выкладывая на всеобщее обозрение детскую мысль и радуясь, что её кто-то одобрил. Социальные сети придуманы, чтобы тешить самолюбие людей, давая им то внимание, которое они хотят получить.

— Ого! — как ни странно, моя собеседница не обиделась, а слушала меня с открытым ртом. — Вы не совсем любите такие вещи?

— Я их совсем не люблю. — повторил я уже сказанную сегодня фразу.

— А мне все равно кажется, что вы лишь хотите показаться злым. Вам просто

одинок. — и она снова улыбнулась своей улыбкой.

— Моя работа разочаровывает в людях. — я покачал головой и налил себе ещё кофе, девушка все ещё не допила свой, протягивая его маленькими глотками, и как-то мило вытирая губы сжатым кулачком. — И каждый раз, когда находишь чёрного оккультиста удивляешься, ведь именно на этого человека ты бы никогда не подумал.

— Тяжело вам так жить. — искренне опечалилась девушка. — Никому не доверять и видеть такие ужасы каждый раз, как вы справляетесь с этим?

В ответ, я молча достал из внутреннего кармана пальто фляжку и открутив крышку добавил её содержимое себе в кофе. В помещении разлился аромат дешёвого пойла из маркета возле моего дома. Моя собеседница потянула запах носом и сморщилась показывая, что не одобряет мой поступок.

— Поверь, после стольких лет, только это и сдерживает меня от полного разрушения. — ответил я, на её немой укор.

— Может вам стоит завести котёнка и щенка? Ответственность за чужую жизнь тоже помогает отвлечься. — теперь уже я скривился в ответ на её слова, и не желая отвечать на такую глупость, приложил кружку ко рту.

За окном пошёл мелкий и противный дождь. Такой, который не смывает всю грязь с улицы, а только добавляет её. Этот дождь не наводит приятную осеннюю тоску на душу, он просто раздражает. Всегда ненавидел эту грязь по осени.

— И все же вы сюда возвращаетесь. — молчание затянулось и она решила её нарушить. Видимо долго сидеть в тишине она не может.

— А я по работе. — даже не думая ответил я.

— Я попала в подозреваемые? — с хитрым прищуром глаз спросила меня моя собеседница. И как она умудряется так быстро менять свое настроение и все это показывать на лице? — Я думала, что ещё в прошлый раз вы выяснили, что я оказалась под массовым заклинанием.

— Теперь ты попала в предположительные жертвы. — я не стал кривить душой и ответил как есть. — Мы нашли описание ритуала, который выполняет этот маньяк.

— Что?! — от удивления девушка даже открыла рот. — Почему я?

— Если быть откровенным, то не ты одна. Но моя интуиция подсказывает мне, что ты основной кандидат на последнюю жертву. — этими словами я окончательно добил девушку и она уставилась глазами в пустоту, ничего не говоря какое-то время.

— Почему? — спросила она, спустя пару минут.

— Что "почему"? — я не понял вопроса. — Почему именно ты?

— Нет. То есть это тоже, но не только это. Почему люди совершают нечто настолько ужасное? — выражение её лица, на котором читалось искреннее непонимание того, почему люди на это способны, удивили меня.

— У каждого своя идея. — начал я объяснять ей, — Каждый считает, что он совершает это ради своей "Великой" цели. Но на самом деле это просто сумасшедшие психи решившие, что могут вершить судьбы. Кто-то считает себя мессией, спасающим души живых существ, другой хочет привлечь внимание богов, третий хочет получить силу, четвертый остановить войны. Но итог один, это всегда жертвы и кровавые убийства, каждый раз пугающие людей считавших, что их больше уже ничем не удивить.

— А чего добивается этот оккультист? — девушка нервно дернула плечами и опять вытерла губы, своим неловким движением.

— Он ищет божественной силы. Обряд который мы нашли призывает некую высшую сущность, которая при правильном соблюдении действий наградит призывающего великой силой. — я осмотрел на потолок, вспоминая как мне описывали обряд.

— Правильное соблюдение действий, это убийство невинных девушек? — она скривила губы от такой формулировки того ужаса, который творил оккультист.

— Прости, это рабочий термин. Если я буду описывать то что он делает, займет больше времени, да и вслух это произносить довольно мерзко. — я почувствовал укол совести, от такой сухой формулировки. — А девушки не были такими уж невинными, в его глазах. Ему требовались пять жертв, предавших свои идеалы.

— Какие идеалы они предали? — уже более заинтересованно спросила девушка.

— А какие идеалы могли предать романтические особы приехавшие, чтобы сниматься в кино? — я зло усмехнулся, — Они добились своего не талантом, а через покровительство продюсеров.

— Почему вы так думаете? — обидевшись за своих потенциальных коллег, девушка с цветочным именем стукнула опустевшей кружкой по столу. — По вашему все актрисы могут добиться известности только переспав с кем-то?!

— Нет конечно же. — я поднял руки в примиряющем жесте. — Я говорю только об этих пяти. И это не предположение, это факт. Я не просто так свою зарплату получаю. А так как это единственный факт который объединяет жертв, то наш подозреваемый это свихнувшийся одинокий мужчина, который следит за жизнью своих идолов. И если он видит их запачканную непорочность, то сходит с ума от ревности.

— Тогда вы зря записали меня в группу риска. — грустно усмехнулась девушка, — Мне удалось сняться всего в одной серии непопулярного телесериала, а после грязных приставаний я ударила режиссера, и моя карьера была окончена.

— Ты не дослушала. — мой похолодевший взгляд заставил девушку вздрогнуть. — Последняя, шестая жертва должна быть непорочна, сохранить себя и свои идеалы. Твое появление на экране и последующее быстрое завершение карьеры, навело меня на мысль, что ты следующая.

Девушка вскрикнула и прижала ладошку ко рту. Искренний испуг светился в глазах, в уголках глаз появились слезы. Её затрясло от страха, и я уже пожалел о том, что вывалил на неё все и сразу. Мне всегда говорили, что я слишком прямолинеен и не умею аккуратно подавать информацию.

— Не стоит пугаться, теперь рядом с тобой всегда будет наш сотрудник, мы будем следить за тобой и теми, кто к тебе приближается. — я понизил голос, чтобы он казался мягче, но это не сильно помогло.

— Кто это будет? — спросила она, справившись со своим страхом.

— Кто-то из наших оперативников. — я пожал плечами.

— Я хочу, чтобы это были вы. — будущая жертва взяла меня за руку и посмотрела мне в глаза. Я отвернулся, не выдержав взгляда этих изумрудных зеленых глаз.

— Я не могу, мне надо проверить остальных попавших в группу риска. — и увидев как на ее глазах вновь появляются слезы, я поспешил её успокоить. — Но я обещаю, что буду заглядывать к вам каждый день и проверять, все ли у вас в порядке.

— Спасибо. — от этого простого и короткого слова, почему-то защемило в груди и я поспешил к выходу.

— Сержант! — крикнул я за дверь, — Берись за работу, сколько еще будешь зевать? — и

когда поспешивший зайти в кафе сержант вошел, я прошептал так, чтобы расслышал только он. — Если с её головы упадет хоть волос, ты сильно пожалеешь. — и после этих слов, я не прощаясь вышел на улицу.

Скит проснулся и рывком встал с кровати. В окно ему светила белая луна, но не такая как в мире его души. Эта луна имела полутона и казалась более цветной. Сон из прошлой жизни. Почему от него так больно? Скит схватился за грудь, но боль была не в теле, она была глубже. На его груди засветилась татуировка кошачьей лапы, и в комнате без зова Скита появилась Азалия. Хорошо подросшая кошка запрыгнула Скиту на грудь, и замурчала. Скит обнял своего питомца и прижал ее к себе, утыкаясь лбом в её пушистый мех. Азалия мурчала, показывая Скиту, что он не один, и одно существо в этом мире всегда поможет ему.

— Я знаю, малыш. Ты никогда не бросишь меня. — боль в груди отпустила, и Скит сидел на полу оперевшись спиной на кровать и гладил мурлыкающего котёнка.

Азалия ничего не ответила, но в этом и не было необходимости. Они были связаны и понимали друг друга словно были одним существом. Азалия мякнула показывая, что ей пора обратно и лизнув Скита в щеку, растворилась лазурным свечением. Поняв, что не сможет сейчас уснуть, Скит достал из кольца кристалл со стихией неба.

У Скита появилась новая идея, поэтому он решил понять и эту стихию. Последняя неделя не принесла результата в понимании сути стихии неба, каждая стихия давалась все сложнее ведь их суть различалась кардинально, несмотря на то, что многие были практически схожи. Скит понимал, что третья стихия будет последней. В самом лучшем случае он сможет приблизиться к пониманию четвёртой, но на это можно было бы рассчитывать при самом лучшем исходе событий. Скит никогда не был гением как Фестиций, и показать результат выше среднего он даже не рассчитывал.

Небо, оно безгранично. У него нет начала и нет конца. Объять небо своим разумом нет возможности. Разум человека ограничен своей узостью. Разум Скита скоротечен из-за слияния с сутью молнии. Стихия неба постоянна и неизменна, в сравнении с быстроживущей молнией. Самая неудобная для Скита стихия.

В свете луны за окном что-то мелькнуло, и Скит на одних инстинктах отскочил в сторону. Там где секунду назад находилась его голова в кровати торчала стрела. Скит выпрыгнул в окно, надеясь нагнать убийцу, но успел увидеть только тень прыгающую по крышам и скрывающуюся вдали. Покрутив головой и поняв, что шансов поймать покусившегося на жизнь Скита у него нет, он побрел обратно сильно удивив охранника на входе, который не видел чтобы посетитель уходил, но зато возвращается обратно.

Сна не было, и Скит подошёл к хозяину, стоящему за барной стойкой. Тот протирал свое рабочее место тряпкой, хотя барная стойка и так блестела от чистоты.

— Хозяин, — Скит привлёк внимание к себе, — я могу воспользоваться ареной, для тренировки?

— Можешь, отчего же нельзя? — откликнулся тот, но без особого интереса. — Тренировки дело хорошее, богоугодное. Но это не бесплатное дело, час — половина золотого. Если хочешь заниматься в одиночестве, то целый.

— Не дорого берёшь? — удивился Скит доставая пять золотых.

— Так у меня место особое. — хозяин забрал деньги ловким движением. — Малое место силы. Большой храм тут не поставит, но небольшой обрядный круг возвести можно. Тут малая аватара Дрункарда обитает. Он и лечит бойцов, после ритуального боя. А тренировки и медитации на этом месте больше сил придают.

— Это хорошо. — Скит довольно потёр руки. После его прорыва в развитии в Лесу Смерти, тренировки на корабле мало радовали Скита. — Я буду один тренироваться, но если кто из моей команды захочет присоединиться, то запускай.

Скит спустился на арену, где пару часов назад он бился с Орном Норданом. На арене не было и следа от их боя. Стены были как новые, без единой царапины, песок аккуратно лежит по всей арене. Начать тренировку он решил со своего стиля. Приняв стойку похожую на барса перед атакой, Скит стал плавно перетекать из одного положения в другое. Двигаясь медленно и плавно, Скит понимал, как ему удобнее передвигаться, как проще перетечь из атакующей стойки в защитную. Где ему необходимо набрать скорость, а где наоборот её нужно сбросить. Скит уже не щупал свой путь в темноте. Он твёрдо стоял на нем двумя ногами и с каждый шаг, с каждый удар на этой арене, он делал это все увереннее. От взмахов кулаков Скита в воздухе мелькали искры, удары Скита выбивали звук из воздуха, словно он ударил в железный лист. Чем быстрее становились его движения, тем явственнее становились видны молнии оставляя след от его взмахов и гром от его ударов. Его стиль, стиль Барса Грома, как Скит решил его назвать, уже не был зачатком боевого стиля. Это был настоящий и опасный стиль, придуманный Скитом, и идеально ему подходящий.

— Хорошо двигаешься. — прозвучал голос Ву за спиной Скита. Не ожидая никого услышать Скит сбился с ритма и потерял концентрацию. — Ты все же его придумал. Свой стиль боя. Как решил назвать?

— Стиль Барса Грома. — ответил Скит восстанавливая дыхание.

Дышал он тяжело, но это не омрачало его радости, он больше не зародыш бойца. Если Скит ещё не страшный противник для серьёзных воинов этого мира, но доставить проблем он точно сможет.

— Предсказуемое название. — улыбнулся монах и приложился к своей горлянке. — Хочешь опробовать его в действии?

— Давай. — согласился Скит. Проверить себя, против такого опытного воина как монах Ву, было серьёзным испытанием для его новорождённого стиля боя.

Ву, отставил свой посох в сторону и встал напротив Скита, поднял ладони и выставил их перед собой. Скит принял свою единственную боевую стойку подражающую барсу перед атакой, и приготовился. В следующее мгновение он сорвался с места и бросился на монаха. Ву плавно, отступил вправо и увернулся от простого удара кулаком. А в следующее мгновение Ву охнул от удара хвостом в бок. Стоп, каким хвостом, у Скита нет хвоста! Это был удар ногой, который последовал за первым ударом, но движение было настолько плавным и встроенным в движение тела, что монах не почувствовал угрозы от него.

— Ты опаснее, чем я думал. — ухмыльнулся Ву.

В миг став серьёзным, монах бросился на Скита, не давая тому и шанса для атаки. Скит уходил от атак плавным и быстрыми движениями. Ву атаковал безостановочно, его движения были плавны и тягучи, как вода. Сильны и массивны, как снежная лавина. Скит не понимал, почему именно такие аналогии приходили ему в голову, но это было так. Вскоре Скит понял, что если он продолжит уходить от ударов, то монах его зажмет возле стены и Скит проиграет. От движений Скита появлялись остаточные изображения из белых молний в виде движущегося барса. Тело Скита покрылась белой молнией и в одно мгновение он оказался над монахом. Ву успел отскочить в сторону, и с громкий громовым ударом Скит взорвал песок в том месте, где мгновение назад стоял монах.

Теперь ситуация изменилась в противоположную сторону. Скит атаковал монаха, а Ву

защищался. Каждый удар Скита, даже если он не достигал цели, оканчивался громким ударом грома, звуки которого со временем начинали глушить монаха, и он терял ориентацию. Движения замедлялись, и перестали быть такими точными как в начале боя. Поняв, что ничего не может противопоставить Скиту, Ву вскинул руки и признал поражение.

— Ахахаха! — раздался с трубун громкий хохот Бьёрна. — Он все же уделал тебя монах! Он уделал тебя! — крикнул Бьёрн и спрыгнул на арену. — Я же говорил, что у этого парня огромный потанцеал! Говорил!

Бьёрн так радовался, словно это он только что совершил что-то невероятное. Но Скит понимал, монах остановил бой потому что не хотел переходить на более высокий уровень боя. Не хотел, чтобы они стали сражаться более серьёзно. Ву просто помог Скиту проверить свои силы, узнать на что способен его, ещё совсем молодой, стиль боя. Сражаясь он более серьёзно и Скит не то что продержаться, он бы не вы стоял против монаха и пары минут.

— Не кричи так. — отпив из горлянки, Ву поморщился от громких криков Бьёрна. После повернулся к Скиту и сказал: — У тебя хороший стиль, но для работы в полную силу тебе нужно разогнаться, набрать скорость. В это время тебя легко победить, не забывай об этом.

— Стиль я продумал для нас двоих, — ответил Скит касаясь татуировки на груди, — вдвоём нам это время не нужно.

— Ты не всегда сможешь биться с ней рядом, да и Азалия ещё совсем крошка. Долго она не может биться с тобой рядом, её сил не хватает находиться долго вне твоей души. — объяснял монах минусы стиля боя Скита.

— Спасибо, об этом я ещё не догадывался. — искренне поблагодарил монаха Скит.

— Идём завтракать, кэп. — пробасил Бьёрн. — А то наши хилые друзья умрут с голоду и от головной боли. Фест совсем не умеет пить.

Скит поднялся на вверх и увидел сидящих за столом Мора и Фестиция, держащихся за головы и стонущих от боли. Пить они действительно не умели.

— Болеее? — Бьёрн говорил громче чем обычно, вид страдающего от головной боли Мора радовал его. — Надо знать свой предел. Сейчас бы не мучался. Ладно малой, он первый раз с нами пьёт, но ты-то уже не первый раз.

— Пожалуйста, можно потише, господин Бьёрн? — поднял глаза в мольбе Фестиций. У парня было первое в жизни похмелье и он ненавидел себя за то, сколько он пил прошлой ночью.

— Можно было бы, если бы голова болела у меня. — улыбался во все тридцать два зуба здоровяк.

— Я сейчас повешаюсь от твоего крика. — страдальчески произнес Мор.

— Всегда нужно расплачиваться за свою безмятежность. — довольно произнес Бьёрн, и знаком подозвал девушку-разносчицу и сделал заказ.

Мор не выдержал криков Бьёрна и ушёл к себе в комнату. Сжалившись над оставшимся больным соратником, северянин приложил к Фестицию руку, спустя минуту мученик поднял голову и смотрел на мир уже без боли и сожаления. Пару минут спустя все занялись едой не отвлекаясь на разговоры. Бьёрн заказал кувшин эля, но пил его один. Фест даже посмотреть в его сторону боялся, монах пил из своей горлянки, а Скит потягивал тягучий дым из трубки. На душе было спокойно, но эту идиллию прервал женский крик ужаса со второго этажа. Не сговариваясь Бьёрн и Скит бросились на звук, на втором этаже их

встретила бледная от ужаса служанка.

— Там... Там... — она заикалась и не могла объяснить, что её так напугало.

— Успокойся, милая. — рычащий бас Бьёрна не предполагал к тому, чтобы кого-то успокоить, но проведённая по голове ладонь сделала свое дело и девушка перестала всхлипывать.

— Там ваш друг весит, — ещё раз всхлипнув, она наконец сказала, что её так напугало.

— Что?! — враз переспросили Бьёрн и Скит.

— Он повесился. — повторила девушка. — Ваш друг. Я зашла прибраться, а он уже дергаться перестал и замер.

Скит осторожно заглянул в комнату Мора и увидел перекинутую через балку веревку с качающимся в ней телом Мора. Метнул серебряную иглу и Мор упал на пол. Минуту ничего не происходило, а потом он закашлялся и поднялся на ноги.

— АААААА! — громче прежнего завизжала девушка. — Мертвец! Мертвец ожил Мертвец ожиииил!

Крик девушки начал брать слишком высокие ноты, и Бьёрн поморщившись вырубил её. Силы он не прилагал, воспользовался целительной энергией. Целитель должен уметь не только заживлять раны, но и успокаивать разбушевавшуюся психику, что сейчас и сделал Бьёрн.

— Ты что творишь, смертник? — разгневанно спросил Скит. — Хочешь внимание к нам привлечь? Или еще не понял, что на нас открыта охота?

— Я вылечил головную боль. — блаженно улыбался Мор. — Она больше не мучает меня.

В этот момент на второй этаж вбежали вооруженные люди. Крики служанки все же были услышаны. Новый друг Скита Орн Нордон тоже был здесь.

— Где мертвец? — проговорил он.

— Вот он. — Скит сделал шаг назад указывая на вполне живого Мора.

— Друг Мор? — удивился Орн, — Но он вполне жив.

— Конечно он жив. — кивнул Скит. — Просто так перепил вчера, что выглядел не лучше трупа. Вот эта девушка и подумала, что он умер. Хорошо, что у нас есть целитель, — Скит кивнул на Бьёрна, — поправил бедолагу, теперь он хоть на человека похож стал.

— Вот только не на долго. — зло смотря на Мора прорычал Бьёрн.

— Простите, что побеспокоили вас, наш друг за это каждому поставит по кувшину хорошего эля. — пообещал Скит за Мора и его слова были радостно восприняты. Протестующие возгласы Мора все проигнорировали и спустились вниз. Уснувшую девушку-служанку уложили на кровать Мора и укрыли одеялом. Пусть поспит лечебным сном и успокоится.

— Есть тема для разговора. — сказал Скит, когда все спустились и сел за стол. Он вновь закурил свою трубку и стал пускать сизый дым. — Ночью на меня напали, кто-то пустил стрелу мне в голову с соседней крыши.

Над столом возникла тишина. Бьёрн даже эль пить перестал, держа кружку у рта. Монах открыл глаза и посмотрел на Скита. Фестиций хотел что-то спросить, но Мор не дал ему это сделать.

— Кто это был? Ты успел за ним проследовать? — сразу стал задавать вопросы смертник.

— Я выпрыгнул в то же мгновение, как стрела пронзила то место, где находилась моя

голова. Но увидел только тень, растворившуюся в ночи. — ответил Скит. — Боги не действуют так тонко, на нас бы спустили армию, как это было с пиратами. Кто это мог быть ещё?

— А вы вообще слушали, что говорили вчера? — подал голос Ву, но видев непонимание в глазах друзей, монах начал пояснять. — Вчера вспоминали опозоренного нами Владетеля земель Артэ. — при названии родной земли, Фестиций поднял глаза на монаха. — О нашем приключения уже песни в тавернах поют. Считается, что он продал нам свой зад за несколько килограмм кристаллов зверей. — Бьёрн заржал на весь зал так громко, что на них начали оборачиваться. Ву подождал, пока северянин успокоится и продолжил. — Да, именно так поют. А вы вчера после того как услышали эту песню начали кричать, что это мы сделали, что поют про нас.

— Ужас! — воскликнул Фестиций. — Как вы могли?! Мы опозорили нашего Владетеля, а теперь ещё и кичитесь тем, что мы совершили такой недостойный воинов поступок?

— Это ты кричал. — остановил обличительную речь Фестиция монах.

После этого вновь раздался смех северянина, а на них стало смотреть ещё больше людей. Фест покраснел, и опустил голову.

— Не суть, дело в том, что теперь всем известны имена тех, кто залез в сокровищницу и спальню Владетеля. А ещё разнес ему половину замка. — продолжил Ву как единственный, кто помнил прошлый вечер.

— Но мы не разносили замок! — воскликнул Фест, которого мучила совесть за произошедшее.

— Вчера ты утверждал обратное, — припечатал монах, — и даже доказывал, что это лично твоих рук дело. В общем, Владетель не выдержал позора и нанял наёмных убийц, дав за наши головы хорошую цену. Так что нас хотят убить все, кто может это сделать.

— Почему ты один все помнишь? — с подозрением спросил Бьёрн.

— Потому что, здоровяк, я никогда не позволяю себе опьянеть. Тело, разум и душа, — монах поочерёдно коснулся своих живота, лба и сердца, — все это можно контролировать, и на твоём уровне развития ты тоже не должен пьянеть.

После слов Ву, все замолчали. Скит задумчиво дымил, что-то обдумывая только что услышанное. Будущие покушения на его голову Скита не пугали. Скорее это было лишней головной болью, на фоне объявленной на них охоты богов. Остальные тоже погрузилась в размышления, но каждый в свои.

— Нечего тут размышлять. — выпустив сизый дым, сказал Скит. — Мы не можем остановить течение реки в которую вошли, а значит поплывем по течению. — Скит вновь выдохнул табачный дым. — С наемными убийцами будем разбираться при встрече, а сейчас предлагаю погулять по городу, три недели сидеть в таверне я не собираюсь.

— Вы не совсем понимаете, господин Скит. — подал голос расстроенный Фестиций. — Владетель заплатил Многоликому Такеми. Его последователи меняют личины, как эта красавица свои платья. — парень кивком головы показал на проходящую мимо окна девушку в свободных тёмных одеждах. — Удар может нанести любой человек которого вы встретите на своём пути. А в следующее мгновение рядом совсем другой человек, и он делает вид, что пытается вас спасти. Говорят, что никто не выжил после того, как безликие взяли контракт на убийство.

Как и всегда только Скит не знал настолько важную информацию. Но менять свое решение он не собирался.

— Это все усложняет, но сидеть тут и пить три недели я не могу. — ответил Скит парню. — Убить нас может любая случайность. Бояться нет смысла. Бьёрн, что бы ты хотел посмотреть в главной земле бога воинов?

— Оружейные лавки. — не задумываясь пробасил северянин, — Всегда было интересно, чьи оружейники лучше. Наши или местные.

— А ты, Мор? — Скит повернулся к смертопокклоннику.

— Мне тут ничего не интересно. — отведя глаза ответил Мор.

— Ву? — перевёл взгляд Скит.

— Хочу провести проповедь заблудшим душам в борделе. — мечтательно произнес самый неправильный монах всех земель этого мира.

— Значит у всех есть свои цели, предлагаю выйти в город, и заняться своими делами. — подвёл итоги Скит, и убрал свою трубку в кольцо.

Бьёрн допил эль, и все поднялись из-за стола. На выходе из таверны от них отделился монах и направился в сторону борделя. Друзья же пошли в самую шумную часть каждого города — базар. Базары одинаковы во всех мирах и городах. Аккуратные ряды лавок и кричащих торговцев, пытающихся перекричать своих конкурентов. Люди толпящиеся и торгующиеся за каждый медяк. Не из жадности, а ради удовольствия. Снизить цену у жадного торговца на одну монету считалось победой и было поводом для весёлых рассказов под кружку крепкого напитка. Только не всем было известно, что цена уже называлась с учётом того, что покупатель будет торговаться. И даже после того как торговец делал скидку, цена оставалась слишком завышенной, а торговец оставался с хорошей прибылью. Все же последователи Тажира самые хитрые и не брезгующие обманом торговцы.

Бьёрн сразу пошёл к оружейным домам, игнорируя мелких лавочников. Друзья пошли следом, но пройдя три оружейных дома, Скит понял, что ничего интересного для него там нет. Оружием он не пользовался, а лунное серебро купить не так просто из-за сложного способа его добычи. Юный Фест прилипал к блестящему оружию, но такие клинки не имели никакого смысла кроме сомнительной красоты и эстетики. Мор просто шёл туда, куда шли и остальные.

После очередного оружейного дома Фестиций заметил художника торгующего своими картинами. Люди проходили мимо него, даже не смотря на холсты стоящие вокруг уличного художника.

— Господин Скит, пойдёмте посмотрим на картины! Я давно не разговаривал с последователями Артэ, хотелось бы посмотреть на искусство этого художника. — начал просить Фестиций, чтобы с ним пошли до точки его интереса.

Немного подумав, Скит решил, что в том чтобы ходить по всем оружейным домам нет ничего интересного, друзья оставили Бьёрна одного, а сами отправились до художника. Приблизившись Скит не смог сдержать удивленного восклицания, художник был слеп! Его белые, невидящие глаза смотрели в пустоту перед собой. Картины художника были не менее странными. Мазня одного или двух цветов, не имела никакого смысла.

— Господин Скит, смотрите как это прекрасно! — восхищенно воскликнул Фестиций, разглядывая картины слепца.

— Я не понимаю, что на них изображено. — обескуражено ответил Скит.

— Вы не умеете смотреть, уважаемый. — подал голос художник, его голос был сиплый и спокойный. Его совершенно не оскорблял тот факт, что его искусство кому-то не понравилось. — Посмотрите на эту картину, мне кажется, что рисовал я её именно для вас.

Скит проследил за пальцем на мозолистой руке бывшего воина. Картина на которую указал слепец была такой же не понятной, как и все остальные. Мазня из белого и чёрного цвета, не имеющих смысла. Угловатые линии, и жирные кляксы.

— Я все ещё не вижу в ней никакого смысла. — Скит начал закипать, ему казалось, что слепой художник над ним издевается.

— Это потому что вы смотрите глазами, уважаемый. — все так же спокойно ответил слепец. — Но вы не умеете видеть.

— А чем смотреть, если не глазами, старик? — влез в разговор Мор.

— Человек может видеть не только глазами, юный господин Морий, я думал за все эти года вы научились этому. — слепец повернулся на голос и казалось, что он смотрел прямо на Мора, а не в пустоту, как обычно.

— Откуда ты знаешь моё Истинное Имя?! — угрожающе проговорил Мор, и достал свои серповидные клинки.

— Как я могу не знать имя своего ученика, которого я ещё ходить учил? — улыбнулся художник, а Мор от растерянности опустил руки.

— Учитель Ичи? — на Мора было не привычно смотреть. Его руки тряслись, и он не мог убрать свои клинки обратно.

Где-то отдалённо Скит услышал перезвон колокольчиков. Он завертел головой, но не нашёл источник звука. Нет, не колокольчики, это были звон десятка колец. Скит усмехнулся, находиться в землях воинов, и удивляться тому, что слышишь звон кольчуги. Глупее ничего и не придумать.

Мор неуверенно двигался к своему учителю словно боялся спугнуть видение. Учитель постарел, и не был похож на себя бывшего. Морий помнил его статным и суровым воином, а сейчас перед ним сидела слепая тень того человека, который одним взглядом мог остановить любого зарвавшегося мужа.

— Не стоит бояться, господин Морий. — старик улыбнулся, — Это мой выбор, и я его не стыжусь.

В этот момент, слепец выкинул в сторону Скита руку, с которой что-то сорвалось. На рефлексах Скит отпрыгнул в сторону и позади него раздался вскрик. Обернувшись он увидел убегающую черноволосую девушку в свободных одеждах, а на земле лежал тонкий кинжал, выбитый из её руки кистью художника.

— Но как?! — воскликнул Мор. — Как вы, слепой учитель, отбили её атаку? Даже мы не заметили как она приближалась за спину Скита.

— У вас есть глаза, но вы не умеете смотреть, уважаемые. — улыбнулся слепой художник, бывший учитель Мора.

— Господин Морий! — сквозь сон пробился голос прислуги.

Опять ему не дают выспаться. У него уже возраст посвящения, а с ним все как с несмышленным отроком возятся. Морий встал с кровати и потянулся. Стук в дверь не прекращался и он крикнул:

— Я проснулся, дядька Одун! Сейчас оденусь и выйду! — прокричал Морий.

— Поторопись, парень! Господин Ичи долго ждать не будет, опять отхватишь бамбуковой тростью по мягком месту. — прокричал из-за двери старый воин, выполняющий обязанности личного охранника молодого наследника рода Элдоров.

Морий уже заканчивал одеваться и застегивать ремешки на ремне с ножнами. Наследник рода Элдоров не должен ходить без оружия, как любил говорить его отец. Старший Элдор, Борей Элдор, был Первожрецом, Патриархом Великого Воина Ан'Гасиоха. Из-за чего на юного Мория накладывалась большая ответственность. Дисциплина и самоконтроль, постоянные тренировки и идеальный вид. Никто не должен допустить и мысли о том, что главный человек в касте воинов может не справиться с воспитанием своего сына.

Во дворе уже стоял учитель Ичи. Сильный воин с раскосыми глазами. Он единственный из окружения Мория Элдора, кто не являлся последователем Ан'Гасиоха. Этот человек поклонялся Сейту, богу Порядка, и в свое время был главным кандидатом на становление Патриархом церкви Порядка. Но он лично отказался от этого шага, а после отец Мория пригласил учителя Ичи, заниматься со своим сыном фехтованием. Морий не знал полного имени своего учителя, тот всегда представлялся этим коротким словом. Кажется, что даже отец, безгранично уважающий этого воина, не знал как звучит его Истинное Имя.

— Вы снова опоздали, господин Морий. — без приветствия произнес учитель фехтования похлопывая себя по ноге бамбуковой тростью.

— Простите, учитель Ичи. Я плохо себя чувствовал утром. — начал оправдываться Морий и вскрикнул от боли. Бамбуковая трость хлестанула его чуть ниже спины.

— Воину не должно придумывать себе оправдания. — повторил, уже кажется, в тысячный раз учитель Ичи. — Воин с честью признает свою ошибку и обязательно её исправит. Так почему ты опоздал?

— Я всю ночь читал книгу, учитель Ичи. — ответил Мор, почесывая место удара, и смотря в глаза учителю.

— А теперь, господин Морий, пройдемте на тренировочный плац, до завтрака вам необходимо провести разминочную тренировку. — учитель Ичи отступил в сторону, пропуская своего ученика вперед и посмотрел ему вслед. Вот уже десяток лет он учит юного Элдора, а он за эти года еще ни разу не пришел вовремя. — Через три дня вам становиться последователем Ан'Гасиоха, а вы ведете себя как ребенок.

— Откуда вы знаете, что я стану молиться Ан'Гасиоху, учитель Ичи? Может я хочу выбрать еще кого-то в покровители. — спросил Морий, чтобы не идти молча до тренировочного плаца.

— Потому что все ваши предки были последователями покровителя воинов. Ваш предок, первый Первожрец Ан'Гасиоха, Патриарх Элдор, от имени которого берёт свое начало ваш род и родовое имя, договорился с богом-покровителем, что все потомки Элдора

будут поклоняться только ему. А в обмен вы получаете огромную силу, какую не получит ни один из последователей Ан'Гасиоха. — закончил говорить учитель Ичи, и снова ударил палкой своего ученика чуть ниже спины.

— Ай! — воскликнул Морий. — За что?

— За то, что это ваша история, молодой господин, и это Вы должны мне её рассказывать, а не я Вам. — невозмутимо ответил учитель Ичи. — А теперь приступайте к разминочным занятиям с оружием.

Морий достал из ножен свои клинки и встал в боевую стойку, которой его обучали, начал выполнять разминочные взмахи клинками, разгоняя последние остатки сна в организме и разогревая свое тело от ночного застоя. Вскоре в теле появилась приятная ломота, мышцы рук забились, а взмахи клинков уже не были такими резкими и чёткими. Учитель заметил, что его ученик ленится — угрожающе покачал бамбуковой тростью, и Морий начал выполнять упражнения со всем усердием.

— Заканчивайте, молодой господин. Умойтесь и идите на завтрак. А после я жду вас тут. — сказал учитель видя, что его ученик уже выбился из сил. — После завтрака у нас медитации и продолжение тренировки.

Морий с облегчением опустил руки и убрал клинки в ножны. Тяжело дыша он поблагодарил учителя и направился к бочке с водой, стоящей в углу тренировочного плаца. Фыркая, Морий умыл лицо и вспотевшее тело. Пока он не встал под покровительство бога, его тело было не сильнее обычного беспутного крестьянина. Да он открыл свои врата, но больше ни на что не был способен. А тело уставало ровно так, как и должно уставать у простого мальчишки четырнадцати лет.

В обеденном зале уже сидели отец и мать, а слуги накрывали на стол. Старший Элдор сидел во главе стола, а мать по правую от него руку. Морий поздоровался с родителями и сел напротив матери. Слуги поставили перед ними еду, и Морий приступил к завтраку.

— Сынок, не забывай использовать столовые приборы. — ласково, но с металлом в голосе сказала мама, Ханна Элдор.

Мама Мория тоже была воином, хоть это и нельзя было сказать с первого взгляда на неё. Его родители были сильнейшим воинами в землях Ан'Гасиоха. Патриарх и Матриарх, правый и левый клинок Бога. Их брак организовал и засвидетельствовал Бог лично, а не аватар, как у всех остальных. Главные люди в его религии, несущие Его волю. И когда-то Морий должен будет занять эту должность.

— Да, мама. — сказал Мор и взял в руки вилку.

Завтрак проходил в тишине. Никто не спрашивал как проходят тренировки их сына, чем он занимается, или готов ли он к посвящению, которое состоится через три дня. Морий доел и поблагодарил за еду, встал из-за стола собираясь бежать к учителю, опасаясь за свое мягкое место.

— Сын! — остановил Мория окрик отца. — Я разговаривал с мастером Ичи. Он хвалит тебя за успехи в учёбе. — после отвернулся и продолжил есть, протягивая вино из золотого бокала.

Морий отвернулся и побежал на тренировку. Учитель Ичи уже стоял с бамбуковой тростью в руках, ожидая своего ученика.

— Я не опоздал, учитель. — поспешил сказать Морий, прикрывая себя руками, чуть ниже спины.

— Хорошо. — улыбнулся учитель Ичи и указал кивком головы на песок. — Садитесь и

начинайте медитацию, юный господин Морий.

Морий сел скрестив ноги, положил руки по центру и вкладывая одну ладонь в другую замер, концентрируясь на знакомом чувстве течения энергии сквозь врата души. Звуки вокруг затихли, Морий отрешился от мира вокруг себя. Суть тренировки заключалась в том, чтобы почувствовать мир внутри себя, а не себя в мире.

— Вам не следует думать, молодой господин. — услышал голос учителя Морий. — Чтобы прочувствовать мир своей души, вы должны отключить разум. В первый раз он только мешает. Отпустите разум, пусть он отправится в свободный полет, и поведёт вас за собой.

— Если бы это было так легко, учитель Ичи. — пожаловался Морий открывая глаза.

— Что вас гложет, молодой господин? — учитель Ичи всегда был проницательным и знал, что творится на душе его ученика.

— Мой отец. — подумав ответил Морий. — Почему он не обращает на меня внимания? Они с матерью так много от меня хотят, я боюсь подвести их.

— Твои родители проводники воли Великого Воина Ан'Гасиоха. У них очень много работы, и полно забот. — начал говорить учитель. — Они больше не принадлежат себе, и вся их деятельность это интересы вашего бога.

— Но я ещё не выбрал его. — начал спорить Морий.

— Как я вам уже говорил, молодой господин, ваш выбор был предрешен за долго до вашего рождения. — остановил ученика Ичи. — Ан'Гасиох просто так вас не отпустит. Приступайте к медитации, господин Морий. Вам нужно готовиться. Чем сильнее вы будете в день посвящения, тем больше силы вам даст ваш покровитель.

Морий повторил позу, в которой сидел несколько минут назад и вновь начал медитировать. Мир вокруг стал отходить все дальше, а течение энергии внутри тела становилось все отчетливее. Морий концентрировался на этом чувстве течения энергии. Странно, раньше он не замечал, но под этими ручейками энергии есть какая-то пустота. И в этой пустоте что-то прячется. Морий начал плыть в сторону этой пустоты, привлекающей его внимание. Он вытянул руку, стараясь коснуться её, но тут лёгкий удар камушком вернул его сознание в свое тело.

— Эй, Мор! — послышался лёгкий шепот. — Чего сидишь? Мы опоздаем.

Морий обернулся и увидел Джуди. Дочку прачки, девочку которую он знал с самого детства. Она была его единственным другом, и единственным человеком который мог сказать ему что грубое, и неуважительное. За что не раз получала от своей матери.

— Чего пялишься? — прошипела она, боясь привлечь внимание медитирующего учителя Ичи. — Бежим скорее, Театр Теней приехал, мы опоздаем на представление!

Морий аккуратно поднялся и на носках двинулся к плацу. Учитель даже не шелохнулся, видимо ушёл в глубокую медитацию. Возможно он даже находился в мире своей души.

— Ай, ты чего дерешься? — обиженно воскликнула Джуди.

— Я почти нашёл свой мир души, но ты меня отвлекла. — шёпотом проворчал Морий, дав девочке слабый подзатыльник, — Пойдём, пока учитель Ичи не вышел из медитации. Ох, и даст он мне палкой, когда я вернусь.

И дети прошмыгнув за дверь, служащей входом на тренировочный плац, побежали на представление театра, прибытие которого они ждали почти месяц. Морий так и не заметил, как его учитель улыбался, делая вид, что не слышит их разговора, и не замечает побега своего ученика.

— Нет, ну ты видел?! — восклицала возбужденная Джуди, когда они возвращались с представления в Театре Теней. — Ты видел танец Злобного Гения? В самом конце? У меня даже ноги сами в пляс пошли! Это восхитительно!

— Не кричи, я был рядом и все видел. — пытался успокоить подругу Морий. — Это люди искусства театра, конечно они могут задеть струны души.

Друзья возвращались домой с выступления, которое проводилось за городом и после того, как сумерки начали сгущаться. Для того, чтобы показать выступление теней необходима тьма, и свет который её разгоняет, а городские огни этому мешают. Мор оглядывался по сторонам, чувствуя себя настоящим воином, охраняющим слабую деву, хотя Джуди иногда была не как слабая и незащищенная девушка, если сказать ей что-то не то.

— Ты такой бесчувственный! — возмутилась девушка. — Силу затронуть какие-то чувства в твоём сердце имеет талант, а не то что ты поклоняешься правильному богу. Это были очень талантливые люди.

— Да, но они все последователи Артэ, ты сама видела его метку на них. Его дар даёт им такую возможность. — Морий продолжал спорить, хотя и сам был впечатлен тем представлением, которое они посмотрели. Ради такого и получить палкой от учителя не обидно.

— Мор, почему твои родители такие сильные воины? — задала вдруг вопрос Джуди

— Они много тренировались, изучали и совершенствовались себя. — не задумываясь ответил Морий.

— Или им просто бог дал силу? — своим ответом Джуди поставила своего друга в тупик. — Никто просто так не становится великим, Мор. Иначе тебе не нужны были бы тренировки, а через три дня ты стал бы так же силен, как твой отец.

— Да, но это боевые искусства, а не умение на сцене выступать! — Морий не мог согласиться, что его бог-воин и какой-то бог танцев могут быть равны.

— Глупый Мор! — засмеялась девушка, Морий такое обращение мог простить только ей, девочке с которой он дружит с самого детства. — Неважно, какому богу ты поклоняешься, всегда надо стараться для своего развития. Господин Ичи поклоняется Сейту, но его силу признает даже твой отец, господин Борей, так ведь?

Против этого Морий ничего сказать не мог. Учитель Ичи и правда был сильным воином, силу которого признавал каждый знающий его. Учитель Ичи многого добился в землях Порядка, но после проигранной дуэли Борею Элдору, он согласился стать учителем, для ещё не рожденного Мория.

— А что здесь делают детишки без присмотра взрослых? — раздался голос и перед друзьями вышел мужчина из темноты.

Услышав голос, которого здесь не должно быть, Джуди испуганно дернулась и отступила на шаг назад. Но позади из темноты появился ещё один силуэт.

— Не надо бежать, дорогая, мы вас не обидим, если не будете сопротивляться. — сипло проговорил появившийся сзади тип, вместе с тем как он говорил, раздал звук вынутого из ножен клинка.

— Вам лучше уйти, — спокойно сказал Морий. Внутри у него все дрожало от страха, но его нельзя было показывать при девушке. Хотя дрожание пальцев его немного выдавало. — и тогда вы останетесь живы.

Джуди испуганно оглядывалась, она не была воином и её никто не обучал бою с оружием, она всего лишь дочь прачки и даже не смотря на то, что они с Мором одного

возраста, все равно ещё не решила какого бога выберет себе через три дня.

— Малыш хочет нас запугать. — издевательски захохотал тот, что стоял спереди. — Ты слышал Пит? Он оставит нас в живых! Сопляк, который ещё даже не получил своих сил от бога, угрожает нам! Двум Приближенных средней стадии! Ты о свои клинки не порежешься, малыш?

Стоящий позади Мория Пит засмеялся над одним им смешной шуткой. Морий зло оскалился и достал свои короткие клинки со слабым изгибом. Учитель Ичи настаивал на том, что Морий может раскрыть свой потенциал на полную только с такими клинками. И начал понемногу отходить вбок, прикрывая собой подругу и вставая так, чтобы оба противника были к нему лицом.

— Не переживай, парень, мы знаем кто ты, можешь не сыпать пустыми угрозами. — перестав смеяться зло оскалился Пит. — Наш господин хочет убрать ваш род от управления храма, и твоя смерть справится с этим лучше всего. Девку мы отпустим, но не сразу, уж больно мордашка у неё симпатичная.

И они двинулись на Мория держа свои прямые клинки опущенными, показывая что они не принимают молодого наследника рода всерьёз. Морий встал как его учили полубоком, и направил клинки на своих противников. Слегка повернул голову, чтобы не терять из вида нападающих и прошептал спокойным голосом, чтобы не пугать подругу:

— Как только они отвлекутся на меня, сразу беги в храм, зови учителя Ичи.

Джуди понимающе кивнула, и поверив своему другу, спряталась за его спину. Морий прыгнул вперёд делая простой прямой выпад, но нападающий, имени которого так и не удалось узнать, легко и без особых усилий отбил его изогнутые клинки.

— Лучше бы твой отец лично занимался твоим обучением, а не звал чужака на помощь. — издевался противник, но Морий и ухом не повёл.

Увидев отблеск луны в серебре стали, Морий отскочил в сторону, попутно парируя удар от второго нападающего. "У двурукого мечника всегда преимущество над одноруким", так любил говорить учитель, "Ты можешь защищаться и нападать одновременно, главное чтобы твой стиль боя был идеально отточен, как и твои клинки." Позади Мория раздалось шуршание травы, он сперва дёрнулся, но вспомнил о подруге и понял, что это Джуди поступила так как он ей сказал, и побежала за учителем.

— Сбежала, паршивка! — зло прошипел Пит. — Дейл, давай быстрее добьем крысеньша и пойдём, пока она не позвала на помощь.

Дейл, прыгнул вперёд нападая на Мория, но тот был готов. Теперь когда за его спиной не было никого, кого следовало прикрывать собой, он мог действовать без оглядки на подругу. Он не только медитировал сидя на песке, клинки Мория учили держать ещё с самого младенчества. Как и стилю боя. Два быстрых взмаха клинками, и вот на траву упали первые капли крови.

— Ублюдок мелкий! — зло прокричал Дейл, прижимая руку к щеке. — Ты будешь меня молить и пощаде!

— Да не кричи ты так, — издеваясь проговорил Морий, — ну не сможешь пить свое пойло, которое ты любишь. Через месяц дырка в щеке зарастет и все будет хорошо.

Дейл зарычал от злости, и бросился в атаку. Морий специально выводил его из себя, чтобы его противник перестал думать от злости. Хоть Морий и был ленив, но он был хорошим учеником и запоминал все, чему его учил мастер Ичи. Вот только он не рассчитал огромную пропасть боевого опыта между ним и его противниками, которые хоть и были

жалким убийцами, но все же дожили до не плохого уровня развития своих тел.

— Осторожнее Дейл. Не забывай, что нельзя оставлять на нем своей энергии, иначе на нас сразу выйдут. Мы должны его зарезать как простые разбойники. — предупредил дружка сиплый Пит, нападая на парня с другой стороны.

Теперь Морию пришлось тяжело, он еле успевал отбиваться от двух противников, и ту рану которую он смог нанести Дейлу, получилось сделать только потому, что от него этого не ожидали, а теперь с ним бились в полную силу. Понимая, что долго так он не выдержит, Морий начал активно придумывать, как ему выйти из этого положения. Его стиль Двух Клыкков Волка, помогал ему отбиваться от двух противников сразу, но не помогал перейти в атаку. Надо хоть на время избавиться от одного нападающего.

Увернувшись от очередного противника, Морий зацепил носом сапога землю и кинул её в глаза Пита. Тот зарычал и начал протирать глаза, пытаясь как можно скорее вернуть себе зрение. Морий бросился в контрнаступление на оставшегося одного Дейла. Теперь уже он заставил защищаться противника, постоянно нападая на него, и нанося мелкие раны, тело Приближенного было крепким само по себе и слабый Морий не мог нанести ему серьёзное ранение. Метил он в основном в ноги, чтобы лишить противника подвижности, чтобы когда дружок Дейла вступит в бой, Морию было бы удобнее отбиваться.

— Тебе конец, крысеныш. — раздался голос за спиной юного наследника рода, и Морий в последнее мгновение отпрыгнул в сторону пропуская удар в спину мимо себя.

Удар, который должен был убить Мория прошёл мимо, и клинок по самую рукоять вошёл в живот Дейла, не успевшего с реагировать из-за множества порезов ног. Он опустил взгляд не веря в то, что его друг только что нанёс ему смертельную рану. Из рта Дейла с кашлем вышла кровь и попала на лицо Пита.

— Как... — начал говорить Дейл и упал, жизнь покинула его тело. Пит зарычал, выдернул меч из своего друга и с бешеным взглядом кинулся на Мора.

— Тупой ублюдок! — кричал он. — Ты пожалеешь! Будешь молиться! Я тебя по кускам нарежу, начиная с пальцев ног!

Морию стало ещё хуже, взбешенный Пит забыл про свои же слова, и теперь поляну освещал синий огонь скользящий по клинику Пита. Капли синего жидкого пламени попадали на Мория, и причиняли ему огромную боль, от которой слезы выступали на глазах. Он уже не мог ничего противопоставить этому воину, хоть и подлому, но все же воину. После пары минут боя, клинки в руках Мора не выдержали пламени, и Пит их перерубил, а огненный клинок вошёл в парня. В руках Мория остались только две рукоятки с небольшими осколками некогда хороших клинков, а сам он от адреналина в крови ещё не успел понять, что с ним произошло.

— Эй! Ты чего делаешь с ребенком, убийца? — раздался окрик, и Пит дернулся в сторону ненужного свидетеля.

Морий не стал медлить, и воткнул остатки клинков в глаз и сердце своего убийцы. Может он и не успел стать великим воином как его учитель, но зато он спас свою подругу и ей больше ничего не грозит. Он уходит как настоящий воин.

— Ох, парень, держись, сейчас я тебе помогу, парень, держись. — затараторил кто-то над ухом Мория. Но юный Элдор уже падал во тьму, в вязкую тьму, из которой ещё никто не выбирался.

Морий чувствовал странное чувство падения, когда твоё тело не движется, но разум уходит все ниже и ниже. Вокруг была вязкая тьма, которая не пропускала ни капли света.

Вдруг тьма вокруг расступилась пропуская вперёд Её! Женщина красивее которой Морий никогда не видел. Она была похожа на его мать, на Джуди и ту девушку из Театра Теней. Но все они меркли на фоне этой прекраснейшей из всех живущих. Она протянула к нему руку, и Морий потянулся к Ней, он больше ни о ком не думал, лишь бы прикоснуться к Её пальцам, взять Её за руку.

— Я не позволю! — раздался громогласный голос, и Мория откинула от той, с которой хотел уйти Морий.

— Его душа принадлежит только мне! — произнес голос, который не мог принадлежать человеку.

В этом голосе слышалась сжигающая ярость воина и с каждым словом этого существа Мория откидывало все дальше от прекрасного видения. Парень тянулся к Ней руками, но это ему не помогало.

— Сегодня ты не умрёшь! — прогремел яростный голос, и Морий осознал себя в своём теле.

Мастер Ичи бежал со всех ног. Он давно начал волноваться, что его ученик до сих пор не вернулся, и вышел из храма на улицу. Свою любимую бамбуковую трость он взял с собой. Ох и пожалеет Морий, когда вернётся домой. Когда в конце улицы мастер Ичи увидел бегущую дочку прачки, он не стал дожидаться того, что она скажет, и побежал в ту сторону откуда бежала Джуди.

— Мастер Ичи! Там напали! Мор меня отправил к вам! — кричала она, но мастер Ичи её уже не слушал.

Выбежав за ворота он увидел на поляне два трупа, в одном торчали рукоятки клинков его ученика. Мастер достал свой изогнутый меч, и наконец заметил третьего человека склонившимся на его юным учеником. Взревев, мастер Ичи замахнулся и в один удар съёл голову ублюдку посягнувшим на жизнь его ученика, которого мастер Ичи считал своим сыном.

— Нет! — прокричал Морий, но было слишком поздно, его уже заливала кровь из отрубленной головы, а только что перевязанное тело взревело от боли, из-за придавившего его безвольного тела. — Учитель Ичи! Он спас мне жизнь! — кричал Морий. — Он спас мне жизнь! Он не дал мне умереть, учитель! Зачем вы его били, учитель?!

Мастер Ичи упал на колени осознав, что он совершил. Он был слеп от злости и не заметил того, что убитый им человек был безоружен. Он от ярости, затмившей его глаза и не позволявшей смотреть, убил невинного человека. Человека, который выполнял его, мастера Ичи, работу по спасению жизни молодого наследника рода Элдоров! Спустя пару мгновений на поляне появились люди из личной охраны его господина и подхватили Мория, унося его домой.

Мастер Ичи ещё долго так стоял в одиночестве на коленях, и смотрел вверх — на небеса, которые так безмятежно нависали над ним. Он смотрел на небо и молил своего бога, бога который всегда следил за Порядком, и в справедливость которого верил мастер Ичи.

— Зачем?! Зачем мне нужны глаза если я не вижу?! Если я не смог различить добрый поступок от злого умысла? Зачем мне они!?! — кричал он глядя вверх. — Забери их Сейт Великий! Забери эти бесполезные глаза, но верни отобранную мною жизнь! Верни ему жизнь, и забери эти жалкие глаза, что подвели меня!

На поляне разлился свет, и фигура человека появилась рядом с молящим своего бога

мастером.

— Ему уже не вернуть жизнь, Госпожа Даад подарила ему свою любовь. — произнес аватар Сейта. — А потому твои глаза мне не нужны, мастер.

— Значит просто заведи их у меня! — продолжал молить мастер Ичи. — Я не достоин видеть этот свет, Сейт Великий! Я не достоин!

— Если я их заведу, то ты больше никогда не получишь их обратно. Ты больше никогда не сможешь меня увидеть, и ты больше никогда не увидишь своего ученика. — предупредил Сейт.

— Я не достоин учить его, Великий. Я убил человека, который спас его! Человека, который был рядом с ним вместо меня! — мастер не отказывался от своей просьбы.

— Ты трижды попросил, и я трижды услышал. — проговорил аватар бога и приложил свои ладони на лицо мастера. — Да будет так, как ты хочешь. И прощай. Ты был великим воином.

— У вас есть глаза, но вы не умеете смотреть, уважаемые. — улыбнулся мастер Ичи опираясь на свою старую бамбуковую трость.

Скит стоял в боевой стойке, и тихо ненавидел себя и весь мир вокруг за свое решение. Вот уже несколько часов он пытался отбиться от злобного слепого старика, который избивал его бамбуковой тростью, при этом не забывая всячески унижать Скита:

— Криворукий болван! Как ты вообще не умер ещё с такими движениями? Собственный стиль боя он разработал! Да с таким стилем боя тебе зад разработают в первом же бое! — издевался старик, без труда уходя от ударов Скита и больно прикладывая своей тростью Скиту по рукам.

И какого хрена Скит решил учиться у слепого художника? Оказался под впечатлением от того, как он кистью для рисования выбил нож из рук убийцы? Да и как вообще Скит может видеть где находится старик, если его глаза завязаны такой плотной тканью, что и в свою слепоту поверить можно.

— Научи меня, старик. — сказал Скит после того как осознал произошедшее.

— Скит, не говори с ним так не уважительно! — возмутился Мор. — Силу учителя Ичи признавал даже мой отец!

— А кто твой отец? — задал вопрос Скит, и Мор замялся не зная как ему ответить. Скит отвернулся от Мора к старику и повторил свой вопрос. — Научи меня, старик. Научи видеть, как это делаешь ты.

— А с чего это ты решил, что я тебя захочу учить? — в ответ задал вопрос слепец. — Я старый и уставший художник, зачем мне тратить свои силы на тебя?

— Потому что ты умеешь, а мне надо научиться. — просто ответил Скит. — Раз уж ты показал свои силы, то сделал это не просто так, Мору ничего не угрожает, а значит ты спасал мою жизнь.

— Слишком много думаешь. — ворчливо сказал старик Ичи. — Я просто не хотел допустить чужой смерти.

— Пусть так. — настаивал Скит. — Научи меня, старик.

— Назойливый друг у вас, господин Морий. — слепой художник повернулся и посмотрел на своего бывшего ученика так, словно имел зрение и видел его.

— Просто он любит учиться. — Мор все ещё не мог придти в себя после того, что он видел своего учителя в таком виде.

— Любит, говоришь? — слепец перевел взгляд своих белых глаз на Скита. — А ведь ты чужак в наших землях. Хорошо, я начну обучать тебя, если ты сам не сбежишь от меня.

— Бойся его трости, кэп. — предостерегающе прошептал Мор, вспоминая как ему сильно прилетало этой самой тростью.

И вот теперь Скит находился на тренировочной арене в таверне, где они остановились. Слепец всячески его унижал уже второй час, не оставляя Скиту ни малейшего шанса на то, чтобы отбиться от злобного старика.

— Ну же, парень, постарайся хоть немного. Помни как мы с тобой договаривались. — насмеялся старик Ичи. — Если сможешь задеть меня, то я стану учить тебя. А ты пока только показал мне как умеешь палкой по ребрам получать.

Скит зарычал от злости, и бросился на голос, но вредного старика там не оказалось, и удар пришёлся сзади, чуть ниже спины. Слепец издевался над Скитом уже несколько часов,

и это выводило Скита из себя. Он уже начинал рычать от злости. Клыки Скита незаметно удлинились, а сам он стал двигаться рывками, бросаясь на противника, который так его бесил. Злобный старик, мясо которого было слишком жёстким, чтобы его можно было есть, но и игнорировать его нельзя. Он как слепень, который долго жужжит над тобой, и если его не прогнать, то он очень больно укусит.

Обратившись в слух Скит услышал шелест песка под ногами своей дичи и начал двигаться на звук. Вот дичь замерла, а затем резкий и сильный рывок. Ха! Дичь решила, что может стать охотником? Скит оттолкнулся задним лапами, а передними нанёс удар в то место, где должна была находиться его жертва перед ударом, но его лапы задели только воздух. И снова удар ниже хвоста. Болезненный и обидный. Скит зарычал так, что теперь все его слышали. Он больше не старался угадать где находится его жертва. Он найдёт и клыками разорвёт горло этому старику! Пусть его мясо нельзя есть, но Скит докажет, кто здесь альфа хищник.

Со звериным рыком Скит начал метаться по арене, нанося удары в том месте, где ему слышался шелест песка. Он наносил удары передними и задними лапами, старался укусить и порвать врага. Полутьму разгоняли всполохи молнии, громовые удары раздавались над пустой ареной. Наблюдателей не было, старик Ичи запретил кому бы то ни было, заходить на арену и смотреть на их тренировку. Но каждый раз, когда Скиту казалось, что он сейчас прихлопнет бесящего старика, его лапы били в пустоту. Скит ускорялся, мышцы трещали от напряжения, отросшие, за время их приключений, до плеч волосы на голове стали искрить от электричества, разлитого в пространстве арены, но результата не было. Старик оставался цел и невредим. Тело Скита начало белеть, когти на лапах покрылись лунным серебром, а клыки выросли настолько, что уже торчали из под нижней губы.

Скит стоял на четырёх лапах и вслушивался, ожидая пока старик выдаст себя. Услышав шелест справа от себя, Скит мгновенно оказался там и нанёс удар двумя передними лапами, но там вновь никого не оказалось. Кто-то сел на холку Скиту и положил свою ладонь ему на затылок. Скит запрыгал и начал метаться по арене, но старик держался крепко не отрывая свою ладонь от затылка Скита.

— Какой злой кот! — усмехаясь сказал слепой старик Ичи, и Скит провалился в сон.

Скит пришёл в себя рывком. Он сидел у стены оперевшись о неё спиной. Глаза были развязаны, желание почувствовать как у него в пасти с хрустом шеи выходит жизнь из старика Ичи пропало. Какой пасти? У него же обычный человеческий рот! Скит даже руками пощупал, лицо такое каким и должно быть у человека.

— Очнулся. — утвердительно сказал слепой старик, словно он видел это. Слепец сидел в позе медитации закрыв глаза. Говорил он даже не раскрывая их.

— Что это было? — спросил Скит не шевелясь, а скорее даже ещё сильнее разваливаясь по песку. Тело болело не выносимо, словно Бьёрн неделю прыгал на Ските.

— Я закрыл тебе врата, чтобы энергия не разливалась по твоему телу. — пояснил старик Ичи. — От насильного закрытия ты потерял сознание.

— Почему у меня все болит? — морщась от боли спросил Скит.

— Плохо когда в одном теле три души живёт. — не открывая глаз начал объяснять старик Ичи. — Твой барс захватывает твой разум во время боя. Ты уходишь на задний план, и дерётся зверь. Лишённый тела наёмник хочет вырваться, и как только твоя воля угасает, пытается пленить тебя и забрать тело себе. Долго ты так не сможешь жить, однажды кто-то захватит твоё тело. И тогда беды не миновать.

— Как ты все это узнал? — недоумевающая от того, что какой-то старик смог узнать о нем так много за не продолжительный бой.

— Я долго живу на этом свете, парень. — улыбнулся старик Ичи, открывая свои невидящие глаза и глядя прямо на собеседника.

Скиту казалось, что слепец смотрит не на самого Скита, а куда-то глубже, словно видит его черно-белый мир, и прекрасно видит всех жильцов мира его души, прекрасно видит глаз той белой луны, что освещает его мир.

— Это сила твоего бога? — задал новый вопрос Скит.

— Нет. Боги не дают силу, парень. Они дают тебе возможность её использовать. — покачал головой старик. — Но почти все идут по протоптанной тропе и учатся тому, что уже известно. А кто-то с трудом пробираются по зараслям из собственных мыслей и ошибок, и в итоге находят свой путь. Путь который ведёт их к вершине этого мира. Этому я научился сам. И этому я научу тебя, парень. — старик Ичи поднялся. — Пора тебе отпустить своего благородного барса. Ей больше не нужна защита твоей души, она может жить и вне тебя.

Скит коснулся татуировки на груди, и в лазурном свечении на песке появилась Азалия. Она осмотрелась, фыркнула в сторону старика, прыгнула на руки Скита и мгновенно замурчала, когда Скит начал её гладить.

— Ишь! — засмеялся слепой художник и новоиспеченный учитель Скита. — Не нравится ей, что я заставил ее выйти наружу! Своенравная девочка! Злиться на меня, за то что помешал ей питаться той безграничной энергией, что хранится в тебе. Ты знал, что то энергетическое ядро в тебе может однажды не выдержать, если продолжить запитывать его?

— Откуда тебе про него известно!?! — воскликнул Скит после слов старика.

Информация о том, что ядро может не выдержать шокировала Скита, но он что-то подобное ожидал. Слишком много энергии копилось в слабом человеческом теле. Огромное количество энергии безумия, способной изменять целые земли, хранилось в артефакте и не известно, сколько он ещё сможет её удерживать.

— Я может и слепой, но вижу больше всех кто имеет глаза. — снисходительно ответил старик Ичи. — Заканчивай задавать вопросы и садись в позу медитации.

Скит последовал словам своего нового учителя и уселся на песок не беспокоясь о чистоте своей одежды.

— Ты тоже рядом с ним садись. — строго сказал старик Ичи.

Скит начал озираться по сторонам, в поисках того с кем разговаривает слепой художник, но никого не нашёл. Наконец Скит проследил за направлением слепых глаз и понял, что старик разговаривает с Азалией.

— Старик, ты же понимаешь, что разговариваешь со зверем? Это Лазурный барс, не уверен, что ей необходима медитация. — сказал Скит.

— Твоя кошечка понимает больше, чем мой бестолковый ученик, выбравший не того бога. — со старческим ворчанием произнес старик Ичи. — Она живёт в твоей душе, ваша энергия теперь общая. Может она и зверь, но теперь распоряжается энергией духа как человек.

Кошечка села рядом со Скитом, и он заметил, что это больше не тот смешной котенок, который лежал раздувшись после еды. Теперь Азалия была размером чуть больше домашней кошки. Кошечка ткнула лбом в поставленную ладонь Скита, мол все в порядке я с тобой, посмотрела на старика и угрожающе оскалилась.

— Ты на меня клыки не оголяй, не по силам врага берёшь. — безэмоционально сказал

старик Ичи Азалии. Скит уже даже задумываться перестал как старик это делает. — А теперь слушай. Тебя учили что есть три важных пункта для развития. Тело, Разум и Душа. — слепец поочерёдно коснулся живота, лба и сердца. — Но все вокруг выпускают из виду Волю. Ты не по наслышке знаешь её силу. Ты мнешь лунное серебро с такой скоростью, словно это пластилин. Но Волей можно мять не только лунное серебро. Волей можно объединить вместе Тело, Разум и Душу. Чтобы это было не три разных силы, которые тянут тебя каждая в свою сторону. Их следует объединить, чтобы все они работали в одном дыхании, в одном ударе и одной мыслью. Твоя Воля сильна, поэтому тебе возможно этому научиться.

Скит замер задумавшись. Осознать то, что ему сказал старик Ичи было сложно. Он понимал свое тело, ведь его можно потрогать. Понимал разум, ведь Скит может мыслить. Энергию духа Скит понимал как внутреннюю энергию. Но как это можно было объединить? Как можно объединить физическое тело, эфемерную мысль и метафорическую внутреннюю энергию? И сделать это не менее метафорической волей?

Скит посмотрел на Азалию, но та просто лежала клубочком у его ног, как и любой другой кот. Лазурный барс совсем не переживала о только что сказанном стариком.

— Ты поняла хоть что-то? — спросил Скит своего питомца, но та только махнула хвостом, зевнула и продолжила спать. — Зараза ленивая.

Скит понял, что помощи ему ждать неоткуда и закрыл глаза, пытаясь уйти в себя. Сначала, как это обычно было, ничего не происходило, Скит просто сидел с закрытыми глазами. Потом он начал ощущать мир вокруг себя. Кажущийся мёртвым песок на арене по факту оказался самым живым существом в комнате, ведь он всегда в движении, крупинка за крупинкой катятся и их движение не останавливается никогда. Вот рядом пыщающая жизнью Азалия, даже и не верится что совсем недавно это была искорка угасающей жизни.

Можно было подумать, что Азалия нагло спит вместо тренировки, но как оказалось нет. Кошечка тоже находилась в медитации, Скит чувствовал как к ней тянулась энергия духа от всего что их окружало. Может Азалия и поняла, что надо делать, но подсказывать явно не собиралась. Кому нужен слабый и глупый спутник жизни? Правильно никому. Поэтому Скит перестал концентрироваться на энергии Азалии и пошёл дальше вглубь себя. Туда где он чувствовал вдохновение, в поиске того состояния, которое помогало ему понимать суть стихии, учиться у нее.

Скиту нужна была сила, способная покрыть его целиком и объединить все три основы, которыми человек может манипулировать. Но как тут может помочь Воля? Волей можно мять только лунное серебро, как это может ему помочь? До этого дня Скит не считал Волю иной силой. Скорее мерой разума, сильнее воля — сильнее разум. Либо наоборот, Скит даже не задумывался об этом.

Что способно объединить все в этом мире? Жизнь? Глупо. Неукротимость смерти? Тоже не верно. Всё в этом мире обнимает небо. Оно всегда неизменно, и видело как рождение этого мира, так и увидит его смерть. Небо неизменно и велико, оно как отеческая забота. Обволакивает тебя, хоть ты и не замечаешь его. Может грозиться или ласкать тебя, но это всегда только из любви к тебе, ведь отец никогда не злиться на тебя, он злиться только на то, что ты сделал. Не показывает своих чувств, но они точно есть, просто ему нельзя это делать, чтобы беречь тебя от всех опасностей этого мира.

Скит впопыхах, пока не потерял свое вдохновение выхватил кристалл со стихией Неба начал вглядываться в него, прогоняя в голове ту мысль, которой пришла в его голову.

Довольно скоро голубой кристалл помутнел и наполнился бурой энергией Безумия.

— А ты не плох. — проскрипел голос слепого художника. — Может ты и не смог объединить силы, но они двинулись навстречу друг другу, даже не на пол шага, но все же стали ближе.

Скит вздрогнул, он так увлёкся своими мыслями, что забыл о старике. Азалия тоже подскочила и фыркнула в сторону учителя. Не понравилось ей, что слепец отвлек их со Скитом от столь полезного процесса познания стихии Неба. Её родной стихии. Но старик Ичи даже и бровью не повёл, на что Азалия зашипел ещё громче, словно стараясь оскорбить старика на кошачьей языке.

— Ты молодец, парень. — продолжил говорить слепец, смотря прямо в глаза Скита. — Но не смей подумать, что ты всемогущий. Видел я таких ребят, способных от рождения, но гибнущих из-за веры в свои силы. На сегодня хватит, пойдём наверх, покормишь старого художника.

Скит ухмыльнулся в ответ на слова "старого художника" и прошёл вперёд, не заботясь о том, что старик Ичи не сможет найти выход. После того как он отделал Скита так, словно тот и ходить не умел, Скит уже не переживал о том, может ли ориентироваться в пространстве старик. Таверна встретила Скита громом голосов и ударами кружек с пивом о стол. Не заметить свои друзей Скит не мог, огромная фигура медведеподобного Бьёрна возвышалась над всеми. Северянин как обычно занимал всю лавку, словно это был табурет. Напротив него сидели Мор и Фестиций, еще с опаской, но уже без страха пьющие что-то алкогольное. Бьёрн опасно жестикулируя, что-то рассказывал сидящим напротив него. Все окружающие уворачивались от его взмахов, но здоровяк словно не замечал того неудобства, которое он доставлял всем вокруг себя.

— ...Поэтому я и говорю, что хоть это и земля воинов, но сильнее того, в ком течет северная кровь, нет! — услышал Скит последние слова Бьёрна.

— Раз вы настолько сильны, то почему за столько лет, вы не смогли освободить свою землю от зверей, которые осаждают вас и не дают выйти за пределы ваших деревень и селений? — спорил с Бьёрном сидящий за соседним столом Орн. Места за общим столом второму здоровяку не хватило. Хотя Орн и был меньше северянина, но природная стать была мощнее Скита раза в два. — Вы же не можете даже города построить, его разрушают мгновенно.

— Да потому что и звери у нас мощнее ваших хилых щенят. — Бьёрн резко указал пальцем в сторону Фестиция, парень не ожидавший такого жеста подавился пивом. — Вон, малой не даст соврать. При защите его города я Кристаллических медведей валил одним ударом своего молота. — Фест быстро-быстро закивал головой, лишь бы здоровяк убрал свой палец из под его носа. — И мороз у нас пробирается в самую душу, замедляя течение энергии сквозь врата тела.

Последние слова Бьёрна заставили Скита задуматься, но не задерживались в его голове. Было в них нечто важное для Скита, но понять что именно он не мог. Решив отложить это на потом он подошел к столу и сел рядом с Мором. Махнул девушке-разносчице чтобы она принесла ему завтрак и достал свою трубку.

— Кэп! — вскрикнул Бьёрн, — Как тренировка? Смог подняться на следующую ступень? Ой! — Бьёрн наконец заметил слепого художника. Попытался освободить старику место, но с его габаритами это было не возможно выполнить — Присаживайтесь, мастер Ичи.

— Спасибо, юноша, но я сяду на стульчик с краю, мне много места не требуется. — Мор фыркнул на то, как старик Ичи назвал Бьёрна, но зверский взгляд здоровяка брошенный на ехидного смертепокклонника остановил его желание посмеяться.

— Кэп, наш монах уже второй день не появляется. Он там не стерся? А то я за него уже переживать начал. — сменил тему Бьёрн.

— Но он же ставит на путь истинный дев заблудших. У него много работы, господин Бьёрн. — сказал Фестиций и все замолчали. Казалось, что вся таверна замолчала и посетители смотрели только на парня, который сказал столь наивное предположение.

— Молодой! — Бьёрн потрепал парня по макушке, голова Фестиция с чудом удержалась на плечах.

— И крепкий, — со смешком оценил происходящее Мор.

Дверь в таверну открылась, и внутрь прошли пять человек в одинаковых доспехах. Доспехи имели золотой окрас и сверкали в свете солнца, когда луч светила попадал на них. На груди у каждого имелся герб в виде двух перекрещенных мечей, объятых пламенем. Правый — красным, левый — синим пламенем. Впереди шёл один с накинутой на доспехи белой мантией. Он снял с головы шлем, похожий на ведро, щели под глаза нос и рот были выполнены в форме меча. Старший осмотрел зал и направился напрямиком к столу Скита и его друзей.

— Господин Морий! — гвардеец ударил кулаком в грудь. — Вы должны пройти с нами. Ваш отец потребовал вас привести в храм Великого Воина Ан'Гасиоха.

После этих слов он настойчиво положил руку на плечо Мора, показывая, что его вежливость лишь напускная. И если Мор решит сопротивляться, то его отведет силой. Бьёрн угрожающе стал обрастать бурой шерстью и подниматься, но Мор остановил северянина жестом руки.

— Не надо, здоровяк, я сразу знал, что это случится. — успокаивающе произнес Мор. — Давно я не видел отца с матерью. Пора бы уже навестить их. — Мор встал из-за стола и в окружении гвардейцев вышел на улицу.

— Неужели мы его просто так отпустим, кэп?! — воскликнул Бьёрн.

— А что не так? — Скит повернулся к северянину, спокойная потягивая сизый дым из трубки. — Отец позвал сына, которого не видел уже... — Скит хотел спросить у Ву, сколько они вместе скитаются, но вспомнил, что монах все ещё в борделе. — ...достаточно долгое время.

— Ты вообще видел как они смотрели на Мора? — не собирался отступать Бьёрн. — Это же личная гвардия Патриарха, понимаешь? Наш Мор сын рода Элдоров. А они с самого основания мира являются Первожрецами религии Ан'Гасиоха!

— И что не так в их взгляде? — спросил Скит, словно ничего не происходило.

— Они не могут не уважать Мора. А раз его в добровольно-принудительной форме повели в Первохрам, то он чуть ли не преступником является для них!

— Господин Морий ещё до рождения был обещан Великому Воину Ан'Гасиоху. — сказал старик Ичи.

— Что вы говорите, мастер Ичи?! — удивлённо спросил Фестиций. — Как человек до рождения может быть кому-то обещан? Ведь мы сами должны выбирать себе покровителя.

— Это старая история, юноша. — белые глаза старика слепо уставились на Феста. Парень никак не мог к такому привыкнуть и смущённо шмыгнул носом. — Всё наследники рода Элдоров должны пойти в покровительство Великому Воину Ан'Гасиоху. Юный

господин Морий, единственный, кто нарушил это правило.

— Но как можно кого-то заставлять выбрать себе бог-покровителя? — не мог понять Фестиций.

— Почему ты решил выбрать в покровители Маэстро Артэ? — неожиданно задал вопрос Скит.

— Что? — Фест не сразу понял вопроса.

— Почему ты выбрал его? — повторил вопрос Скит.

— Ну, я с детства рос в театре. Участвовал в выступлениях. Также все мои предки были актёрами и поклонялись Маэстро Артэ. — начал объяснять Фестиций.

— Но ведь ты всегда мечтал стать рыцарем, авантюристом, как в твоих любимых книгах? — задал новый вопрос Скит.

— Я... — Фест не договорил, не понимая к чему ведёт покуривающий свою трубку Скит.

— Ты рос в окружении последователей Маэстро Артэ. Ты прислушивался к ним. На тебя повлияло мнение твоего отца и всех людей вокруг тебя. — начал пояснять свою мысль Скит. — Может случайно, а может намеренно, но тебя подтолкнули к "правильному" решению. Понимаешь? Если вырастить человека "правильно", — это слово Скит выделил интонацией, — то он выберет того бога, какого ты захочешь. Нет у вас выбора, всего лишь иллюзия.

Всё замолчали. Слова Скита от давались каким-то грузом в сердце и словно эхом разнеслись по затихшей таверне. Казалось, что эхо слов даже выбралось за пределы таверны и понеслось дальше.

— Старик. — от не уважительного обращения Скита к мастеру Ичи, Фестиций дернулся. — Зачем Патриарху понадобился Мор?

— Элдорам даётся больше силы, чем всем последователям Великого Воина. — начал отвечать слепец. Неуважительное обращение Скита забавляло его. — Но взамен у Элдоров не может быть больше одного наследника.

— Никто не хочет прерывать свою династию, верно? — усмехнулся Скит. В ответ на его слова старик Ичи молча кивнул головой.

— Что вы хотите этим сказать, господин Скит? — не понимал к чему идёт разговор юный Пендригольд.

— Чтобы Патриарх мог продолжить свой род, он должен убить нашего Мора. — потеряно произнес Бьёрн.

— Что? — воскликнули враз Фестиций и Орн Нордон, о присутствии которого все уже забыли. Но как оказалось, он внимательно слушал их разговор.

— Идём за нашим монахом и думаем как спасти Мора. — сказал Скит и выбил табак из трубки, в принесенную служанкой специальное блюдо. Скит даже не заметил, когда она успела её принести и поставить.

— Подождите! — вскочил Орн и преградил друзьям дорогу. — Мы тоже последователи Великого Воина Ан'Гасиоха. — он указал рукой на всех сидящих в зале. — И мы не можем вам дать помешать его планам.

— Ты собираешься биться с нами? — Бьёрн угрожающе зарычал и начал покрываться бурой шерстью.

— Нет, нам тоже понравился ваш смертник. — Орн примиряюще поднял руки. — Но я могу вас заверить, что каждый в этой таверне, не слышал ни слова, о чем вы говорили, и

понятия не имеет, что вы собираетесь делать.

Скит осмотрел таверну. Каждый, с кем он встречался взглядом, салютовал своей кружкой и с невинным видом отворачивается.

— Благодарю вас. — Скит совершил небольшой поклон. — А теперь не медлим, все к борделю!

— Как это тут нет нашего монаха? — громко взревел Бьёрн.

— Его стража забрала. — дрожащим голосом ответила испуганная девушка, которую расспрашивали Бьёрн и Скит.

— Вы зачем мне запугали девочку? — раздался властный голос со второго этажа, по лестнице спускалась женщина возраст которой нельзя было определить с первого взгляда.

Статность осанки и жесткий цепкий взгляд говорили о том, что она не привыкла когда её вопрос остается без ответа. После того как она приблизилась к двойке друзей Скит увидел довольно глубокий вырез декольте из которого выглядывала грудь не малого размера. Аппетитные бедра выскальзывали из под платья с разрезами на боках. В первые, с того момента как Скит пришел в себя в этом мире, он почувствовал тягу к женщине. Его манил её взгляд, который она бросала из под ресниц. Её тело с приятным округлостями. Её...

— АЙ! — закричал Скит от резкой боли в запястье, на пол упала капелька крови из прокушенной руки.

Азалия злобно рычала на женщину, вытянув хвост трубой. Наваждение наведенное на Скита мгновенно прошло. Перед ним стояла обычная женщина, немного красивее большинства, но не более того. Поняв, что на него только что так грубо воздействовали Скит со злостью оскалился. Кровь из раны перестала течь, Скит остановил её лунным серебром.

— Ты обладаешь отличным духовным зверем, парень. — улыбнулась хозяйка борделя, в том что это была именно она уже никто не сомневался. — Повторю свой вопрос, зачем вы запугиваете мою девочку?

— Кто её пугает?! — продолжал реветь медведем Бьёрн. — Я просто спрашиваю, за что Стражи Порядка забрали нашего друга!

— Тише, большой мужчина. — хозяйка заведения положила свою ладонь на покрытую бурой шерстью руку северянина, и сказала это таким нежным голосом, что медвежья шерсть миглом пропала с кожи Бьёрна. — Смотри какая она маленькая, а ты такой большой воин на неё кричишь. Любая женщина хочет чувствовать себя под защитой такого сильного мужчины как ты, а не в опасности рядом с тобой.

В это момент произошло невероятное, щеки Бьёрна слегка порозовели. Это было не заметно из-за бороды, но Скит путешествовал по миру с огромным северянином не один день, и мог заметить это даже при таком приглушенном свете как сейчас. Бьёрн как-то неловко и осторожно снял руку женщины со своей и робко, смущаясь произнес, стараясь говорить тихо и мягко.

— Простите, госпожа... — замялся Бьёрн, не зная имени собеседницы.

— Госпожа Иоханна, — вежливо представилась женщина.

— Простите, госпожа Иоханна. — Бьёрн склонился и поцеловал подставленную ладонь. Скит от вида такой куртуазности от северного варвара даже злиться перестал за ментальный удар по своему разуму. Хорошо, что Фестиций смущаясь остался на улице, иначе он бы уже пускал слюни вокруг госпожи Иоханны. — Мы пришли за нашим другом, но эта милая девушка сообщила нам, что его забрала стража.

— А кто ваш друг? — все тем же елейным голосом спросила хозяйка борделя.

— Лысый монах по имени Ву. — ответил здоровяк необычно нежным голосом.

— Да, я помню такого. — лицо госпожи Иоханны стало ледяным. — Этот ублюдок

напился и задушил мою девочку. Юная Лилия, она не дожила до своего второго десятка лет каких-то три с половиной месяца.

— Вы не мог убить девушку! — воскликнул Скит. От удивления того, что он сейчас услышал, Скит даже позабыл о своей злости. — Он монах Северного Храма Небесного Дракона. Монахи не забирают жизнь, они умеют ценить этот дар!

— А еще монахи не пьют до беспамятства и не спят со жрицами любви богини Саранг. — отсекала аргумент госпожа Иоханна. — Его нашли пьяного в кровати с задушенной бедняжкой Лилией. — после этих слов по щеке хозяйки заведения потекла слеза. Она быстро вытерла ее, умудрившись не размазать макияж на лице.

— Мы скорбим вместе с вами, госпожа Иоханна. — голос Бьёрна больше не излучал угрозы. Скорее он искренне сочувствовал потери не известной ему девушки. — Но наш друг не мог совершить такое. Вы уже выдвинули обвинения в его сторону?

— Еще не успела. — ответила Бьёрну госпожа Иоханна. — Почему-то я верю твоим словам, воин. Если вы найдете доказательства того, что это не ваш друг совершил убийство, то найдите настоящего ублюдка, который это совершил и накажите его. Моя покровительница не ждет справедливого суда. Ей будет достаточно того, что наказание догонит совершившего это подлое убийство.

— Разве богиня любви может быть такой жестокой? — спросил Скит чувствуя какой-то диссонанс в словах хозяйки борделя.

— Мальчик, ты слишком мало живешь и еще не осознаешь, что любовь и ненависть на самом деле одно и то же чувство. Ты не сможешь искренне ненавидеть, если не любишь человека. Ты можешь испытывать злость, обиду, гнев. Но ненависть и любовь всегда идут рядом. Это брат и сестра живущие в нашем сердце. — после этих слов госпожи Иоханны, Скит понял логику женщины.

— Я могу осмотреть комнату в которой спал наш друг? — задал новый вопрос Скит.

— Ида, проводи нашего гостя в комнату бедняжки Лилии. — отдала приказ госпожа Иоханна девочке, с которой до этого разговаривали Скит и Бьёрн.

Ида указала Скиту на лестницу, и они поднялись на второй этаж. Девушка подошла к одной из дверей и открыла её. Внутри комната была украшена красным бархатом на стенах, темно-бордовые портьеры на окнах. Скит вошёл в комнату и огляделся, следом в комнату заскочила Азалия и деловито стала оглядываться, словно могла что-то увидеть. Постель была взбита, но не так, словно на ней веселились двое, а скорее как с неё сдернули спящего человека. В углу стоял прислоненный к стене посох монаха, его или не заметили, или не посчитали нужным, чтобы забрать. Посох Скит отправил в пространственное кольцо. На столике была опрокинутая бутылка вина. Скит взял её в руки и принюхался. Сладкий и приторный аромат вина, с примесью чего-то терпкого и неизвестного для Скита запаха.

— Это ваше вино? — спросил Скит у сопровождающей его девушки.

— Нет, наверное ваш друг принёс его с собой. — робко ответила ему девушка.

— Спасибо, пойдёмте обратно. — поблагодарил девушку Скит и они направились на выход.

На первом этаже ничего не поменялось, Бьёрн удивлял своей галантностью, а госпожа Иоханна не убирала свою ладонь из хвата северянина.

— Мы обязательно накажем этого ублюдка. — пообещал Бьёрн, целуя руку женщины. — Ваша девочка не останется не отомщенной, поверьте слову воина Севера.

— Я верю вам. — ответила госпожа Иоханна. — Вечером можете навестить меня.

большой воин. Я всегда питала слабость к большим и сильным мужчинам.

Бьёрн вновь слегка покраснел вновь поцеловал руку женщины. После друзья раскланялись и покинули заведение. Красный от смущения Фест стоял у входа и ждал Бьёрна со Скитом. От скуки он пинал камушек и смотрел себе в ноги боясь поднять глаза. Хоть Фестиций и не заходил внутрь, но из борделя выбегали полуголые девушки и смущали парня с романтическим характером.

— Пойдем, а то скоро твоими красными щеками освещать улицу можно будет. — сказал Бьёрн, и юный романтик с облегчением выдохнув, побежал впереди друзей, лишь бы поскорее убраться отсюда.

— А сам-то? — язвительно заметил Скит. — Щеки розовые как у мальчишки и расшаркивался перед Иоханной так, словно вы на приеме у Владетеля земли.

— Ничего ты не понимаешь. — смутить Бьёрна не удалось. — Таких роскошных женщин не так много. Это же жрицы любви, а не обычные продажные девки, как в землях Артэ! А госпожа Иоханна и вовсе не дотягивает до стадии Матриарха совсем немного.

— А что такого не обычного в ночи с продажными девками, пусть и высокого уровня развития. — не понял Скит восхищения Бьёрна.

— Это не просто продажные девки. — поправил здоровяк не знающего этого мира Скита. — Это жрицы любви! Они будут искренне любить тебя всю ночь, так как не любит ни одна молодая невеста. А госпожа Иоханна и того подавно. Есть истории когда после ночи с одной из жриц любви мужчины уходили от свои жен или не женились никогда, посещая один и тот же Храм Любви.

— Купить истинную любовь за деньги? — Скит даже сбился с шага от такой мысли, Азалия бежавшая позади споткнулась о своего спутника. — Вам не кажется это не правильным?

— А что не так, кэп? — Бьёрн не понимал своего друга.

— Тебя не смущает тот факт, что ты покупаешь любовь на одну ночь, а на следующую она будет любить другого? — задал вопрос Скит.

— А почему меня это должно смущать, кэп? — Бьёрн посмотрел на Скита. — Мы не лжем друг другу. Мы оба прекрасно знаем кто и зачем тут находится. Она продаёт свою любовь, я её покупаю. Всё честно, и добровольно. Это верно, что иметь свою семью необходимо, но нам скитальцам больше ничего не позволено, понимаешь? Кто полюбит человека, который не сидит на месте? Сегодня вы женитесь, а завтра ты уже на других землях рискуешь своей жизнью, а твоя жена сидит и не знает жив ли ты. Нет, друг, гораздо проще обращаться к жрицам Прекрасной Саранг, они тебе подарят свою любовь, и ты снова счастлив и можешь скитаться по землям и дальше.

Скит не стал продолжать спор, он думал над словами северянина. В них было зерно логики: извращенной, неправильной, но все же логики. Пока он размышлял над словами, компания друзей приблизилась к тюрьме, в которой уже сутки содержался монах. Стражи Порядка на входе скрестили копья, показывая, что пропускать не известных им подозрительных личностей никто не собирается.

— Кто такие, и с какой целью вы сюда пришли? — задал вопрос стоящий справа Страж.

— У вас заключён член моей команды. Можем с ним увидеться? — ответил Скит.

— Ты чей-то командир? — недоверчиво оглядел Скита левый Страж. — У тебя же денег даже на обувь нет, ты ходишь босой.

— А ты дверь охраняешь, пока я на своём корабле между землями путешествую. —

Скиту уже стало надоедать, что все указывают ему на отсутствие пары сапог.

— Обидно, — прогудел из под шлема левый Страж. — но справедливо. Заходите, в правую дверь, там вас встретит капитан Стражи Порядка земель Ан'Гасиоха.

Стражи расступились и друзья вошли вовнутрь. Как и сказал Страж Порядка, за первой дверью справа в кабинете сидел капитан Стражи Порядка. Кабинет был точной копией уже виденного Скитом кабинета капитана Годри в землях Артэ. Все тот же шкаф под бумаги, заваленный бумагами стол и один стул, на котором сидел капитан. Услышав скрипнувшую дверь он поднял от бумаг уставшие глаза и посмотрел на вошедших неожиданных гостей.

— Кто вас впустил? — задал он сразу вопрос, не давая и шанса Скиту начать разговор.

— Приятный Страж на входе. — подал плечами Скит.

— Приятный Страж? — глаза капитана зло сузились. — Я знаю, кто этим вечером будет нужники чистить. Чего хотели? — грубо спросил капитан.

— Уважаемый капитан Стражи Порядка, я капитан корабля "Отступники", моё имя Скит. — вышел вперёд Скит. — Мы команда скитальцев, и сегодня узнали, что у вас содержится член моей команды, монах Ву. Я считаю, что задержан он не по праву и хочу с ним встретиться, чтобы выяснить, что произошло в борделе.

— В Доме жриц любви. — поправил Скита Фестиций.

— В Доме жриц любви. — повторил за танцором Скит.

— Не по праву говоришь? — капитан не моргая смотрел на Скита. — А как объяснишь то, что он был найден в комнате с убитой девушкой?

— Я не знаю, для того и хочу расспросить своего человека. — Скит без страха смотрел на капитана, не боясь его взгляда. — Монахи Северного храма Небесного Дракона не забирают чужие жизни. Даже при угрозе потерять свою.

— Ты думаешь я не знаю, парень? Я не одну сотню лет живу. Но так же я ещё не разу не видел монахов посещающих бордели. — проявил не согласие капитан Стражи.

— Дом жриц любви. — поправил капитана Фест.

— Дом жриц любви. — кивнул капитан Стражи.

— Он занимался их просвещением. — не моргнув сказал Скит.

— Убедил. — улыбнулся капитан Стражи, и стал выглядеть чуть дружелюбнее. — Мне о вас рассказывал Годри, и если бы не он, то я вас выгнал бы сразу как вы вошли сюда. Сейчас приведут вашего монаха.

Долго ждать не пришлось и спустя пару минут монах с кандалами на руках и ногах стоял в кабинете. Рядом с ним стояли двое Стражей, которые и привели его из камеры.

— Кэп! — воскликнул Ву, как только вошёл в кабинет. — Наконец-то! Они мне пить не давали!

— Не правда! — с обидой выкрикнул Страж стоящий справа от монаха. — Наши заключённые всегда получают еду и воду в достаточном количестве.

— Сами пейте свою воду. — отмахнулся монах от Стража. — Скит, я не убивал девушку, ты же знаешь, что я не смогу преодолеть этот порог.

— Знаю, — кивнул монаху Скит, — расскажи мне, что ты знаешь об этом.

— Ничего. — ответил Ву, не слабо удивив друзей. — Я уединился с красавицей Лилией, мы выпили вина и я вырубился, а утром, после пробуждения, меня приведи сюда.

— Это все? — удивлённо спросил Скит, не веря своим ушам. — Больше ничего?

— Перед тем как пропасть, я слышал звук сотни колец, видимо кто-то снимал кольчугу за стеной. Но не более. — видно как Ву пытался сиять, что-то вспомнить, но ничего не

выходило.

— Вино ты покупал? Или его принесла Лилия? — начал задавать уточняющие вопросы Скит.

— Вино нам принесла служанка. Сказала, что это подарок от заведения. Хорошее вино, сладкое. — вспоминая, монах закрыл глаза. — У него был сильный аромат Аганского винограда.

— Как она выглядела не помнишь? — продолжил наседать на монаха Скит.

— Рыжая, курносая, о телосложении сказать сложно, одежда была свободного кроя, такую обычно не носят жрицы любви. Скорее всего это недавно прошедшая посвящение девочка, которую не допускают ни к одной работе кроме работы прислуги. — ответил монах.

— Хорошо, мы тебя поняли. — кивнул Скит, а затем повернулся к капитану. — Скажите, капитан Стражи, для того, чтобы доказать невиновность моего человека, я должен найти убийцу?

— Либо слова жертвы, что это не он её убил, — усмехнувшись своей шутке, съязвил капитан.

— Я вас услышал. — с самым серьезным лицом кивнул Скит и не прощаясь покинул кабинет, его спутники пошли следом, а монаха увели обратно в его камеру.

— Вы что-то поняли, господин Скит? — задал вопрос Фестиций.

— Ву подставили. — ответил Скит. — В вино что-то подсыпали. Скорее всего яд, но из-за одной особенности, с которой знакомы только мы, он просто уснул справляясь с ядом. А девушку убили, чтобы если он проснется, то попадет под подозрение и его повесят за убийство.

— Зачем такие сложности? — задал вопрос Бьёрн. — Почему бы его просто не прирезать пока он спит?

— Может убийцу спугнули? — задумчиво сказал Скит. — Уверен, что если мы начнем спрашивать, то окажется что такой прислужки у них не работает. Вы говорите, что последователи Многоликого Такеми могут менять свои лица?

— Да. — северянин кивнул головой. — Но они могут менять только личину, но не тело. При должном внимании ты всегда можешь узнать человека, даже если он сменит свое лицо.

— А ты что молчишь Фест? — повернулся Скит.

Ответом на его вопрос была тишина, парня рядом с ними не было. Скит начал озираться по сторонам и вдруг услышал слабый еле уловимый стон из-за угла. Он бросился в сторону откуда шел звук, Бьёрн и Азалия помчались следом, стараясь не отстать от Скита. За углом на земле лежал Фестиций и больше не было никого. Лишь только легкий перезвон колец был слышен где-то вдали.

— Парень! Ты в порядке? — воскликнул Скит. — Бьёрн, осмотри его!

Бьёрн и сам уже бежал к товарищу, не дожидаясь команды Скита. Приложил руки, которые тут же засветились легким зеленым светом. Фестиций застонал, но в себя не приходил.

— Он отравлен, я не вижу следа от раны. — сказал Бьёрн. — Яд мощный, у меня не хватает опыта и силы моего духа, чтобы вылечить его. Тут рядом есть алхимическая лавка, давай зайдем, я закуплю пару реагентов.

— Фест сможет выдержать столько времени? — обеспокоенно спросил Скит, смотря на мертвенно-бледного парня.

— Я остановил ток крови в его организме, яд не сможет распространяться по телу. — начал объяснять здоровяк поднимая легкое тело друга с земли. — А жизнь в нем я буду поддерживать своей силой.

После этих слов Бьёрн направился в сторону лавки, о которой он говорил минуту назад. Алхимическая лавка и вправду стояла не так далеко. Им сказочно повезло, что безликий решил напасть на них рядом с этим местом. Бьёрн постучал в дверь, и не дожидаясь ответа вошел внутрь. Скит пошел следом, на секунду замерев на пороге. Ему вновь послышался перезвон колечек кольчуги. Но прислушавшись он решил, что ему показалось. За прилавком стояла приятная женщина в халате свободного кроя и словно немного большего для её фигуры.

— Здравствуйте, уважаемые. — прозвучал приятный голос взрослой женщины. — Чем могу вам помочь?

— Мне нужны ингредиенты для противоядия и ваш алхимический стол. — без лишних слов приступил к разговору Бьёрн.

Женщина наконец заметила лежащего на руках мертвенно бледного Феста на руках у северянина. Без лишних слов она указала Бьёрну на дверь позади себя, и тот быстрым шагом устремился в указанную ему сторону.

— Вам нужна помощь? — обеспокоенно спросила она.

— Нет, все, что мне необходимо, я найду у вас сам. Кэп, заплати хозяйке за доставленные ей неудобства и беспокойство. — проговорил обеспокоенный здоровяк и скрылся за дверью.

— Хотите чаю? — спросила хозяйка алхимической лавки. — У меня есть хорошие травяные сборы, я не только яды и противоядия продаю.

— Да, не откажусь. И молочка моей кошечке налейте. — согласился Скит, ждать пока Бьёрн закончит ещё долго, поэтому предложение чая было очень своевременным. — Как мне к вам обращаться?

— Госпожа Дарина. — представилась хозяйка лавки.

— Красивое имя. — искренне сказал Скит.

— Благодарю. — улыбнулась Дарина. — Я была поздним ребёнком, отец сказал, что я подарок богов. Будьте осторожны чай очень горячий.

— Сильный аромат. — сказал Скит потяну в носом приятный аромат свежесобранных трав и чего-то неуловимо терпкого. — У вас хороший чай.

— Благодарю, травы сегодня утром собрала, они благоприятно влияют на укрепление духа. — слегка покраснев от похвалы, ответила Дарина.

Скит потянулся за стаканом с чаем, но Азалия с громким мявом прыгнула и опрокинула чашку с чаем. Запрыгнув на стол, она зашипела на хозяйку алхимической лавки.

— Что это с вашим питомцем? — испуганно произнесла женщина.

— Простите, у нас сегодня тяжёлый день. Видимо Азалия перенервничала. — извиняясь проговорил Скит. — Я не знаю, что на неё нашло, обычно она так реагирует только на угрозу.

— Что вы шумите? — громко пробасил Бьёрн. — Фест спит, я дал ему лекарство. Пойдём, кэп, парню нужен крепкий сон и хорошая постель.

Скит поблагодарил хозяйку и заплатив ей двумя сотнями золотых, с извинениями направился к выходу. Бьёрн, держа на руках Фестиция очень осторожно шагал в направлении таверны. Парень открыл глаза и мутным взглядом посмотрел на Скита.

— Я хотел помочь девушке в беде, господин Скит. Почему она на меня напала? Неужели нет честных людей в этом мире, господин Скит? — слова давались Фестицию с трудом, но душевная боль была сильнее. — Зачем было притворяться, что она в беде? Это бесчестно, почему люди так поступают?

— Тише, парень, тише. — Скит положил руку на лоб Феста. — Спи, тебе надо поправляться, потом мне все расскажешь. Бьёрн отправь его спать.

— Что ты помнишь? — спросил Скит, когда Фестиций пришел в себя. — Ты видел убийцу напавшего на тебя?

— Это была девушка. — с трудом ответил чудом выживший парень. Чтобы говорить, Фесту приходилось прикладывать усилия. В себя он пришел спустя пол дня, и говорить выходило не так легко, как раньше. — Она лежала на земле и просила о помощи. Вы с Бьёрном были заняты разговором, и я отбежал, чтобы спросить её как я могу ей помочь. Она была слаба и когда я протянул руки, чтобы поднять бедняжку с земли, девушка стала изменяться. Черты её лица потекли и спустя мгновение у меня на руках был совсем другой человек. Её уши были проколоты в десятках мест. В каждом ухе у нее было не менее пятнадцати колец. Брови, нос, губы, все это было обвешано кольцами. Кажется, что у нее не было ни одного свободного места на лице, не имеющего прокола и кольца. И пока от удивления я не успел среагировать, она выбросила руку с иглой и ткнула меня в руку. Метила в сердце, но я успел немного увернуться. Иначе и не дожил бы до вашего прибытия.

— Десятки колец по всему лицу. — задумчиво произнес Скит. — Так значит вот, что я слышал все это время. Перед каждым нападением я слышал их перезвон, и считал, что просто слышу звон колец с кольчуги воинов. Помнишь еще что-нибудь?

— Нет. — Фестиций отрицательно покачал головой. — Скит, скажите, неужели все мои убеждения ничего не значат? Все мои убеждения о чести воина и правильности выбора? Как жить в этом мире, если нельзя верить даже несчастной девушке в беде? Неужели всё чего я держался, оказывается обычными мечтами ребенка, который начитался книг? Скажите мне мне Скит! Как вы живете? Как?!

Парня трясло, от того что его мир рухнул, Фестиций даже не мог определиться как обращаться к человеку с которым они путешествовали уже несколько месяцев. Ему было больно не физически, Бьёрн уже излечил тело парня. У Феста болела душа. Душа, которая нашла направление в этом мире и сейчас он осознал, что выбранный им путь оказался просто мечтой мальчишки начитавшегося книг про рыцарей и благородные поступки, и его душа не выдержала такого удара о реальность. Реальность, которая оказалась гораздо более жестокой, нежели он об этом думал.

— Я бы тоже так хотел, чтобы в мире все было как в книгах. Но, к сожалению, этот мир слишком сильно поломан, друг. — Скит подошел и положил руку на плечо Фестиция. Парень вытирал слезы, бегущие из глаз и слушал что ему говорят. — Вот только поломанный мир вокруг тебя не означает, что ты должен подстраиваться под него. Измени мир. Ему не хватает таких наивных и благородных людей как ты, Фестиций. Не изменяй себе.

Фестиций молча кивнул и отвернулся к стене. Он не хотел спать, но и не мог показывать свою боль этому миру. Проще притвориться спящим и подумать обо всем, нежели выслушивать всех желающих его пожалеть. Скит посидел рядом еще немного, вздохнул и встав направился к выходу. Надо еще решить, как вытаскивать Мора. Их осталось двое и просто ворваться в Первотхрам Ан'Гасиоха они не могут. Скит спустился на первый этаж и сел напротив северянина. Компанию им составлял новоиспеченный учитель Скита. Как оказалось, старик Ичи никуда не уходил и сидел тут в ожидании друзей, но когда Скит вернулся с раненым парнем на руках, старик подскочил начал помогать здоровяку в лечении. Скит был уверен, что слепец больше не сможет его уже удивить, снова ошибся. Старик Ичи

при помощи массажа тела направлял потоки силы духа в теле так, чтобы выгнать яд из тела раненного Фестиция. Вскоре раненый задышал спокойно и ровно, на лицо вернулся легкий румянец, и парень провалился в спокойный сон.

— Времени остаётся слишком мало. — нарушил молчание старик Ичи. — Скоро господина Мория лишат жизни.

— А что ты предлагаешь, старик? — спросил Скит. — Вдвоём штурмовать Первохрам сильнейших воинов земель этого мира? — Скит махнул рукой девушке-разносчице и заказал блюдо молока для Азалии. Девушка улыбнулась и довольно быстро поставила на стол заказ. Азалия запрыгнула на стол, и довольно заурчав начала лакать молочко из блюда.

— Сильнейшие воины — это сыны бога-медведя. — возмутился Бьёрн.

— Вот только я вижу всего одного такого. — резко высказался Скит. — Бьёрн, ты один северянин на этой земле. Твои братья на севере, и они не окажутся тут через час, для помощи нам. Так что, ты уж прости, но сейчас они сильнейшие воины. — в ответ Скиту, здоровяк нахмурил брови, показывая свое недовольство, но ничего не сказал. Скит был прав и спорить не имело смысла.

— Не всегда количество побеждает качество, ученик. — по-старчески проговорил слепец. — Надо просто знать как действовать. Господин Морий мой первый и единственный ученик, и я знал что это однажды случится. А потому все эти года раздумывал как действовать в случае его поимки. И первое, что могу вам сказать — господин Морий будет жив еще три дня. Юного господина нельзя убить просто так, иначе его душа уйдет к Госпоже Даад. Через три дня безостановочных обрядов над юным господином Морием, его покровительница отведет свой взгляд от него и тогда после смерти Великий воин Ан'Гасиох сможет забрать душу господина Мория себе. Это значит, что все три дня гвардия Элдоров будет усиленно охранять молебный зал, не пропуская туда никого. У нас есть только одна возможность, попасть в Первохрам. Дождаться окончания обряда и тогда ворваться в молебный зал, чтобы высвободить господина Мория.

— Не обижайтесь, но я бы не назвал это продуманным планом, мастер Ичи. — пробасил сын севера.

— А ты думал что за полторы сотни лет я продумал только это? — старик посмотрел на Бьёрна.

— Нашему смертнику оказывается почти две сотни лет?! — удивился северянин. — А выглядит младше меня.

— Мы сейчас пойдем на арену, я продолжу учить Скита. А ты постарайся вылечить вашего парня и понять, кто тот безликий, что охотится на вас. — старик Ичи проигнорировал слова Бьёрна, и начал раздавать команды. — А после того как мы выйдем я расскажу, что мы будем делать дальше.

Скит выбил табак из своей трубки в блюдо, которое ему услужливо подставила девушка-разносчица, и посмотрел на Бьёрна. Здоровяк понял не озвученный вопрос Скита и молча кивнул, показывая, что справится и капитан может спокойно уединиться на арене, занимаясь своим обучением. Старый художник встал из-за стола и не оглядываясь уверенно направился в сторону двери ведущей на арену. Скит вздохнул и направился к барной стойке оплачивать время обучения, которое они проведут на арене. Азалия направилась следом за своим спутником.

— Ты помнишь чувство на котором остановился? — спросил слепец у Скита, когда он спустился и сел на песок, кошечка улеглась рядом с ним.

— Примерно, — поморщившись ответил Скит. — я отвлекся на кристалл стихии Неба.

— Вдохновение. — мечтательно произнес старик Ичи. — Давно я его не испытывал, даже завидую тебе. Я-то уже старый и не смогу выучить ничего нового, а у вас молодых все впереди.

Мор вновь, как и когда-то в детстве, лежал на каменном алтаре в святилище Ан'Гасиоха. Тогда он за свой бунт и не послушание должен был насильно отправлен в домен бога, которому его душу посвятил первый из рода Элдоров. Ему удалось сбежать в детстве, учитель Ичи дал юному Морю достаточно знаний, чтобы он справился с недооценившими его гвардейцами рода Элдоров. Но сейчас молитвенный зал охраняла вся гвардия отца, а руки и ноги Мора были скованы лунным серебром. Своего отца Мор так и не увидел, видимо Борей Элдор не посчитал своего сына достойным поводом, чтобы отвлечься от дел божественных.

Несмотря на то, что Мор лежит на алтаре уже не один день, каменное ложе Мора оставалось таким же холодным, как и когда он только оказался к нему прикован. И с каждым часом этот каменный алтарь вытягивал из Мора его силу все сильнее и все больше. Словно жадный и голодный монстр пожирающий свою жертву. С каждой произнесенной молитвой Мор замечал, как его Госпожа отворачивается от него, переставая видеть своего последователя. Ещё немного и Мор останется здесь один, никто не будет его поддерживать, и тогда его душа достанется Ан'Гасиох. Ему больше не удастся увидеть её, и как бы он не бежал всю свою жизнь, его душа окажется продана, как это и задумал первый из его рода, как того хочет его отец.

Странно, но отчаяние не поглощало сердце Мора, скорее даже наоборот, он был воодушевлен. С каждым часом он чувствовал себя лучше, к смерти он был готов давно и жалел только об одном. В этот раз перед смертью он не увидит Её, ту единственную, которую Мор видит каждый раз когда он умирает. В этот раз его душа угодить в рабство и больше вырвется оттуда.

Монотонное чтение молитв, к которым за все это время привык Мор и даже перестал их замечать, прервалась выкриками из-за двери и громкими ударами. Мор захохотал и впервые за все время плена дернулся на жертвенном алтаре:

— У вас ничего не выйдет, ублюдки! Я уйду только к Ней и ни к кому другому! Вы слышите? После смерти я увижу только Её! Только мою Джуди!

Скит вышел с арены спустя два дня. Два дня ужасных измывательств называемых этим злобным стариком тренировками. Заметно подросшая за два дня Азалия не выдержала и вновь сбежала в мир души Скита. Изнеможенный ученик пошатываясь вышел в обеденный зал, который как и всегда встретил нового посетителя гудом десятка голосов, смеха и звуком ударов кружек о стол. Еле переставляя ноги Скит добрал до стола и махнул рукой, прося принести ему еды. Бьёрн что-то громко обсуждал с Орном. Видимо снова спорили, кто из их богов сильнейший воин. Слепой старик Ичи спокойно сел рядом со Скитом. Он делал это с таким невозмутимым видом, словно и не было тех пыток, которые он проводил два дня изматывая Скита и Азалию.

— Как там наш друг поживает? — первым делом, без приветствия спросил Скит у рычащего во время спора Бьёрна.

— О! Кэп, я тебя и не заметил! — от баса Бьёрна казалось содрогнулась вся таверна. —

В комнате наш, малой. В собственных ногах путается, несколько дней пытался свои танцы исполнять, но спотыкался и падал. Сейчас даже не ест, из комнаты не выходит. Кэп, — обеспокоенно продолжил Бьёрн, — парень выгорает, может поговоришь с ним?

— Юноша потерял свой ориентир в этом мире. — произнес старик Ичи. — Он не может продолжать свой путь, потому что начал его от благородства души и помощи нуждающимся. А после такого подлого удара, юный Фестиций потерял этот путь, заблудился в его переплетениях. Вам не помочь ему, он должен сам вновь найти свой путь.

К столу подошла девушка-разносчица, поставила перед Скитом и старым мастером блюда с едой, также перед Скитом появилось блюдо под пепел. Скит кивнул головой, благодаря сообразительную девушку, вкладывая в её руку пару лишних монет за расторопность. Девушка улыбнулась и побежала к барной стойке, ловко лавируя между столами, не путаясь в своих просторных одеждах, скрывающих фигуру. Видимо так заставляют одеваться, чтобы у пьяных воинов не было лишних мыслей в голове.

— Ты не увиливай от разговора, северянин! — громко привлек к себе внимание Орн. — Сам начал этот спор, так имей совесть продолжить, или считаешь если отвернулся, то победил в споре?

— Да что с тобой спорить, пень упрямый? И так все знают, что ваш Ан'Гасиох жадный и выделяет вам мало силы, хотя вас гораздо больше числом, и веры вы ему больше даёте. — спор пошел на новый круг, и Скит не выдержав слушать это перебил двух вояк:

— Вы на арене выяснить это не пробовали? — задал вопрос Скит, которого этот спор уже успел утомить.

— Кэп, даже ты с этим пнем справился, а про меня уж и говорить не надо! — с вызовом посмотрев на оппонента, Бьёрн намеренно напомнил тому обидное поражение.

— Орн проиграл мне только потому, что не ожидал от меня каких либо навыков использования силы духа, я ведь безбожник. — остудил запал северянина Скит, — Да и ты уже мне проигрываешь два боя из пяти.

— А ведь Скит дело говорит! — воскликнул Нордан, — Давай в бойцовой яме сразимся, северянин!

— Да нужен ты мне. — отмахнулся Бьёрн от напирającego на него Орна.

— Струсил получается? — радостно заулыбался воин предвкушая свою победу в этом споре и всех последующих.

— Ты не можешь отказаться, друг. — выдыхая дым вставил свое слово Скит. — После всех своих слов ты просто обязан ответить на вызов. К тому же тебе следует узнать свои новые силы, ты ведь поднял свою ступень развития, пока вытаскивал Фестиция из рук Даад. Я же правильно понял? — по реакции Бьёрна стало понятно, что Скит оказался прав и ответ на вопрос не требовался. — Да и я посмотрю как кого-то другого избивают на этой арене, а то за двое суток уже подустал от того, что лицом по песку возят только меня. Милая, — обратился Скит к пробегающей мимо разносчице еды, и вложил ей в руку серебряную монету. — не могла бы сбегать до нашего друга и позвать его посмотреть на бой этого северянина?

— Сейчас сделаю, господин. — робко улыбнулась девушка у упорхнула выполнять данное ей задание.

Скит задумчиво смотрел ей в след. Он сам не мог понять, что его привлекло в ее виде, но это явно было не девичья красота и привлекательность. Что-то не уловимое в уголке сознания говорило ему о том, что он что-то упускает из виду. Толпа пошла занимать места

на трибуне, и Скит вытряхнул в блюдце прогоревший табак пошел в том же направлении, на ходу вновь забивая трубку табаком.

— А ты-то зачем туда идешь, старик? — спросил Скит, заметив что с ним рядом идет его мучитель. — Все равно же ничего не видишь, только звук двух сражающихся воинов будешь слышать.

— Глупец! — старик Ичи ударил своего ученика бамбуковой тростью так, что Скит вскрикнул от боли, не сумев увернуться. — Раз пытаешься кого-то уязвить, так хоть умей от ударов уворачиваться, бездарь! После боя, обратно на арену пойдешь, до самого полнолуния! — Скит страдальчески вздохнул и оба, Скит и слепой художник, улыбаясь пошли занимать свои места.

Чуть в стороне стоял один из сотрудников таверны и принимал ставки выдавая клочки бумаги с записанными на них именами и суммой ставки. Скит тоже направился сделать ставку пока противники занимали свои места у стен и разминались, но старик Ичи остановил его:

— Постой. — произнес он поймав Скита за рукав, и вложил тому в руку небольшую стопочку монет. — Поставь на ничью.

Скит только пожал плечами и отправился выполнять просьбу старика Ичи. Получив полагающиеся им бумажки, Скит уселся на свое место, и задымив трубкой, стал ожидать боя. Откуда-то сбоку раздался громкий голос, который Скиту уже доводилось слышать когда он сам стоял на арене смотря на Орна Нордана. Как-то он слишком часто оказывается на этой арене. Видимо последнюю мысль Скит озвучил вслух, потому что сидящий справа от Скита поджарый воин ответил ему:

— Орн постоянно зовет кого-то на бой. Мы уже привыкли и не даем ему повода, а вы недавно тут оказались вот он и трется возле вас. Скучно ему без дела сидеть, мы не так давно закрыли Бурю Безумия и нападений не случалось уже пол года, вот и зовет каждого встречного на арену, чтобы время скоротать. — незнакомец замолчал, и Скит услышал представление Бьёрна.

— ... А противостоит нашему ветерану арены, сын Севера, последователь бога Медведя, воин использующий двуручный молот — Бьёрн Тюрсон! — по окончанию речи оратора, трибуны разразились приветственными и подбадривающими криками, а бойцы двинулись на встречу друг другу.

Орн был осторожен и не бросался в атаку, как это было со Скитом. Если внешне Скит не представлял из себя угрозы, просто какой-то голодранец в безрукавке и с босыми ногами, то что ожидать от огромного косматого сына Севера, уже заплетающего свою бороду в три густых косы, Орн Нордон прекрасно знал. Легкий и пробный удар молотом Орн парировал таким же простым взмахом своего копья. После этого приветственного удара началась полноценная дуэль и искры засверкали в воздухе от столкновения металла оружия. Огромный Бьёрн махал своим молотом с такой легкостью, словно он и не весил ничего. Орн пользовался своим копьём так, словно это продолжение его рук, словно он родился с копьём в руках.

— Смотри внимательно, олух. — проскрипел старик Ичи, обращаясь к Скиту. — А то самое главное проследишь.

— Я и так слежу за каждым их движением, слепой старик. — возразил Скит, и вздернул от боли ногу, туда пришелся удар тростью слепого Ичи.

— Дурень! — выругался учитель на своего ученика. — Два мальчишки дерутся, чего ты

там не видел? Не на бой смотри, а на всех остальных. Кто здесь странно себя ведет?

Скит удивился словам слепого художника, но все же послушал его и стал всматриваться в толпу зрителей. Что тут может быть подозрительного? Кто-то захочет помешать бою, чтобы победить на тотализаторе? Или... Точно! Убийца! Для Безликого это идеальное место, чтобы нанести неожиданный удар. Тем более после того как все увидели, что Скита, а следовательно, и его друзей, Дрункард отказывался исцелять. Скит стал усиленно вглядываться в толпу вокруг арены, выискивая угрозу. Скит напрягал слух и нюхивался в запахи. За последние дни тренировки он сильно сблизился со своей кошечкой, и начал различать запахи. В бою с завязанными глазами против старика ему это не сильно помогало, но сейчас Скит использовал каждый шанс, чтобы найти того ублюдка, который так изранил душу его друга.

Скит уже отчаялся найти кого-то и решил, что убийца здесь не объявится, как вдруг он услышал звон десятков колец, и слабый свист брошенной иглы. Не раздумывая Скит бросил на звук две Серебряные Иглы в прыжке обращаясь белой молнией мгновенно оказался на пути летящей отравленной иглы, хватая ее и в ту же секунду оказываясь у того, кто хотел убить северянина. Не смотря на убийцу Скит схватил ее и сбросил вниз, на арену. Наблюдающие за боем не смогли понять, что происходит увидев лишь белую молнию и падающую вниз девушку. Бьёрн остановился в недоумении смотря на упавшую девушку и Скита нависшего над ней, в руке его друга была серая металлическая игла с капающим на песок арены чем-то мутным.

— Кэп, ты чего? — осторожно спросил северянин, смотря на Скита который шипя от злости придавливал девушку к песку.

Перед Скитом лежала девушка, которая пару минут назад приносила ему еду. Девушка разносчица, что постоянно обслуживала их столик, и теперь Скит понимал, почему его так привлекала ее одежда. Она единственная ходила в свободных одеждах и в штанах вместо юбки. В такой просторной одежде очень удобно спрятать несколько отравленных игл и ножей.

— Кэп! — Бьёрн повысил голос. — Ты что творишь?

— Ваш бой окончен. — коротко бросил Скит.

— Как это понимать? — еще недавно дружелюбный Орн теперь совершенно недружелюбно оскалился.

— Как месть. Это она отравила нашего друга. — Скит даже взгляда не отвел от девушки. Та только испуганно застонала, из её глаз потекли слезы.

— Кэп, не дури. Девка явно испугана, не могла такая нашего парня отравить. — Бьёрн осторожно ступал в сторону Скита, стараясь резкими движениями не спугнуть спятившего друга.

— А вот сейчас мы это и проверим. — прорычал Скит и резко надавил на иглу.

Бьёрн предупреждающе вскрикнул, но не успел ничего сделать и игла почти вошла в горло несчастной запуганной служки, как вдруг ее выражение лица сменилось с запуганного на холодное и она без проблем вывернулась из рук удерживающего ее Скита. Отпрыгнула в сторону провела ладошкой по лицу, словно снимая с него что-то. В следующее мгновение ее лицо побледнело черты сменились на более хищные, раздался звон десятка колец. Уши девушки были полностью покрыты кольцами. в каждом ухе их было не меньше двух десятков. Брови, нос и губы тоже имели не один прокол. Девушка не выражая никаких эмоций подобралась, в ее руках оказались два кинжала, она приняла угрожающую стойку и

проговорила:

— Зря ты мне помешал. Хотела же вас по-тихому убрать и уйти. Теперь придется руки замарать.

— Ваш бой окончен. — повторил Скит обращаясь к Бьёрну, но не сводя глаз с безликой. — Я хочу устроить дуэль до смерти, на этой арене такое возможно?

— Нет. — прозвучал отрицательный ответ от распорядителя боя. — Любая рана будет исцеляться этим местом силы.

— Так еще лучше. — на лице Скита появилась злобная усмешка, и Скит повторил. — Так еще лучше.

Из тьмы ночи к порту земли Ан'Гасиоха пристал пассажирский корабль "Отважный". Среди сошедших на сушу была малоприметная девушка в свободных одеждах скрывающих её фигуру. Малоприметная внешность помогала ей оставаться наиболее незаметной. Хотя в этот раз это не сработало, два матроса постоянно не давали ей проходу со своими приставаниями. Видя хрупкую девушку без сопровождения они решили, что это их жертва. Вот только девушке дали имя Канзо, Молчаливая, не только потому, что она молчала после того как работорговцы продали её храмовникам Многоликого, и говорила только во время выполнения задания, но и потому что ее жертвы никогда не издавали ни звука, и никаких следов после хрупкой девушки не оставалось. Одним утром одного из двух матросов, имени которых Канзо даже не запомнила, не нашли на посту. Никаких следов его присутствия на "Отважном" не было. Зато было небольшое пятно крови на перилах у борта корабля... И еле заметное пятно крови на вороте рубахи у дружка потерянного матроса. После недолгого расследования у подозреваемого нашли личные вещи убитого. Во время пути между землями законы суровы и за убийство члена команды только один приговор — смерть. Последнее, что видел повешенный перед смертью, это еле заметная улыбка на лице у девушки, которой он домогался.

О том где будет находиться её новая цель Канзо узнала в храме Многоликого Такеми. После короткой молитвы на алтаре появился свиток с именем местонахождением новой цели. Вот только в этот раз Канзо удивленно подняла брови, ведь на свитке было не одно, а целых пять имен. И вот она в землях Ан'Гасиоха. Первым делом девушка направилась в алхимическую лавку, позднее время её нисколько не волновало. Канзо постучала в дверь, спустя минуту она повторила свой стук. За дверью раздался шаркающий звук сонного человека.

— Йоцик, если это ты, то лучше молись своему богу, чтобы я тебя не прибила. Мы же с тобой договаривались, что твоя жена начнет подозревать, если ты будешь ко мне слишком часто бегать. — раздался сонный голос из-за двери.

— Помогите, они за мной бегут! — пропищала испуганным голосом Канзо.

Дверь распахнулась, и хозяйка алхимической лавки запустила домой девушку, выглянула во двор высматривая опасность. За её спиной раздался звон десятка колец и она обернулась. В доме больше не было той испуганной девушки, которая просила помощи, на её месте стояла девушка с кольцами в ушах, бровях, на носу и губах. Её лицо с разноцветными глазами не выражало никаких эмоций и это испугало женщину больше, чем тот факт что в её доме оказалась Безлика. Эта девушка не испытывала ничего, даже убивая невинного человека. Легкий укол иглой и женщина закатила глаза, уходя в объятия Госпожи Даад.

— Прости, ты не в чем не виновата. Тебе просто не повезло быть хозяйкой самой популярной алхимической лавки в городе. — без эмоций сказала девушка и достала из кошелька на поясе новую серьгу. Иглой проколола себе бровь и добавила еще одно кольцо, увеличивая их количество еще на одно.

На следующий день, как и было указано в послании от Многоликого Такеми, в порт прибыл корабль "Отступник" на котором прибыли её цели. Под видом нескладного мальчишки, Канзо работала грузчиком и перетаскивала вещи с пиратского корабля на склады, куда указывал распорядитель. Удивительно, как этот монах может торговаться

словно самый прожженный торговец, и что еще удивительнее, он смог выторговать себе крупную сумму за этот корабль. Довольно странная команда. Трое вернулись с двумя ремесленниками, и они унижали огромного, свирепого северянина, но тот лишь краснел от злости, ничего им не делая. Любой другой уже давно их размазал бы, благо что низкий толстяк, что высокий жилистый ремесленники не были воинами. От их восторженного вскрика Канзо чуть не сбросила личину, так неожиданно брань сменилась восторгом. Двоих мастеров оставили на странном корабле, а пятерка друзей двинулась в сторону таверны. Канзо отправилась следом и зайдя в таверну с обратной стороны поймала какую-то хилую девчонку бегущую с кружками пива. Спустя минуту на лице Канзо добавилась серьга, она подхватила кружки с пивом и направилась в обеденный зал, но шум встреченный ею сильно удивил девушку. Один из заказанных ей уже затеял потасовку и его повели на арену. Канзо поставила кружки и решила посмотреть на что способен этот парень.

Бой смог её сильно удивить, этот босоногий и хилый парень не имея покровителя смог победить противника в два раза больше себя. Да еще и неизвестный для девушки стиль боя использовал. Он и правда был так опасен, как про Скита написал Многоликий Такеми. Дождавшись ночи Канзо заняла место на крыше напротив окна Скита стала выжидать, его кровать стояла не удобно, и в окно были видны только ноги спящего парня. Канзо учила сидеть не шевелясь неделями, поэтому выждать пару часов, пока у её цели не наполнится низ живота заставляя парня встать и справить нужду, не представляло для Канзо трудностей. Вот её цели что-то приснилось, и парень подскочил с постели, сел на пол и комнату озарил лазурный свет, выпуская из груди Скита кошку. Надо же, у парня оказывается есть духовный зверь! Неожиданно, надо быть с ним осторожнее, люди с духовными зверьями перенимают их привычки и повадки. Канзо прицелилась и спустила тетиву отправляя стрелу в полет. Выглянувшая из-за облаков луна предательски отразилась на металле наконечника, Скит заметил и невероятно быстро среагировал уходя с линии атаки. Но все равно слишком медленно для Канзо. Девушка уже бежала по крышам, скрываясь от Скита она сменила личину на неприметную девку, и направилась в сторону дома Жриц Любви. Пусть ей и не повезло расправиться с одним, но это не значит, что она не справится с другими. И уж тем более с пьяным и трахающимся монахом.

Войти в Дом Жриц Любви трудно. Боги ревниво охраняют свою территорию, и Прекрасная Саранг не исключение. Войти в её Дом Любви невозможно, если твои мысли не наполнены любовью или желанием эту любовь получить. Вот только Многоликий Такеми хорошо обучает своих последователей с самого детства, задолго до посвящения, и потому полюбить кого-либо ради выполнения заказа для Канзо не составило сложности. Наполнив свое сердце любовью, молчаливая Канзо в образе юной, нескладной девчушки вошла в Дом Жриц Любви и направилась на второй этаж. След духовной силы монаха был еле ощутим, но все же имелся и девушка его нашла без особого труда.

Канзо не испытывала иллюзий прекрасно понимая, что не имеет ни шанса на победу в прямом столкновении с таким воином как монах Северного Храма Небесного Дракона. Она постучала в дверь, её лицо не выражающее ничего — оживилось, стало по-детски наивным и приветливым. Дверь открыл сам монах и посмотрел на девушку.

— Чего тебе, малышка? — растерянно спросил монах, не ожидая увидеть здесь настолько юную девушку.

— Госпожа Иоханна сказала передать это вам от нашего Дома. — стесняясь и краснея проблеяла девушка, смешно морща свой веснушчатый нос.

— Передай госпоже Иоханне мою благодарность. — Ву забрал у девушки вино и вложил ей в ладонь медную монетку.

Монах закрыл дверь, поставил вино на стол, не собираясь его открывать. За дверью прогремел звон колец, но Ву не обратил на это внимания, мало ли наемников ходит в Дом Жриц Любви? Монах пошел обратно до обнаженной девушке ждавшей его на кровати, но она остановила его жестом выставив руки перед собой.

— Неужели ты думаешь, что я не хочу попробовать такое дорогое вино? — надула губки Лилия. — Бутылка диоссенского вина стоит столько, что я его не видела никогда. Это просто оскорбление не вскрыть его.

Ву повернулся, взял со стола штопор, сорвал печать указывающую, что вино не вскрывалось и воткнул штопор в пробку. Со звуком выдернул пробку и разлил вино по бокалам. Лилия довольно морщила носик и приняла предложенный ей бокал. Вино имело приятный запах Аганского винограда, он сомневался пить ли незнакомое ему вино, но милая Лилия настойчиво подтолкнула бокал монаха к направлению его рта и Ву сдался делая глоток, почувствовав приятный вкус, монах допил его до дна.

— Вкусное вино, правда? — девушка радостно улыбалась, ведь такое вино она пила первый раз в жизни.

— Неплохое... — начал отвечать Ву, но в глазах у него помутнело и пол быстро приблизился встречая лицо монаха.

— Что случилось? Помогите! — в панике девушка бросилась в коридор, она уже поняла — вино было отравлено, но ей не стало плохо, ведь Лилию оберегает Прекрасная Саранг. А вот монах не находился под защитой храма ее богини.

В коридоре её встретила незнакомая ей девушка с множеством проколов и колец, затолкнула Лилию обратно в комнату, и пока юная жрица любви не успела понять что происходит, вошедшая следом Канзо, придавила девушку к кровати и начала её душить. Лилия пыталась отбиться, но её руки были прижаты коленями напавшей на неё безликой. Спустя мгновение страх сменился недоумением, как в Дом Любви мог пробраться человек с сердцем полным жаждой убийства, ведь Прекрасная Саранг не впускает никого, чьё сердце не наполнено любовью. Лилия перестала сопротивляться, на её губах проступила слюна, а глаза погасли. Девушку забрала к себе её богиня-покровительница. Канзо поднялась, все с тем же безэмоциональным выражением лица, словно она придавила муху, и направилась к монаху, находящимся без сознания. Довольно странно, что он всего лишь вырубился, ведь от яда Пустынной змеи не могут выстоять даже новорожденный безумные твари, а из людей на такое способны разве что Патриархи. Канзо достала свое излюбленное оружие, и хотела уже воткнуть иглу в горло своей цели, но тут за дверью послышался топот.

— Вот в этом номере я слышала подозрительные крики! — кто-то привел подмогу и Канзо понимала, что не успеет скрыться. Ну и ладно, смерть девушки повесят на пьяного монаха и ему все равно светит смерть за это.

Безликая выпрыгнула в окно, и спрятавшись в кустах сменила личину на ту в которой она прилетела в эти земли. Зайдя за угол и спрятавшись в тени, Канзо вновь сменила личину, но в этот раз на хозяйку алхимической лавки. Так на нее точно никто не сможет подумать. Девушка направилась к своему дому, ей надо было выспаться перед новым днем. Но стоило ей только закрыть за собой дверь и направиться на второй этаж, где и располагалась спальня, весь первый этаж был выделен под торговый зал и лабораторию, как в дверь раздался стук. Канзо насторожено подошла к двери, и услышала как с улицы кто-то

приглушенно проговорил:

— Дарина, дорогая открывай. Я своей дурочке сказал, что с друзьями в карты играю, так что у нас есть пару часов. Ну же открывай, я видел, как ты только что вошла.

Так значит лавочница не была одинока, как это думала Канзо. Видимо что-то все же может укрыться от глаз богов, раз это они не увидели. Как там говорила лавочница, когда девушка стучала в её дверь?

— Йоцик, если это ты, то лучше молись своему богу, чтобы я тебя не прибила. Мы же с тобой договаривались, что твоя жена начнет подозревать, если ты будешь ко мне слишком часто бегать. — повторила она с той же интонацией, что и хозяйка алхимической лавки, но дверь открыла.

— Не сердись, милая Дарина, я сильно скучал по тебе. — вошедший толстый и потный мужчина начал её обнимать и хватать девушку.

Канзо поморщилась, раньше после такого она отрубала руки тому, кто себе это позволял. Может и этого прибить? Нет, нельзя. Судя по одежде и резкому запаху явно не дешевых духов, которые все же не скрывали мерзкого запаха его тела, это был не мелкий лавочник, а довольно известный человек, пропажу такого человека заметят сразу.

— Я тоже, дорогой Йоцик. — томно прошептала она на ухо толстяку и поманила его к себе в спальню.

На следующий день Канзо в образе милой девушки продавала цветы, и наблюдала за таверной в которой проснувшись сидели за столом её цели. Прошлая ночь только испортила её настроение и девушка изо всех сил скрывала свою жажду убийства. Долго ждать ей не пришлось, и вскоре вся компания направилась в сторону лавочного ряда. Лучшего места для безликой и придумать нельзя было, самое людное место в городе, а значит после нанесения удара, Канзо быстро сменит личину и скроется в людской массе крутящей головами и торгующимся с таким усердием и криком, что увидеть девушку в свободных одеждах будет невозможно. Канзо никогда не была бойцом ближнего боя. Она всегда наносила один удар, после которого редкая цель выживала, но Канзо никогда не оставалась на месте после этого, и сразу скрывалась из виду. Если же кому-то удалось перенести этот удар, то Канзо повторяла их встречу и все равно добивалась своего, результат всегда один — все на кого безликой указывал её покровитель оказывались мертвы.

Трое её целей остановились и отвлеклись на мазню некоего слепого старика, и девушка поняла, что лучше времени не подобрать, все трое перестали отвлекаться на посторонние звуки. Канзо метнула иглу, но произошедшее настолько удивило её, что безликая забыла спрятать свою истинную личину. Слепой старик дернул рукой и выбросил навстречу её игле обычную деревянную кисть! Мало того, что слепец умудрился понять, что в кого-то летела выпущенная девушкой смерть, так еще он сумел и остановить её. Скит начал оглядываться, и Канзо в последний момент успела обернуться цветочницей и скрыться в толпе. Её благородная привычка принимать свой истинный образ и предупреждать цель звоном колец, как и предупреждал настоятель Арден, однажды сыграет с ней плохую шутку.

После всего произошедшего Канзо под видом девушки-служки работала в таверне, и следила за своей целью. Скит со стариком скрылись на арене, и это было не приятно. Она не знала чему его учит старик, и что теперь можно будет ожидать от этого босоногого воина. В том, что Скит является воином она убедилась когда смотрела на его бой с тем задиристым копейщиком. Но это незнание было просто неприятной занозой, в отличие от произошедшего далее. Мора забрала гвардия Патриарха! Это был единственный раз за

долгие года, когда девушка закипела от ярости настолько, что чуть не потеряла контроль и её жажда убийства чуть не разлилась по таверне. Если этого тощего смертепокклонника не убьет она лично, то его душа не зачтется, и ей придется дольше отрабатывать свою свободу перед своим богом-покровителем.

Ей все же удалось приманить одного самого благородного, а значит самого глупого, из оставшейся тройки друзей и ткнуть отравленной иглой в шею, но парень увернулся прикрылся рукой. Пусть Канзо и не попала туда, куда целилась, но все равно противоядие от яда Пустынной Змеи не носят в кармане, поэтому безлика пошла в лавку, думая как ей избавиться от оставшихся воинов. Но девушка не успела вернуть родной образ, как к ней в лавку с бессознательным телом на руках вломился северянин и его спутник. Потребовав лабораторию он скрылся в ней, а Скит со своей кошкой остался ждать своего друга. Неужели этот дуболом обладает лекарскими навыками? Ведь все знают, что эти оборотни только дубинами махать умеют! В такие моменты Канзо сильно жалела, что есть боги в изгнании и Многоликий Такеми не может вытянуть из них нужную информацию.

— Хотите чаю? — задала вопрос Канзо. Если её план удастся, то от самой дорогой цели безлика избавится прямо сейчас. — У меня есть хорошие травяные сборы, я не только яды и противоядия продаю.

Девушка в образе Дарины, хозяйки алхимической лавки, незаметно добавила яд в травяной чай. Аромат трав спрячет запах яда, настолько тонкие запахи не способен учуять ни один человек, да и яд в этот раз был не настолько мощный в отличие от яда Пустынной Змеи, который имел один огромный недостаток, это резкий и противный запах. Но стоило только Скиту протянуть руку к чашке с чаем, как его драная кошка с громким криком прыгнула опрокинув чашку и зашипела на безликую.

Только сейчас стоя на арене и глядя в глаза разъяренного Скита она понимала, что все делала неправильно. Ей следовало отказаться от этого заказа сразу как только он ей выпал. Пусть бы она продлила свое рабство на десяток лет, но она не одна такая среди последователей Многоликого Такеми. Перед девушкой стоял не босоногий неудачник. На неё смотрел злой хищник, хищник который не собирался просто убить своего противника. Он хотел растерзать и сожрать её заживо, впитывая каждую каплю её жизни и наслаждаясь тем, как его жертва мучается перед смертью. Такие эмоции Канзо ловила только один раз в жизни, когда на них напала Безумная Тварь. Тогда наставник Арден спас её и других послушников, но сейчас его не было рядом. Вот и сейчас, от Скита исходило такое же чувство опасности, его кожа неестественно посветлело, вокруг глаз же наоборот появились темные линии, словно он подвел глаза тушью.

Неужели весь этот путь она продела зря? Все эти смерти, которые она видит каждую ночь, все мучения во время обучения и унижения на заданиях? Канзо охватила сжигающая ярость. Нет! Все это она делала, чтобы избавиться от рабского ошейника, татуировкой выбитого на её шее. Она не собиралась служить богу убийц, но ей не оставили выбора! Она всего лишь хотела свободы, которой у неё не было. Которую у неё забрали, продав словно корову, или кого там продают друг другу беспутные крестьяне? Канзо зло оскалилась и достала кинжалы. Да она не любила прямые столкновения с противником, но это не значит, что она не умеет этого делать, тем более когда на кону стоит её жизнь.

Скит смотрел на безликую и впервые за все время его разрывала дикая ярость, которую ему еще не приходилось испытывать. Его не разъедала такая ярость и злость если бы убийца вызывала его друзей на честный бой. Но такие подлые удары, сломанного Фестиция Скит не

мог ей простить. Он бросился на девушку не дожидаясь пока она сгруппируется, но к его удивлению Канзо просто исчезла в темной дымке, и меньше чем за мгновение оказалась за его спиной, целясь кинжалом в шею Скита. Однако и Скит смог удивить свою противницу, он не только извернулся находясь в полете, но еще и поставил блок, нанося удар в ответ. После такого своеобразного приветствия оппоненты встали друг напротив друга оскалившись оружием. Скит не питал иллюзий по поводу своей непобедимости, старик вбил Скиту эту мысль еще во время их первой тренировки. Пусть кинжалы и не являются оружием для спарринга, это оружие для убийства в спину, но вот только в руках человека ступившего на путь боевых искусств, любое оружие лишь проводник для своей силы. На самом деле его противница могла использовать для боя любое другое оружие для убийства людей, но если ты берешь в руки клинок который не резонирует с твоим духом, то тебе будет сложнее использовать силу духа. У тебя будет уходить больше энергии, эффект от техник будет слабже, но ты все равно сможешь сражаться.

К удивлению Скита, девушка вообще не выражала никаких эмоций, её лицо было словно из воска, ничем не отличалось от всех людей, но отсутствие мимики делало её чуждой этому миру. Вот только Скита нельзя было обмануть, он чувствовал как в душе девушки сменяли друг друга страх и гнев. Она держала один кинжал обратным хватом, а второй был направлен на Скита. Девушка вновь растворилась в воздухе, чтобы в следующее мгновение нанести ему удар в бок, Скит смог увернуться только благодаря звериному чутью, что ему досталось от Азалии. Его чутье с каждым днем становилось сильнее пропорционально тому, как крепла их с кошкой связь. Скит не успел даже прикрыться лунным серебром, поэтому на его коже проступила маленькая капля крови. Но запах металла на изогнутых кинжалах девушки ему не понравился, там была примесь того запаха, который сопровождал Фестиция, пока Бьёрн нес парня до алхимической лавки. В боку сразу почувствовалось онемение, и Скит легким усилием воли изолировал место пореза лунным серебром, чтобы яд не распространился по телу.

— Она использует стихию Тени, олух! — прокричал с трибун слепой старик. — Мало я тебя гонял на тренировках? Ты вообще учился хоть чему-нибудь?

Скит дернулся от окрика старика как от оплеухи. Ярость мгновенно прошла, кожа Скита посветлела, принимая более естественный цвет, глаза ранее казавшиеся подведенные тушью, стали выглядеть нормально, как и подобает воину. Скит вдохнул, прикрыл глаза и раскрыл их. Теперь они выглядели иначе, изумрудно-зеленые с вертикальным зрачком. Канзо вновь неожиданно для себя поежилась, казалось что это взгляд пронизывал насквозь самую суть мира. Девушка вновь растворилась в тени и направилась в тень Скита. Эта техника перемещения была мгновенной, ведь ей надо было провалиться в свою тень и оказаться в той, которую безлика выберет. Но в этот раз все было иначе. Оказавшись вновь за спиной Скита Канзо нанесла удар отравленным кинжалом, но её встретил мягкий блок кулака покрытого лунным серебром.

Безлика не теряя концентрации отпрыгнула в сторону, уходя от ответного удара. Не понимая, что сделал её противник, она повторила попытку напасть из тени, но результат бы тот же. Скит каким-то образом знал с какой стороны придется удар и блокировал его. Поняв, что надо действовать иначе, Канзо сменила тактику, она больше не использовала технику перемещения для атак. Все же девушка была Храмовником средней стадии, умела не только прятаться в тени и использовать яды.

— Теневые Клинки. — все таким же безэмоциональным голосом проговорила девушка.

Вообще не обязательно говорить название техник, но многим это помогает концентрировать силу духа, и правильно формировать её.

После этих слов тень из под ног девушки начала ползти вверх и перемещаться по телу, переходя с ног на торс, оттуда на руки и с рук сползать на кинжалы. Теперь в руках безликой были не кинжалы, а два изогнутых коротких меча настолько темных, что казалось они поглощают свет. Но Скиту приходилось уже видеть самый темный из всех возможных оттенков черного. Насколько черного, что два этих клинка на его фоне светились бы как золото в лучах дневного светила.

Канзо взорвалась серией ударов, от которых Скиту пришлось уворачиваться без возможности для контратаки. Подгадав момент, Скит выставил вперед когтистую руку, ловя теневой клинок и пытаясь ударить другой рукой в ответ, но клинок не остановился, проходя сквозь его руку, разрезая жилет на груди Скита. Кожа осталась нетронутой, рефлексy не подвели и Скит успел защитить грудь лунным серебром. Его было все еще слишком мало для защиты всего тела, зато достаточно для того чтобы по телу перемещался кусок металла размером с тарелку и прикрывал всю поверхность удара. Скит отпрыгнул и выпустил Серебряные Иглы по всему полю арены. Растворившись белой молнией он начал метаться по арене от одной иглы до другой. Техника Скита была лучше обычных техник перемещения тем, что для нанесения удара ему не приходилось останавливаться, как это делала Канзо со своей тенью. Вот только теперь на пути его удара не было уже самой девушки. Каждый раз как он прыгал в её сторону, безликой там не оказывалось.

— Осел тупорогий! — прокричали ему с трибуны. Старик Ичи как всегда не сдерживал выражения. — Ей для перемещения нужна тень, и не важно какого размера это тень будет. Ты сам создал для неё поле для атаки.

В этот момент, как только учитель замолчал, Скиту из тени в ногу вонзился кинжал. Это выбило его из стихии и он упал на песок. Как это могло произойти Скит не понимал, но девушка уже стояла над ним и заносила кинжал для удара. Кошачья лапа на груди засветилась, и Азалия ударом лапы выбила кинжал из руки удивленной Канзо. Кошка размером с собаку прыгнула на девушку и придавила её к земле.

— Ты не сможешь меня убить на этой арене! — крикнула безлика. — На любом, кроме тебя, раны заживают моментально.

— А вот это мы сейчас посмотрим. — угрожающе улыбнулся вставший и хромающий на ногу Скит. — Ваши боги не могут забрать у меня право мести.

После этих слов в руках разъяренного Скита появились металлические стержни, которыми он пришил безликую к земле. Нечеловеческий крик боли впервые раздался на арене. Его кулак покрылся белой молнией и он вонзил руку в горло девушки. Точнее так показалось зрителям со стороны. Кровь так и не брызнула на песок, зато когда он поднял руку вверх, то в сжатом кулаке можно было увидеть ошейник. Именно таким он изображался на татуировках последователей Такеми. Девушка от удивления даже перестала чувствовать боль, она уже и забыла это чувство, чувство свободы и того как на твоей шее нет ошейника словно у животного. Ей в сердце воткнулось что-то металлическое, и девушка вздохнув с чувством свободы первый раз за много десятков лет жизни умерла. Умерла свободной и умиротворенной, её желание было исполнено, а больше она ничего не хотела.

Маленькая девочка гуляла по ярмарке и смотрела по сторонам. Она потеряла свою маму с папой и уже долго не могла их найти. Все прохожие отказывались ей подсказывать дорогу,

говоря что им в другую сторону. Слезы текли по её щекам, шея саднила, словно она много лет носила что-то тяжелое и крепко держащее её. За последней палаткой девочке показалось, что она увидела знакомые черные волосы и красный подол платья.

— Мама! — закричала она и побежала туда.

— Воробушек! Ты куда упорхнула от нас? Я уж думала, что никогда больше не увижу тебя! — женщина рыдая от радости обняла дочку и гладила её по спине. Рядом стоял папа, все такой же большой и сильный. Он был такой же строгий, как и помнила его девочка, но в этот раз он тоже плакал, хоть и не обнимал девочку.

— Пойдем, Воробушек, больше мы не потеряемся. — сказал он и девочка ему поверила. — Пойдем, я нашел для нас хорошее место, там мы будем счастливы. — и взяв на руки дочку, чтобы она больше не потерялась, пошел прочь с ярмарки показать место которое он для них нашел.

Многоликий Такеми готов был лично спуститься и порвать этого ублюдского чужака. Подумать только он посмел убить одного из его лучших безликих! Да и не просто убить, он вырвал её душу из домена покровителя убийц, и отправил её на перерождение! Многоликий Такеми был зол. Такого не происходило уже тысячи веков, души всегда попадали в личные домены своих богов-покровителей, согласно договору, который заключили первые Патриархи этого мира. И вот какой-то выскочка ломает тысячелетиями устоявшиеся правила мира! От личной мести Многоликого Такеми останавливало только то, что этот мир не выдержит прямого вмешательства бога. Но ничего, Молчаливая была не единственная его рабыня, у него еще много тех, кто не выплатил ему долг и не выкупил свою душу. Охота на чужака не остановится и вскоре по его следу пойдут десятки охотников, десятки тех кто будет рад убить этого ублюдка!

От своих мыслей Многоликого Такеми отвлек крик полный ярости. Покровитель убийц удивленно поднял голову, он уже слишком давно не чувствовал эту бешеную ауру злобы и жажды убийства. Самый спокойный и ленивый из всех богов почти никогда не пылал такой яростью. Дрункард, бог пьяных драк, всегда был занят тем, что провоцировал драки в своих храмах-тавернах и радовался когда смотрел на них. Последний раз, когда от божественного пьяницы исходили подобные эмоции было на заре веков. Тогда он только занял свой пост и кто-то посмел совершить грех в его владениях. Тогда целая земля была превращена в пустыню, а этот мир потерял одну нить, сдерживающую его от разрушения.

Многоликий мгновенно оказался в домене Дрункарда, которого уже пытались удержать бог Света Тиморий и обезьяноподобный Хоу Дзи. Такеми не теряя не секунды достал тонкую иглу и метнул во взбесившегося бога пьяных драк. Дрункард дернулся еще несколько раз и затих, провалившись в беспомощность.

— Что произошло? — удивленно спросил Многоликий Такеми. От удивления он даже позабыл о собственной злобе.

— В его владениях был убит человек. — ответил Светлоликий Тиморий.

— В его владениях часто кого-то убивают, смотри какой здоровый отожрался, втроем с трудом успокоили. — Многоликому все еще была не понятна причина такой ярости бога пьяных драк.

— Убийство было совершенно на арене. — заговорил Мудрый Хоу Дзи. — В круге малой силы, где его аватар не позволяет умереть и покалечить людей.

— Невозможно! — удивлению Многоликий Такеми не было предела. — Человек не способен пойти против законов бога!

— Может. — несогласно покачал головой Светлоликий Тиморий. Поле его покачивания головой с нее слетели светящиеся искорки и полетели к земле. упав на нее они прожгли растительной и скрылись где-то под землей. — Если он не обычный человек, а аватар Его.

На поляне стало тихо, Многоликий на мгновение даже дышать забыл, настолько громко прозвучали эти, казалось бы, тихие слова. Теперь в голове покровителя убийц все сложилось и он понял, что они оба — и Такеми, и Дрункард, были в ярости из-за одного и такого же ублюдка.

— Он смог сорвать мою печать и отправить на перерождение мою рабыню. — проговорил Такеми, доводя общую, и без того накаленную обстановку, до предела.

После этих слов он испугался, что домен пьяницы разорвет от пролившейся ярости сразу двух богов. Он даже чуть не начал молиться создателю, но смог удержаться, иначе бы точно привлек Его внимание к этому миру. Но Тиморий и Хоу Дзи все же смогли взять себя в руки и обуздать свои эмоции. Боги их уровня были способны разрушить пол мира только тем фактом, что не удержали свои эмоции.

— Ты можешь выделить больше силы своему инквизитору? — спросил Мудрый Хоу Дзи повернувшись к богу света.

— Нет. — вновь покачал тот головой, и еще несколько искорок прожгли землю. — Если я дам ему еще хоть единицу силы, то он не выдержит, а северные земли нам еще нужны, если ты помнишь. Может лучше ты поговоришь со своим монахом? Они вместе скитаются по миру, если нанести удар в нужный момент, то все может получиться.

— Тоже не выйдет. — отказался от предложения Хоу Дзи. — Он нарушает все догмы и выворачивает мои законы так, что я давно уже отвернулся от него. Ты знаешь правила, я не могу иначе.

— Я направлю по его следу еще больше убийц, а корабли пиратов будут ловить этих ублюдков по всему небу, об этом я договорюсь с Кайзоку. — предложил Многоликий.

— Мусафир не способен отследить их маршрут движения, они пользуются кораблем отступников, а он сам способен прокладывать маршрут пути. Придется их ждать в порту Ролунгарда — это единственный порт, который мы не разрушаем на севере, так что оказаться они могут только там.

По трибуне разлилась тишина и животный страх от увиденного. Только что люди увидели как простой босоногий и хилый с виду человек нарушил правила сразу двух богов. Человек стадии развития Послушник совершил невозможное, он лишил метки бога своего противника, и это их пугало, теперь никто из них больше не чувствовал себя в безопасности. Они увидели, что Скит по своей прихоти может их лишит связи со своим покровителем и правильного посмертия.

— Ты чего наделал, кэп? — произнес Бьёрн уже позабытую фразу.

— Да! — раздался голос старика Ичи. — Ничья! Ставка сыграла! Где мои деньги, щенки?

— Как же это?... — раздался полный недоумения и разочарования голос.

Скит поднял голову и увидел Фестиция опершегося на трость, ноги его еще не держали так как ранее. Смерть девушки, которая отравила его, не порадовала молодого парня, а наоборот, еще сильнее раскрыла рану на душе Фестиция. Взгляд его глаз бегал по всей арене, парень держался рукой за грудь, не имея возможности понять, где он чувствует боль, и как это вылечить. Почему даже смерть в этом мире такая бесчестная, почему даже в честном спарринге кто-то может совершить нечто настолько ужасное? Зачем эту бедняжку лишили посмертия с её богом? Скит хотел ответить своему другу, но в этот момент мир покачнулся он потерял опору под ногами и все вокруг закрутилось, отправляя Скита в беспамятство. Спустя мгновение Скит оказался в таком родном черно-белом мире.

— Привет, надсмотрщик. Я уже соскучиться успел. — раздался нарочито веселый и громкий голос.

Перед Скитом сидел прибитый к камню Наёмник, такое имя своему двойнику дал Скит. Руки после боя с некрмантом были вновь вывернуты и стержнями прибиты к алтарю с артефактом. Скит часто появлялся здесь во время медитаций, и каждый раз пытался

договориться со своим двойником, но каждый раз Наёмник давал своему пленителю один тот же ответ, и каждый новый раз Скит вновь и вновь повторял свой вопрос.

— Снова будешь разводить тут разговоры о гармонии? — издевательски проговорил Наёмник.

— Ты же сам все видишь, ты знаешь мои мысли, и знаешь о выводах которые я сделал. — Скит посмотрел в глаза своему пленнику. — Неужели ты еще не увидел, что во всех твоих проблемах виноват не я, а боги которые это совершили? Неужели ты не видишь, что энергия идет не от богов к людям, а наоборот, от людей к богам? Что татуировки на их телах, это на самом деле рабское клеймо, которое запирает их дух и не позволяет ему уйти после смерти. Ведь ты тоже теперь обладаешь Взглядом Сути. Ты должен видеть как боги словно паразиты вытягивают из людей духовную силу. Они не берегут этот мир, они его пожирают.

— Ты говоришь громкие слова о справедливости, о том что люди находятся в рабстве у богов, но сам держишь меня приколоченным к камню и не возвращаешь мне мое тело. — Наемник ухмыльнулся и зло посмотрел на Скита. — Неужели ты думаешь, что это поможет мне понять тебя? Ты думаешь, что я направлю свою ненависть на богов в то время как ты захватил мое тело, а меня считаешь угрозой миру?

Скит молча подошел к своему пленнику и одним резким движением выдернул штыри из рук Наемника, тот вскрикнул от боли и упал на траву. Штыри из лунного серебра, до этого сдерживающие пленника, плавно втянулись в руки Скита. Руки Наемника встали на место, и он еще не веря в произошедшее, медленно поднялся потирая свои ноющие руки.

— Ты прав, я не могу тебе говорить о справедливости, поступая с тобой таким образом. — Скит отступил на шаг назад и обвел мир вокруг глазами. — Посмотри как тут стало красиво. По нашему беззвездному небу стали проплывать облака, молнии теперь бьют не из пустоты черного неба, а из бело-черных туч. И даже есть одна-единственная цветная кошечка, которая украшает наш мир. Ты помнишь как раньше выглядел твой мир души?

— Нет. — еще не понимая, что ему хотят сказать, Наемник покачал головой.

— Я расспрашивал людей, он не изменчив. Они видят его ровно таким, каким увидели при первой медитации. — продолжил свою мысль Скит. — А вот наш меняется и растет с каждым днем. Наша душа все еще не сформирована полностью, понимаешь?

— И когда же произойдет это "полностью"? — ухмыльнувшись спросил Наемник.

— Мы с тобой должны объединиться и тогда уже не будет тебя или меня. Будет новое, более совершенное существо. Подожди, — Скит поднял руки останавливая своего двойника, и не давая тому заговорить. — подожди и просто смотри, и ты однажды придешь к тому же выводу. Просто живи и наблюдай за тем, что происходит. — после этих слов Скит собрал немного силы и отравил свое сознание обратно в свое тело.

— Он пришел в себя. — раздался знакомый голос Бьёрна. — Что случилось, кэп?

— Откат поймал. Мир против такого грубого вмешательства в его правила. — пояснил Скит морщась от боли по всему телу. Судя по тому, что трибуны еще не опустели. времени прошло совсем немного.

— Надо уходить. — подошел старик Ичи. — Скоро они опомнятся, и никто вас живыми отсюда не выпустит. Ты теперь угроза для их посмертия.

Морщась от боли Скит огляделся всматриваясь в лица сидящих на трибуне людей. Страх уже пропал с их лиц, его место занимала злость и желание уничтожить угрозу. Согласившись со стариком, Скит встал направляясь на выход. Бьёрн придерживал друга за

плечо одной рукой, а второй схватил не успевшего увернуться слепого художника. И таким образом, пока никто не успел опомниться, друзья направились к выходу.

— Надо дать указания Фестицию. — сказал Скит оглядываясь в поисках светловолосого парня.

— Я его поймал сразу, сказал идти и укрыться на корабле. — успокоил друга Бьёрн. — Идем за Мором и покидаем эту гостеприимную землю, ждать больше нельзя.

По пути к Первохраму Скит быстро оправился от оплеухи которую ему дал мир, и уже бодро двигался сам. Старик Ичи вырвался из хватки здоровяка и тоже не отставал от быстрого темпа своих спутников. Скита больше не удивляла способность слепца ориентироваться в пространстве. Взгляд Сути, которому его обучал старик показывал мир потоками энергии, которую в себя впитывал дух, и для того чтобы овладеть им не обязательно наличие глаз, достаточно объединить дух, разум и тело, после чего сам дух будет видеть все, что тебя окружает. Скит не мог использовать Взгляд Сути постоянно, как это делал старик Ичи. Тело было все еще слабо, несмотря на то, что во время тренировок, Скит взял новую ступень силы. Понимание сути стихии неба помогло ему продвинуться еще немного к вершине силы этого поломанного мира.

— Я пройду в ворота, меня не имеют право задерживать. — начал говорить слепой художник. В раздумьях Скит не заметил как они добрались до своей цели. — Патриарх даровал мне право приходить к нему, когда мне захочется побеседовать с ним. Тем более когда моего первого ученика собираются убить. Как через забор пробраться придумали? — Скит в ответ только кивнул, не переживая, что слепец может не понять его ответа. — Отлично, тогда я пошел, а как охрана отвлечется на меня, вы должны будете перемахнуть через забор, оказаться на территории храма вы должны вместе со мной, иначе вас найдут быстрее, чем мы на то рассчитываем.

После старик повернулся и направился в сторону входа в храм, Скит прижался к забору и посмотрел на здоровяка оценивающим взглядом. Что-то прикинул в голове и покачав ею вызвал из своего мира души Азалию. Бьёрн удивленно уставился на Лазурного Барса. Кошка выросла за два дня основательно, и теперь это был не смешной котенок, который объевшись рыбы не мог встать с палубы корабля. Азалия ткнула мокрым носом в грудь Скита, он улыбнулся и погладил своего духовного зверя меж ушами.

— Малышка, мне нужна твоя помощь, один я не подниму этого здоровяка. — Азалия посмотрела на Бьёрна и фыркнула, — Понимаю, он тебе не нравится, но ты же тогда не смогла доесть ту рыбу, вот он её и взял. Нет он не вор, он просто не образованный, и не знает, что рыба Лазурного Барса — это рыба Лазурного Барса.

Бьёрн смотрел на этот безумный разговор и от удивления даже не обратил внимание на то, как Скит не лестно о нем отзывался в разговоре со своей кошкой. Как только Скит закончил говорить, он обнял своего питомца, и под легким свечением, они объединились. Тело Скита покрывали лазурные пятна как у Барса, на лице появились морщины похожие на кошачьи усы, сзади вырос хвост состоящий из лунного серебра.

— Ты готов? — спросил Скит уставившись на Бьёрна своими кошачьими глазами изумрудного цвета.

— К чему? — не понял Бьёрн.

Но вместо ответа Скит направил ладони вниз и под его ногами стало собираться облако. Оно росло, а Скит стал немного приподниматься над землей. Пушистое как вата на вид, облако было твердым и ноги Скита не проваливались в него. Облако перестало расти в

размерах когда оно стало достаточно большим, чтобы медведеподобный Бьёрн тоже смог залезть и с комфортом разместиться на облаке.

— Я точно не провалюсь? — с недоверием спросил северянин осторожно пробуя пальцем предложенное средство передвижения.

— Точно. — утверждающе кивнул Скит. — Облако лишь внешний вид. Так Лазурным Барсам проще видеть куда ступать, а на самом деле это что-то вроде уплотненной силы сформированной в воздухе. Давай запрыгивай, а то не успеем.

Бьёрн с опаской наступил на облако одной ногой, немного сомневаясь добавил вторую, и неуверенно встал на краю облака готовый в любой момент спрыгнуть с него. Скит закатил глаза и ударом хвоста под колени уронил Бьёрна на задницу, а облако взмыло вверх. На пару мгновений облако зависло, остановившись на границе защитного барьера, но как только Скит заметил, что старика пропустили внутрь — тоже направил облако через стену ограждающую Первотемп бога воинов. Бесшумно опустил облако на землю, и развеял его. Не ожидавший этого Бьёрн упал на землю больно приложившись о неё поясницей. Хотел вскрикнуть, но боясь привлечь стражу, сжал зубы и зло посмотрел на товарища, Скит только развел руками, но не показал раскаяния. Бесшумно двигаясь, друзья прокрались к окну и стали ждать условного времени. Как говорил старик, спустя пять минут он открыл им окно, и Бьёрн со Скитом запрыгнули внутрь.

— Следуйте за мной, я постараюсь обойти все маршруты, но не расслабляйтесь и будьте готовы к бою. — раздал команды старик Ичи. Друзья молча кивнули и последовали за старым мастером.

— Старик, а почему тебя так свободно пропустили? — задал вопрос Скит.

— Однажды я победил Патриарха Элдора в дуэли. После этого он позвал меня тренировать его будущего сына, а связь учителя и ученика не слабже, чем у отца с сыном. Потому и увидеть последний момент его жизни мне позволено. — ответил слепец.

— Кэп, ну почему ты так любишь поговорить на боевых вылазках? — прорычал здоровяк опасаясь, что их могут услышать.

— Ну интересно же! — с обидой воскликнул Скит.

— Твое любопытство однажды нас сгубит. — проворчал Бьёрн опасливо оглядываясь по сторонам, и резко замер заметив что-то в одной из комнат. — Это церковное вино?

— Да, это известное всем Ирийское вино, которым Патриарх угощает самых выдающихся воинов бога. — согласно кивнул головой старик Ичи.

— Кэп, давай заглянем сюда. — северянин не дожидаясь ответа свернул в комнату, которая привлекла его своим содержимым.

— Пинал меня за вопросы, а сам нажраться решил во время боевой вылазки? — Скит поймал Бьёрна за руку, к огромному удивлению северянина хватка была настолько крепкая, что он должен был остановиться.

— Так ведь это же Ирийское вино, кэп! — сказал Бьёрн так, словно это все объясняло.

— И? — вопросительно поднял бровь Скит.

— Оно же повышает твою силу на сутки! И раны быстрее заживают. Кэп, нам это сейчас сильно поможет. — по глазам Бьёрна было видно, что это не единственная причина. Пройти мимо дорогой выпивки северянин не мог.

— Ну раз это действительно так, то пропустить бутылочку лишним не будет. — согласился с другом Скит и первым взял бутылку с полки. — Мор, надеюсь ты продержишься еще немного, чтобы мы успели тебе на помощь.

Бьёрн согласно кивнул и друзья стукнув бутылками приложились к горлышку. Осушив бутылки до дна они с кряхтением отбросили их в сторону взяв еще по одной. Покончив со второй парой, друзья удовлетворенно глянули друг на друга и с дружеского молчаливого согласия стали собирать бутылки с полок. Может пить сейчас они и не собирались, но и оставлять такое хорошее вино никто не захотел. Десяток бутылок поместился в пространственном кольце Скита.

— Эй! Вы что здесь делаете? И кто вы такие? — раздался голос за спинами друзей.

Обернувшись Скит увидел гвардейца Патриарха Борея, направляющего на него копьё. А по коридору уже раздавались громкие шаги подкрепления, спешащих гвардейцев на громкий крик их сослуживца.

— Не получилось у нас сделать это бесшумно. — произнес Скит, краем глаза отмечая, то старик успешно пропал, и гвардеец его не заметил. — Все спокойно, друг, мы туристы и приехали в ваши земли посетить знаменитые места.

— А что тогда делаете с вином Патриарха в руках? — недоверчиво спросил гвардеец.

— Он тупой что-ли? — обратился к Скиту здоровяк. — Мы же тебе сказали, хотим посетить самые известные места ваших земель. А разве есть что-то известнее Ирийского вина?

После такого гвардеец не нашел что ответить, а друзья враз поняв, как им следует поступить, напали на обескураженного противника. В два удара оглушив гвардейца, и Бьёрн уже прятал бесчувственное тело гвардейца, как уз-за угла вышел спешащий на звук патруль и застал здоровяка за этим делом.

— Стой! — закричал один из прибывших гвардейцев. — Ты чем тут занят?

— Тело прячу. — с самым невинным видом ответил северянин.

Пока гвардейцы были отвлечены Бьёрном, Скит напрыгнул на патруль со спины и воспользовавшись эффектом неожиданности успел одним тяжелым ударом кулака отправить в сон еще одного гвардейца. Оставшиеся двое отошли от шока, и достав короткие прямые клинки, которыми удобно пользоваться в помещении, начали атаковать нарушителей. Завязалась короткая и бескровная драка, в которой Скит с Бьёрном довольно быстро отправили гвардейцев к своим товарищам в объятия сна. Но вот только несмотря на то, что друзья одержали победу довольно быстро, шум стоял такой, что в их сторону уже спешили все патрули.

— Слушай, кэп. — начал говорить Бьёрн. — А кто такие туристы?

— Что? — не сразу понял Скит.

— Ты сказал, что мы туристы. — пояснил здоровяк. — А кто это?

— А. - теперь Скит понял, о чем его спрашивают. — Туристы, это чужестранцы, которые приехали в твои земли отдохнуть от своего быта и поближе узнать твою культуру.

— Так и надо было сразу говорить. А то используешь слова непонятные, а тебя не понимают и нападают на нас. — сказал Бьёрн с трудом заталкивая последнее тело в ограбленную винную комнату и закрывая дверь. Дверь закрываться отказывалась, и под давлением четырех троек гвардейцев открывалась вываливая наружу свое содержимое.

— Вы чем тут занимаетесь? — раздался новый крик.

— Да сколько вас тут?! — воскликнул Скит. — Я тут уже полчаса нахожусь, а все еще не могу пройти дальше одной комнаты! Бьёрн, да брось ты эту дверь, пусть он лежат спокойно.

Скит кинулся на гвардейца наплевав на всю осторожность, и больше не пытаюсь

скрываться с боем пошел в сторону жертвенного зала, не боясь шуметь и без опаски за то, сколько еще набегит гвардейцев. Все одно, больше четырех враз напасть на него не может. Сбоку от Скита встал Бьёрн, он был покрыт бурой шерстью и несмотря на то, что использовать свой молот не мог, попасть под удар его руки-лапы будет ничуть не лучше, чем получить монструозным молотом по голове. Еще четверть часа и с шумом, и боем они пробились к залу от которого так и фонило чужеродной энергией.

Скит передернулся от того насколько неприятно было прикосновение к этой энергии. От нее не веяло ничем хорошим, примерно такое же чувство он испытывал когда они на острове сражались с некромантом и его извращенными созданиями. Услышав крик из-за двери, Скит с Бьёрном с разбегу врезались в дверь, и снеся её, выворотив петли из стен, друзья оказались в хорошо освещенном месте, увидели лежащего на камне Мора и стоящего рядом с ним мужчину, он поднял вверх простой кинжал, без каких либо украшений. Он что-то говорил, обращаясь к своему богу, и резко окончив говорит он обрушил удар на прикованного к алтарю Мора. Скит бросил Серебряную Иглу но он катастрофически сильно не успевал. Разница между ним и Патриархом бога воинов была велика. Кинжал уж преодолел половину пути, но тут между ним и Мором из серого, почти незаметного дыма возник старик Ичи. Патриарх Борей не успев остановить руку, вонзил кинжал по самую рукоять в грудь старика.

— В этот раз... я вас смог спасти, юный господин Морий. — сплевывая кровь произнес старик. — В... В этот раз я выполнил... я выполнил свой долг.

— Мастер... — только и смог выговорить Скит.

В следующее мгновение Бьёрн почувствовал такую сильную жажду убийства исходящую от Скита, что инстинктивно принял защитную стойку. Такую жажду убийства он видел лишь раз, и до сих пор Бьёрн иногда просыпался в холодном поту, после того как тот день приходил к нему во сне. Его излучало ужасное существо, Безумная тварь, которая уничтожила половину деревни. Тогда многие семьи потеряли сильных и храбрых мужей, а он, Бьёрн, после того дня стал скитальцем в поисках силы и способа своего развития.

Его друг белел на буквально на глазах, сначала Бьёрн решил, что это от горя, но теперь он видел, что это нечто из недр души Скита вырывается наружу. Волосы Скита чернели и казалось, что этот черный цвет поглощает любой луч света, который касался их. Кожа обретала настолько белый оттенок кожи, что самый чистый северный снег на его фоне казался печной сажой, и только тату изображающее пятна лазурного барса имели оттенок неба, а глаза с кошачьими веретенами зрачков святились изумрудно-зеленым цветом. От Скита волной стала растекаться аура силы и жажды чужой смерти, волны силы были такой плотности, что черные волосы Скита начали развиваться, словно в комнату залетел ураган. Скит направился в сторону Патриарха, так и не доставшего кинжал из груди старика, проходя мимо алтаря Скит жестом развеял оковы сдерживающее Мора, они, как оказалось, тоже состояли из лунного серебра. Мор скатился с жертвенного алтаря и бессознательным кулем упал на каменный пол. Слишком много сил из него вытянул за эти три дня жертвенник.

Кто-то из возносивших молитвы попытался преградить дорогу Скиту, но тот одним ударом когтистой лапы разнес голову наглеца посмеявшегося встать на его пути. Ноги Скита деформировались, лунное серебро нарастало, формируя задние лапы на подобие кошачьих. Скит не мог стоять прямо и опустился на четыре лапы, хлеща себя по бокам мощным хвостом. Кошачья пасть, тоже сформированная из лунного серебра, ощерилась в хищном оскале и угрожающее рычание раздалось в молитвенном зале. Патриарх вздрогнул и наконец увидел, что же происходит вокруг него. Он почувствовал энергию безумия растекающуюся по храму и оскверняющую его, он почувствовал то, чего не испытывал уже давно. Патриарх церкви бога воина, Великого Ан'Гасиоха, Борей Элдор в первые за несколько веков испытал страх. Такой страх испытывали первые люди, появившиеся в этом мире и являющиеся самыми слабыми существами в мире, они были дичью. Дичью за которыми охотились все звери, и именно такой дичью чувствовал себя Борей, дичью за которой пришел хищник, хищник который мог себе позволить охоту, ведь именно он является вершиной пищевой пирамиды.

Немалых усилий обошлось Патриарху сбросить с себя оковы ужаса и отпрыгнуть в сторону, чтобы подготовиться к бою. Борей оголил клинки из ножен закрепленных за спиной. Два прямых клинка, один чуть короче другого, старший и младший брат. Младший был закреплен рукоятью вниз, для удобства внимания его из ножен. Старший Элдор принял защитную стойку семейного боевого стиля Элдоров, стиля Воина Северного Ветра. Веерообразный взмах клинков уплотнил воздух вокруг Патриарха, и ветер закружил вокруг воина не позволяя никому проникнуть за охраняемую им территорию.

Скит зарычал и по его телу стали пробегать черные молнии, он ускорился и прыгнул

вперед, но ветер не пропустил нарушителя закона и Скит отлетел к стене с такой силой, словно в него из пушки выстрелили. Монстр, в которого превратился Скит, зарычал с удвоенной яростью, а зловещая аура от него стала исходить еще сильнее, так что даже Бьёрн не выдержал и упал на одно колено. Мор застонал от боли, у него не было сил, чтобы защититься от этой силы. Северянин закусил губу до крови, и начал ползти до своего друга, закрывая смертепоклонника своей силой души и взваливая его на плечо. Раньше этот хилый с бледной кожей парень ничего не весил для грозного воина Севера, но сейчас все силы уходили на то, чтобы выдержать ту чудовищную силу, которая исходила от Скита, от монстра которым тот стал потеряв контроль от ярости.

В этот раз Скит не бросался на Ветер окружающий Патриарха. Покрытый черными молниями Скит кругами носился вокруг старшего Элдора, и каждый его шаг звучал ударом грома, каждый взмах его лапы выбивал крошку из каменных плит на полу. Остаточные изображения в виде барса образованного из черной молнии, обращались молнией и били в самый центр завихрения, Патриарх пока еще успевал отбивать атаки Скита, но понимал что так долго продлеваться не может, а потому надо было идти в наступление. Его кровь разогревалась, с каждой секундой противостояния по его жилам все больше растекался огонь боя, кровь становилась лавой, которая окончательно прогнала страх из крови Борея, он наконец смог собраться и взмахом клинков разогнал Ветер. Ураганной мощи порыв ветра согнал черные молнии с тела Скита, и те слетев убили тех молящихся последователей Ан'Гасиоха, кто еще мог стоять на ногах.

Теперь уже Скит был вынужден защищаться. Силу Огня, которую покровитель воинов давал своим последователям, Борей усиливал стилем Воина Северного Ветра и в Ските летели стены из огня. Они плавил камень под лавами хищника. Мертвые тела последователей Ан'Гасиоха сторали в лаве из расплавленного камня, но это никого не волновало. Один только жертвенник с мертвым телом мастера Ичи не нагрелся ни на градус, скорее даже наоборот, он хищно проглатывал каждую каплю силы, которая касалась его поверхности.

Лунное серебро начало обжигать кожу под ним, но Скит не обращал на это внимание. Он сформировал облака под собой и теперь атаковал своего врага не касаясь пола, ставшего таким опасным. Поднявшись повыше, Скит раскрыл пасть и зарычал. Внутри звериной пасти, сформированной из лунного серебра, модно бло увидеть обычный человеческий рот. Монстр направил хвост на своего противника, и несколько раз выстрелил Серебряной Иглой черного цвета. Элдор легко уклонился от таких простых атак, но в следующее мгновение черная молния атаковала его со спины. Не успев понять что произошло, он повернулся в ту сторону, но удар пришел уже совершенно с другой стороны. Теперь уже Патриарх вынужден был защищаться от хищника, атаки которого было не возможно предсказать.

Лава, которая текла в венах Борея разогрелась настолько, что вены по всему телу стали излучать красный цвет, старший Элдор подготовил технику, и его клинки покрыл голубой огонь чистой плазмы. Движения Патриарха ускорились и очередным взмахом он выбил Скита из черной молнии. Хищник полетел на пол, но в последний момент успел сформировать под собой облако. Оба противника истекали кровью, которая капала на пол, и шипя в раскаленной лаве испарялась. Кровь Борея запекалась моментально, а хищная тварь затягивала свои раны лунным серебром.

Хоть Скит и потерял разум, но та человеческая часть, что еще осталось понимала, скоро его силы закончатся, тело не выдержит нагрузки и он упадет, так и не отомстив за смерть

мастера Ичи. Скит зарычал, и Серебряные Иглы метнулись к своему хозяину. Патриарх не ожидавший такого в миг оказался проткнут в десятках мест по всему телу упал на оба колена, и опираясь на клинки держал свое тело не позволяя себе окончательно упасть. Выпустив из руки младшего брата, Борей взялся за жертвенный алтарь, моля покровителя дать ему еще немного силы. Хищник видя как раны на теле противника начали понемногу затягиваться прыгнул в его сторону, но ментально упал на остывшую лаву, которая уже не причиняла ему вреда. Скит больше не мог удерживать лунное серебро оно стекало с его тела, и повинаясь сильной воли Скита лужицами текло к нему впитываясь в тело, чтобы вновь упасть на пол и снова втечь в него. Скит не останавливался и шел к своему противнику, он должен отомстить, у него есть время, и они оба понимали, что Скит может это сделать. Тело Скита больше не было деформировано, его сил хватало только на то, чтобы держать форму клинка в руке. Это единственная простая форма, которую его подавленное зверем сознание смогло сформировать.

Скит добрался до обессиленного Патриарха и занес уже клинок, но тут кошачьи зрачки в его изумрудно-зеленых глазах обрели человеческий вид, и Скит начал заваливаться на бок. Тут же подскочивший Бьёрн подхватил бесчувственное тело друга, не позволяя тому упасть.

— Тебе... тебе нельзя позволять захватывать свой разум... мой ученик... — не известно как мастер Ичи был еще жив и на последних силах он выполнил тот же трюк, который он выполнял на их тренировках. Он выбил лишнее сознание из тела Скита, лишая его силы и спасая Скита от ошибок, о которых тот будет сожалеть. — Договорись... ты должен договориться... — уже прошептал последние слова слепой мастер, и когда с его губ сорвалось последнее слово, душа мастера покинула его тело.

— Отец! — Мор попытался поднять своего родственника, но тот дернув плечом скинул руку сына.

— Убери от меня руки, предатель! — грозно произнес Элдор-старший, и тут же вновь упал на колени, оперевшись на клинок. — Ты предал меня! Предал нашего бога и своим поступком прервал мой род! Теперь следующим Патриархом станет член слабого рода, и наш покровитель долго не сможет восстановить свое влияние!

— Ты сам подтолкнул меня к этому! — закричал Мор, и тут же осекся. Он впервые за несколько сотен лет, позволил себе неуважительное отношение к отцу. — Зачем ты убил ЕЁ?

— Она стала причиной того, что на тебя напали. Дружба с этой девкой мешала твоим тренировкам, и отвлекала тебя на всякие глупости.

— Причиной того, что на меня напали был Гордон Нарский. Твой главный конкурент на место Патриарха. — голос Мора стал тихим. Воспоминания бывшего все еще терзало его душу. — А Джуди стала невинной жертвой твоего гнева, она стала громоотводом.

— Весь род Нарских я сжег за неделю. — шипя то ли от боли, то ли от злости, произнес Патриарх.

— Знаешь кого я вижу, каждый раз когда умираю? — спросил Мор, он сел на пол, будучи еще слишком слабым после потери силы духа, и не дожидаясь ответа произнес. — Джуди. Госпожа Даад могла бы принять любой облик, но каждый раз она принимает облик моей Джуди. Самые сильные любовники видят перед смертью прекраснейших дев и мужей, но не тех кто был рядом с ними всю жизнь, а я вижу только ее. Каждый раз умирая, я вижу её лицо. Я испробовал тысячи способов умереть, чтобы попасть в её объятия, отец, но единственный способ реально дающий мне эту возможность, не подходит, смешно не правда

ли? А еще смешнее то, что оставь ты в живых Джуди, я бы стал последователем того бога, которому ты меня посвятил еще до моего рождения. И наши с ней дети также стали бы принадлежать ему. Отец, ты сам стал причиной того, что наш род уничтожен.

— До заката. — тихо произнес Борей Элдор. — Даю вам время до заката, а потом каждый житель этой земли будет считать своим долгом принести мне ваши головы. Тебе это понятно?

— Да, отец. — кивнул головой Мор и опираясь рукой о Бьёрна он встал. — А учитель Ичи?

— Мастеру Ичи я проведу достойные проводы. — также тихо ответил Патриарх, было видно что бой не прошел для него так просто, хоть бог-покровитель и подпитывал Борей Элдора. — Мастер жил достойно, и я обязан проводить своего старого друга.

— Спасибо, отец. — поблагодарил Мор отца и потянул северянина на выход.

На обратном пути задержать или преградить дорогу друзьям никто не пытался. И не только потому, что так сказал Патриарх, но и потому, что от эха боя между Скитом и отцом Мора на ногах смогли остаться единицы. Те же, кто еще мог передвигаться без чужой помощи, поднимали товарищей и куда-то уносили бесчувственные тела, они стонали от боли, но так и не приходили в себя.

— Куда мы идем дальше? — спросил Мор, с трудом выдыхая воздух из легких. Эти три дня не прошли для него без последствий.

— Сейчас мы направляемся до темницы, нам надо забрать нашего неправильного монаха.

— Лысый все же допился до неприятностей? — от удивления Мор резко остановился, и тут же чуть не потерял равновесие, так как Бьёрн не заметил заминки друга и продолжил путь, лишая Мора крепкой опоры в виде своего локтя.

Бьёрн остановился и молча кивнул Мору в направлении пути, куда им следовало идти. Мор догнал северянина, и дальнейший путь до самой темницы они продолжили в полнейшей тишине. Остановившись немного не доходя до пункта назначения, здоровяк остановился и аккуратно уложил Скита на мостовую, поворачиваясь к Мору.

— Ву подставила безлика, задушив Жрицу Любви и положив её в постель к пьяному и спящему монаху. — округлившиеся глаза Мора прекрасно говорили о том, что он думает. — Мне надо, чтобы ты призвал душу Жрицы Любви по имени Лилия.

— Я обессилен, Бьёрн. — слабым голосом произнес Мор. По тому как Мор обратился к нему, здоровяк понял, что все серьезно и достал из поясного подсумка кристалл зеленого цвета.

— Сможешь пополнить силы за его счет? Я бы помог тебе, но сейчас все мои силы ушли на то, чтобы кэп не ушел за Грань. — виновато произнес Бьёрн.

— Я же не Скит, чтобы поглощать силу камня через познание сути стихии. — ухмыльнулся Мор.

Через пару минут подготовки, Мор уже более твердой походкой, и Бьёрн с бесчувственным Скитом на плече подошли ко входу в темницу. На входе стояли те же два стражника, которых друзья встретили в свое прошлое посещение темницы.

— Стоять! — Стражи Порядка исправно несли свою службу и даже далеко за полночь никто не спал на посту. — Кто такие? — тут в глазах Стража возникло узнавание, такого огромного северянина не узнать было не возможно. — А, это снова вы. А что со вторым?

— Уснул. — угрюмо буркнул и поправил бессознательного Скита на плече. — Нам надо

поговорить с капитаном.

— АХАХАХАХА! — громко рассмеялся Страж Порядка. — Ты думал, что капитан находится тут все время, и дожидается когда вы появитесь?

— Я смотрю тебе тут весело? Будешь еще сутки в наряде стоять! — раздался грозный голос капитана Стражи Порядка из темноты.

— Видимо это действительно так. — невозмутимо ответил Стражу Бьёрн.

— Ко мне пришло сообщение, что некие нарушители напали на Первохрам Ан'Гасиоха. У нас боевая тревога. — взгляд капитана прошелся по Бьёрну со свисающим на его плече Скитом, и еле стоящим на ногах Мором. — Но я так понимаю, что эти нарушители сами пришли мне в руки. — после этих его слов Стражи пришедшие с капитаном и стоящие на входе направили оружие на ночных посетителей темницы.

— Я Морий Элдор! — вперед вышел Мор, — И боги-покровители мне свидетели, мой отец дал нам время до утра, с запретом нас преследовать. — после этих слов вокруг Мора появилось еле видимое свечение, осветив лицо Скита от которого он застонал и пришел в себя.

— Ох. — простонал Скит, — Где мы? — но увидев Мора и стоящего рядом капитана Стражи, все понял и осторожно слез на землю с плеча северянина.

— Верю. — кивнул капитан, и отсалютовал ударом тыльной стороны кулака о грудь возле сердца. — Я так понимаю, вы принесли мне доказательства невиновности монаха?

— Не совсем. — ответил Бьёрн, сейчас он единственный, кто мог нормально вести диалог. — Виновницу смерти Лилии кэп убил во время нападения на нас. Поэтому мы решили призвать душу несчастной девушки.

— Убили? — глаза капитана сузились, — Так это ваших рук дело? Из-за вас я всю ночь ношусь как новобранец на учениях?

В ответ Скит виновато опустил глаза, всем своим видом показывая как ему стыдно, но никто не поверил в это. С молчаливого согласия капитана Стражи, Мор приступил к ритуалу, чертя какой-то узор на пыльной мостовой, и что-то шепча себе под ухо. Спустя пять минут подготовка к ритуалу была окончена, и Мор встал отряхивая колени.

— Мне нужен монах, чтобы поймать душу девушки по их связи, которая сформировалась между ними, перед смертью. — обратился Мор к капитану Стражи.

Капитан отдал приказ и спустя небольшой промежуток времени Ву стоял перед компанией друзей с закованными руками. В его глазах явственно светилось любопытство, но задавать вопрос о том, что случилось он пока не решался. Мор подошел к монаху и прикоснулся рукой его лба. Спустя пар минут в круге, нарисованным Мором появилось свечение, которое сформировалось в образ милой и красивой девушки.

— Что? — дух Лилии неуверенно закрутил головой, девушка не поняла, что происходит и заозиралась по сторонам. — Что происходит? Где я оказалась?

— Прости, Лилия, но я был вынужден был призвать тебя в мир живых, из обители Прекрасной Саранг. — заговорил Мор. Он был бледнее себя обычного и почти мог сравниться с белым цветом из души Скита. — Капитан Стражи Порядка хочет расспросить о твоих последних минутах жизни. Не гневайся на нас, удели нам немного своего времени.

Лицо девушки разгладилось, а в глазах проявилось понимание того, что происходит. На миг, на ее милом лице проявилось злобное выражение, вмиг сбросив очарование со всех, кто наблюдал за происходящим, но последние слова Мора её успокоили, и ее лицо вновь стало приятным.

— Уважаемая Лилия. Прошу простить нас за то, что нам пришлось вас побеспокоить, но вы единственная кто может доказать невиновность, либо доказать вину этого человека. — капитан Стражи Порядка указал пальцем на закованного по рукам монаха. Девушка проследила за направлением пальца капитана, и ее глаза уткнулись в немного сжавшегося монаха.

— Этот человек был добр ко мне. — наконец произнесла она. — Меня убил не он. Это была Безликая. Она пыталась отравить его, а потом задушила меня. Он не имеет вины предс мной.

После произнесенных слов свечение усилилось, и Мор упал обессиленный на мостовую. Бьёрн дернулся поднять друга, но вовремя вспомнил, что уже служит опорой другому калеке, и так и остался стоять. Обессиленный Мор застонал и сам поднялся на ноги. Капитан Стражи Порядка отдал команду освободить монаха, и спустя минуту Ву уже потирал кисти рук, железо натерло их сильно, за дни проведенные в заключении.

— Вы свободны, но я не задерживаю вас только потому, что так звучит приказ Первозреца и Владетеля данной земли. — произнес капитан хмурым голосом. — Но если после восхода вы все еще не успеете отчалить, я с огромным удовольствием заключу вас под стражу.

— Мы вас поняли. — ответил за всех Бьёрн. — У меня есть небольшая просьба к вам. Я уже не могу успеть, поэтому передайте Госпоже Иоханне, что мы отомстили за смерть Лилии, и ее убийца больше не сможет никому причинить вреда.

Капитан кивнул, а друзья развернулись и направились в сторону порта, время отведенное им отцом Мора уже подходило к концу. Скит опирался на Бьёрна, Ву придерживал еле идущего Мора. После того как они отделилось на приличное расстояние, монах обратился к Мору:

— Как ты смог призвать душу Лилии? Я прекрасно вижу, что Госпожа Даад отвернулась от тебя.

— Я и не призывал ее. — голос Мора звучал так, словно он не пил неделю, отчего складывалось чувство, что он скрипел. Все остановились и удивленно посмотрели на Мора. — Что? А зачем ты думаешь, я попросил тебя открыть мне свой разум? У меня еле-еле хватало сил, чтобы не упасть, не то чтобы призвать душу умершей девушки. Этот была иллюзия, сложная, но просто иллюзия. Вы же не спасали меня только из-за того, чтобы освободить Ву?

Услышав ответ Мора, Бьёрн не выдержал и расхохотался так, что в окнах начал разгораться свет. Долгое напряжение дало о себе знать, и вслед за здоровяком по компании друзей начал прокатываться робкий и неуверенный смех, который со временем усиливался и становился громче. Все остановились смеялись как сумасшедшие, Скит при этом сжимался от боли, но не мог остановиться. Мор столько раз язвил за все их путешествие, но именно эта глупая шутка вызвала всеобщий смех.

— Заткнитесь! Иначе я Стражу Порядка позову! — раздался недовольный и сонный голос мужчины. — Пьянь! нажрут в таверне, а потом простым людям спать не дают!

Голос отрезвил друзей, смех остановился, но слабые смешки не остановились, и уже в более веселом настроении друзья дошли до порта и подошли к своему кораблю. "Отступник" стоял обновленный, словно и не вступал в бой с пиратами Кайзоку. Компанию еле плетущихся друзей встретил таможенник, но узнав кто идет, быстро уступил дорогу. На борту корабля не было никого, кроме спящего в обнимку с полупустой бутылкой вина,

Фестиция.

— С таким охранником корабль уведут, а он и не проснется. — проворчал Мор. — Чего это с ним?

— Потом. — отмахнулся от ответа северянин.

Скит отпустил плечо друга и направился в капитанскую каюту, издав возглас удивления, после того как открыл дверь. На его кровати спали похрапывая мастера Корки и Вульф.

— Чего кричите? — недовольно проворчал толстый мастер Корки. — Не могли придти после того как встанет солнце?

— Не могли. — сразу набычился Бьёрн. После их последней встречи, он недолюбливал мастеров. — Наш корабль, когда хотим — тогда и приходим.

— Ладно, чего уж. — великодушно махнул рукой мастер Вульф, словно это к нему домой вломились. — Принимайте работу, хозяева. Мы так не разу домой и не попали, все спешили ваш корабль починить, да исследовать его.

— Да, умели раньше мастера делать, не то что сейчас... — мечтательно произнес мастер Корки. — Представить только, можно летать без помощи бога, используя кристаллы и энергию солнца. А как просто здесь используется защита от атак, и такое же грандиозное решение по использованию оружейных систем!

— Оружейные системы? — недоумевая переспросил Скит.

— Ну... — мастер замялся, подбирая слова. — Это как обычные пушки, которые стреляют не с помощью магии, а при использовании других энергий.

— Мне знакомо понятие термина "оружейные системы". - прервал толстого мастера Скит. — Но разве на корабле есть оружие?

Теперь настала очередь мастера удивляться. Пару мгновений он стоял и удивленно смотрел на капитана корабля, после чего осторожно и медленно произнес:

— Ты хочешь сказать, что вы не стреляли в ответ не потому что хотели подороже продать корабль пиратов, а потому что просто не знали, что у вас есть пушки? — увидев неуверенный кивок в ответ, мастер разразился проклятиями и ругательствами, ему вторил мастер Вульф, и они не скупилась в выражениях, а Скит только и делал, что молча выслушивал, что думают о его сообразительности мастера. — Да вам нельзя такое сокровище в руки давать! Вы если не его погубите, то себя убьете!

— Благодарю вас за уточнение, а теперь будьте добры, нам надо покинуть ваши гостеприимные земли до рассвета. — невозмутимо перебил мастеров Корки и Вульфа Скит. — Так что, если не желаете улететь с нами на север, то советую сойти на берег.

— Нечего там делать. — отмахнулся мастер Вульф. — Холод да снег. Но у нас был уговор на три недели, чтобы изучит ваш корабль.

— Нам придется нарушить наш договор. — произнес Скит. — Если до рассвета мы не покинем порт, то на нас начнется охота. А если посчитают, что вы с нами заодно, то и на вас.

Бьёрн начал краснеть от злости за такой нелицеприятный отзыв о своей земле, но на него никто не обратил внимания. Скит поблагодарил мастеров, и подарил им по бутылке вина из храма бога воинов. Мастера сошли на земли и помахав руками, развернулись и направились в свою "Мастерскую". Уже светало и идти домой не было смысла, а вот на им смену у корабля стали собираться местные жители, и угрожающе держались за оружие, дожидаясь первых лучей солнца. От общей массы отделились несколько человек, Скит их

сразу узнал, все они были постоянными посетителями "Пьющего наемника", во главе них стоял Орн Нордон. Он поднял свое копье вверх и обратился к Скиту, который стоял у перил и смотрел на происходящее в порту:

— Улетайте от наших земель! Я сражался с тобой и знаю, что ты хороший человек, но ты напугал всех своей способностью, поэтому с первыми лучами солнца тебя попробуют убить, а задержать их мы не сможем. Улетай и будем надеяться, что нам не придется встретиться на поле боя, цена за ваши головы уже объявлена!

Скит кивнул головой в благодарность, и отправился запускать двигатель, беря курс на Север и в этот раз их уже ничто не заставит свернуть с намеченного курса. Он слишком долго тянул со своим обещанием Бьёрну, пора уже сдержать свое слово.

Отец Александр проснулся с уже ставшим для него чувством спокойствия. После его прибытия в Северные земли, отец Александр был неприятно удивлен, северная стужа была настолько сильна, что пробивалась через всю защиту и все барьеры, выставленные отцом Александром и самим патриархом. Инквизитор был уверен, что бог-медведь усилил силу ауры северной стужи против него, иначе он бы не испытывал такой дикий холод, проникающий глубже тела, замораживая душу и лишая сознания бредущего в снегу инквизитора. Не понимая как бороться со стихией Холода, так медленно, но верно убивающей его, отец Александр упал лицом в снег.

В себя отец Александр приходил несколько раз, чувствуя приятное тепло от печи в маленьком, бревенчатом доме. После каждого пробуждения отец Александр пытался встать, но каждый раз его душа не выдерживала давления Стужи, и он вновь терял сознание. Спустя три дня его сил хватило на то, чтобы продержаться в сознании целых пять секунд. Все это время некто ухаживал за лежащим в беспомощности инквизитором.

Еще две недели понадобилась отцу Александру, чтобы подготовить свою душу, и суметь продержаться в сознании четыре минуты. Этого времени ему хватало на то, чтобы поест вкуснейшей в его жизни каши, которой с ложки кормила приятной внешности женщина, возраст которой нельзя было назвать с уверенностью, но и без этого было видно, что прожила она не одну тысячу лет. Волосы уже давно были не просто седым, они давно приобрели цвет свежеснежного снега. Но при этом тело не потеряло своей прежней силы, рука твердо держала ложку, а отец Александр чувствовал, что даже в полную свою силу не смог бы справиться с ней без проблем. Говорить и задавать вопросы ему не дали.

— Что пр... — только попытался он заговорить, как его моментально перебили.

— Не трать силы на пустые вопросы. — сухо произнесла женщина. — Быстро ешь кашу, и дальше продолжай познавать Север в своей душе.

Отец Александр не стал спорить или стоять на своем. Если тебе помогают, то зачем сопротивляться? Если бы ему и хотели причинить вред, то просто оставили бы замерзать в снегу. Таким образом, инквизитор прожил еще три месяца, а когда смог сопротивляться ауре Севера, не пару минут, а проводить на своих ногах весь день, отец Александр был невероятно удивлен. Та ненависть, что сжигала его изнутри, та ненависть, которая жила с ним после того, как он остался единственным выжившим в своем городке — пропала. Север погасил пламя ненависти сжигающей все другие чувства, и живущей с отцом Александром всю его жизнь в лоне церкви Света. Его перестал мучить тот кошмарный сон, а в душе поселилось до селе неизвестное чувство спокойствия.

— Мальчик! — позвала инквизитора старая Хельга. — Хватит спать! На Севере лежебоки долго не живут! Иди и помоги старой Хельге!

— Ко мне следует обращаться отец Александр, а не "мальчик"! — уже в который раз возмутился инквизитор, но при этом вышел из дома и взял протянутую ему лопату.

Старая Хельга, так она сама себя называла, жила в одиночестве на лесной поляне. Отец Александр не дошел до нее совсем немного, его душа начала замерзать и инквизитор упал умирая в снегу. Хельга нашла его, и помогла побороть Стужу Севера.

— Какой ты мне отец? Я старше тебя почти на три тысячи лет, мальчишка. — старая Хельга была непреклонна и продолжала называть самого грозного и опасного инквизитора

мальчишкой. — Надо очистить крышу от снега, а то она скоро не выдержит его веса и провалиться оставя нас без крова над головой.

Отец Александр не стал спорить со старой женщиной, все равно это было бессмысленно. Приставил лестницу, взобрался на крышу застеленную досками и залитую смолой, и принялся за работу. Старая Хельга не уходила и следила за своим подопечным. Очистив всего половину крыши, инквизитор взял передышку. Удивительно, но раньше ему не требовалось много времени для сна и отдыха. Он мог преследовать зараженных тварей без перерыва для отдыха неделями, а в молитвах проводил многие месяцы. Но на Севере к вечеру отец Александр уже валился с ног, его глаза закрывались сами собой, а желудок урчал прося еды. Все его силы уходили на сопротивление Стуже. Здесь на Севере эти слова можно было произносить только уважительно и с большой буквы, потому как это не просто низкая температура и холодный ветер. Это сама Стихия, которая сама решает как и на кого давить своей аурой. И от этого было еще удивительнее, как тут могла жить одинокая старуха.

От перерыва инквизитора отвлек рык. Из леса к ограждающему избу забору вышла Северная рысь. Она зарычала прижав уши с кисточками к голове и забила хвостом по своим бокам. Отец Александр собрался спрыгнуть с крыши для боя, но старая Хельга его остановила.

— Не лезь в бой, мальчишка. Твоих сил едва хватает на то, чтобы почистить мою крышу. — сказала она и твердой, уверенной походкой направилась к грозному зверю.

— Меня зовут отец Александр, упертая старуха. — не смог промолчать инквизитор, но его реплика осталась без внимания, старая Хельга уже подошла к Северной рыси и проговорила:

— Чего беспокоишь старуху?

Рысь зарычала еще сильнее угрожающе опустила голову шерсть на ее загривке поднялась. Но тут старая Хельга удивила инквизитора, уверенного в том, что он уже все повидал в этом мире. Отшельница подняла ладонь, и просто ударила зверя по загривку! Северную рысь! Зверя с которым даже опытный воин предпочел бы не связываться.

— Не смей угрожать старой Хельге в ее собственном доме. — строго, но по-доброму, как это умеют только старики, укорила зверя старуха. — Проголодалась?

Рысь с прижатыми ушами, настороженно кивнула головой так, словно поняла о чем ей говорят. Старая Хельга протянула руку, и погладила между ушей настороженного зверя. За эти десять минут отец Александр удивлялся больше, чем за последний десяток лет. Северная рысь прикрыла глаза и замурчала словно обычная домашняя Муська.

— Вот и молодец. — похвалила рысь старая Хельга. — Посиди тут, сейчас тебе мяска принесу.

Старая Хельга ушла в избу и спустя минуту вышла из дома с парой тушек кроликов в руках. Подошла к Северной рыси, и уважительно положил перед ней на снег. Рысь склонила голову, благодарно рыкнула, и схватив кроликов убежала куда-то в лес.

— Чего замер? — повернулась к инквизитору старуха. — Не видишь, что старая Хельга по колено в снегу стоит? Хочешь чтобы я разболелась?

— Я вообще не уверен, что ты человек, старуха. — проворчал себе под нос инквизитор, но увидев как сверкнули глаза у старой женщины, быстро принялся за работу.

— Почему зверь не разорвал тебя, старуха? — задал вопрос отец Александр, не отрываясь от работы.

— Мальчишка! Столько лет прожил, а простого не видишь. — старая Хельга присела на

пень, на котором отец Александр рубил дрова для печи. — На Севере так холодно, что совсем немного тепла любви даже дикому зверю достаточно, чтобы согреться и прислушаться к тому, кто его подарил.

После этого отец Александр до самого захода солнца занимался домашними делами, которые ему указывала хозяйка дома. К вечеру он чувствовал себя так, словно вновь мальчишкой оказался в церковной школе, и тренировался до полного изнеможения. Сил хватило только на то, чтобы поесть все такой же вкусной каши, которой его кормили в первые дни пробуждения. Уснул отец Александр моментально, едва его голова коснулась подушки.

Вновь крики боли, и кипящая кровь на обжатым огнем стенах домов. Крики испуганных людей, стоны умирающих, плач детей оставшихся без родителей. Сотни умирающих людей от лап и клыков твари, столько же растоптанных испуганной толпой. Тело ребенка раздавленного когтистой лапой монстра еще немного подрагивало в конвульсиях, а лежащий под телегой, и дрожащий от страха маленький мальчик смотрел на это, и тихо молился всем богам, прося их прекратить этот кошмар, не замечая стоящей прямо над ним Безумной твари с разинутой пастью, и текущей из нее слюной, перемешенной с кровью ее недавних жертв.

Отец Александр проснулся в крике ужаса. В его груди разгоралось забытое пламя ненависти. Его руки тряслись от такого далекого, почти позабытого, но все такого же ледящего кровь ужаса. Огонь ненависти в груди инквизитора становился все сильнее, и терпеть его становилось невыносимо, и отец Александр выбежал на улицу не утруждая себя тем, чтобы накинуть теплую одежду, которую ему дала старая Хельга. На полном ходу он влетел в сугроб, который нагреб сегодня днем, и снег вокруг инквизитора зашипел испаряясь, не оставляя даже талой воды. Огонь ненависти в его груди начал успокаиваться и понемногу стихать.

— Снег тебе не поможет. — раздался голос старой Хельги. — Пока не разберешься со своим страхом, он так и будет тебя преследовать.

— Мне и не надо с ним разбираться. — ответил инквизитор тем самым голосом, который пугал самых матерых каторжников, но старая Хельга даже и бровью не повела. — Этот самый страх и дает мне те силы, благодаря которым я ежедневно спасаю наш разваливающийся мир от тех созданий, что хотят ускорить его конец. А в тепле твоей любви я и позабыл об этом. Где лежит мое снаряжение, старуха?

Старая Хельга молча кивнула головой, зовя зайти в дом и указала на один из сундуков в углу. Отец Александр забрал свою одежду, закинул огромный меч себе за спину, надел на грудь сбрую с метательными ножами, на пояс ножны с двумя кинжалами. Теплая одежда, которую ему выдала старая Хельга, он вернул обратно, ему она больше была не нужна. Огонь ненависти горел в его груди, и не подпускал Северную Стужу к его душе. Отец Александр взял направление в сторону откуда несло уже знакомой ему аурой силы Безумия, которая стала только сильнее с их последнее встречи. Снег немного подтаивал под его ногами, но инквизитор не обращал на это внимания. Он вспомнил зачем добрался до Северных земель, и теперь уже ничто не заставит его свернуть со своей цели.

Скит сидел на своем излюбленном месте, на носу корабля, и ловил рыбу для сильно подросшей Азалии. Лазурный барс набрался сил, а потому для кошки больше не было необходимости жить в мире души своего спутника. Теперь для Азалии, рост которой в холке достигал груди Скита, больше не хватало пары рыбешек, как это было у маленького котенка.

Охотиться на Летучую рыбу Азалия могла и сама, но какая кошка упустит шанс поспать если есть такая возможность? Да и команде "Отступника" понравились блюда из Летучей рыбы, которые им готовил Бьёрн.

— Ты снова тут сидишь? — над ухом Скита раздался голос Фестиция.

Скит дернулся, не ожидая того, что кто-то сможет тихо подобраться к нему со спины. У Скита сильно обострились слух и обоняние, так на нем сказались как тренировки со стариком Ичи, так тот факт, что в его душе долгое время жила Азалия, деля с ним собственные инстинкты.

— Да. Это хорошая тренировка по контролю силы духа, да и рыба хороша на вкус. — ответил парню Скит. — А ты сегодня решил остаться трезвым, как я вижу?

— Просто у нас вино закончилось. — отмахнулся Фестиций. — А монах не хочет делиться содержимым своей бездонной горлянки.

— Потому тебе и не спится так поздно? — задал вопрос Скит, смотря на полную луну на небосводе.

— Я пришел поговорить, Скит. — начал Фестиций. — Думаю, что я совершил ошибку, когда последовал за тобой.

— Почему ты так решил? — по виду Скита нельзя было сказать, что этот разговор стал для него неожиданностью. Он отложил удочку и достал трубку. — Мир не такой как в книгах, и твоих фантазиях? Ты не можешь стать светлым рыцарем, спасти принцесс, а также бедных и обездоленных?

— Потому что здесь никто не знает понятие чести! — вспыхнул Фестиций, после таких слов. — Все стараются ударить в спину, напасть на более слабого противника, а когда ты хочешь помочь даме в беде — она обязательно тебя отравит самым подлым ядом!

— Думаешь, что лучше бы было остаться дома и изображать на сцене светлого рыцаря, каким ты никогда не станешь? — Скит и не пытался смягчить слова, нанося ударю прямо в душевные раны парня. — Убивать выдуманных злодеев, и спасать не настоящих принцесс?

— Да! — Фестиций поднял голос. — Лучше будет просто выступать на сцене и не видеть всей этой подлости!

— Это называется "реальной жизнью", парень. — спокойно отозвался Скит, выпуская изо рта сизый дым. — А она никогда не бывает добра к нам. Всегда найдет твоё самое слабое место и ударит именно туда. Каким бы стойким ты себя не считал, тебе она сделает тебе больно. Думаешь, что после того, что мы пережили ты сможешь просто выступать на сцене?

— Это не приносит столько боли! — воскликнул Фест, хватаясь за грудь. — Это не ломает веру в людей. На сцене никто бы не отравил меня, когда я пытаюсь помочь девушке в беде.

— Безусловно. — кивнул головой Скит. — Но если бы ты остался дома, то разве ты не испытывал бы неудовлетворение? Не бегал бы каждый вечер смотреть на улетающие корабли и думать, что ты упустил свой шанс увидеть все чудеса этого мира? Мы скитальцы не потому, что не можем найти своего места в мире, а потому, что наше место это весь мир! И он зовет нас, предлагая нам все что может. Этот зов и не дает нам задерживаться на одном месте слишком долго.

— Но я все равно считаю, что зря тогда ушел с вами. — покачал головой Фест.

— Если ты так легко откажешься от своего пути, то сделаешь очень сильный шаг назад, и еще не скоро вернешься на тот уровень мастерства, которым обладаешь сейчас.

— А что тебя ведет на твоём пути, Скит? — спросил Фестиций.

— Я хочу понять загадку этого мира. — не задумываясь ответил Скит.

— Какую загадку? — продолжил спрашивать Фестиций.

— Что? — не понял Скит.

— Какую загадку мира? — пояснил Фест.

— Э... Почему этот мир такой неправильный. — неуверенно ответил Скит.

— А что в нашем мире неправильного? — продолжил пытаться вопросами Скита Фест.

— Да все! Очень расплывчатые законы мира, непонятно что дают вам боги, ведь вы все равно гнете дары своих покровителей под себя. Я вижу истинный облик мира, и не боги дают вам энергию, а наоборот, она исходит от вас и тянется куда-то, оставляя лишь крупички духа. И самый главный вопрос. Почему у вас такое малое население на очень плодородных землях, при очень мягком климате. У вас нет крупных войн, а нападения Безумных тварей очень редки.

— Но что заставляет тебя не останавливаться? — не замолкал Фестиций.

— Я... Меня... Мне... Он... — со стоном боли Скит схватился за голову и закричал.

Через боль он видел смазанные изображения, смысл которых не мог понять. Чья-то смерть, сильнейшая душевная боль, ярость и некое существо, которое Скит не смог бы описать никогда в жизни. Боль разрасталась и становилась сильнее, растекаясь по всему телу. Но вдруг все резко прекратилось, и Скит встал на ноги. Твердым взглядом, без единого намека на то, что происходило всего секунду назад он оглядел Феста и Бьёрна, который прибежал услышав крик капитана. Встревоженные криками боли, из трюма выбежали Мор и Ву.

— Сейчас я не готов ответить тебе. — начал говорить Скит. — Для того, чтобы понять ответ, я должен подготовить свою душу. Бьёрн! — резко обратился Скит к здоровяку.

— Да, кэп! — вытянулся по струнке северянин.

— Мне нужен маленький островок, сильно отдаленный от всех земель, чтобы у меня не было возможности сбежать. — начал рассказывать свою задумку Скит. — Найди его на карте. Фест!

— Да, кэп! — повторил за Бьёрном парень.

— Ты лезешь на мачту и просматриваешь горизонт, карта может быть не точна.

— Есть! — воодушевленный Фестиций козырнул и полез выполнять приказ.

Сам же Скит сел медитировать, игнорируя все вопросы задаваемые ему командой, и начал собирать энергию вокруг себя. Азалия поняв, что собирается делать её спутник, легла рядом, положив свою голову на колени Скита, как бы говоря: "Я рядом. Не переживай, что бы не происходило, я всегда буду рядом, и мы вместе со всем справимся." Долго так сидеть Скиту не пришлось, с мачты раздался крик Фестиция.

— Остров, кэп! Я вижу подходящий остров!

— Какой ты видишь остров, малой? — в ответ раздался медвежий бас Бьёрна. — Согласно карте ближайший остров на нашем пути появится только через два дня пути!

— А ты посмотри глазами, здоровяк! — язвительно закричал Фестиций. — Может и заметишь что-то помимо своей бороды!

— Мне больше нравился вежливый Фест. — пробурчал себе под нос здоровяк, поглаживая свои усы и бороду.

После перехода на новый уровень силы, Бьёрн заплел свои густые усы в косы влетая в них и бороду. И теперь в любой свободный момент он только и делал, что поглаживал свои усы и бороду. Вглядываясь вдаль, Бьёрн заметил серебряные искорки, светящиеся в

последних лучах луны.

— Этого быть не может! — воскликнул северянин. — Кэп, погляди! Это же остров с лунным серебром. Совсем маленький, почти полностью выработанный, но еще способный держаться воздухе! Оттого я на карте его и не увидел, никто не может отследить их из-за того они не стоят на месте, перемещаются по одним богам известным траекториям.

Скит понял голову, и открыл глаза. Не ожидая того, что он может увидеть, Бьёрн отдернулся. Кожа Скита побледнела, изумрудно-зеленые глаза с вертикальными, как у кошки, глаза слегка фосфоресцировали в предрассветном сумраке.

— Отлично. Вот на нем меня и оставьте. Держитесь на приличном расстоянии от этого острова. — начал раздавать приказы Скит. — Если к вечеру я не дам сигнал о том, что я в порядке и в сознании, то расстреляйте остров с расстояния, чтобы та тварь, которая сформируется в моем теле, сгорела в жаре ядра планеты.

— Но как же...? — начал Бьёрн, но его перебил Фестиций.

— Как скажешь, кэп! — прокричал он.

Бьёрн стоя за штурвалом скорректировал направление корабля, и спустя тридцать минут Скит уже сходил на берег, а спустя еще пару, он остался в одиночестве. Даже Азалия в этот раз осталась на корабле, Скит не пустил ее с собой, приказав остаться на борту. Кошка всем своим видом показывала, что она против, но в этот раз Скит не позволил ей с собой спорить. — Я должен справиться один. — говорил он обнимая пушистую шею Лазурного барса. — И если я не справлюсь, то ты не должна погибнуть вместе со мной.

Кошка рыкнула и слегка прикусила руку Скита, как бы говоря, чтобы он не смел и думать о том, что может не справиться. Скит почувствовал, что ему хотели сказать, и сходил на остров с легким чувством грусти, которое ему передала Азалия. Но так же было и чувство, что его спутница верит в то, что Скит справится, и ждет его возвращения.

— Ты снова тут? — раздался знакомый Скиту голос. Его собственный голос.

— А ты разве не ждал моего появления? — вопросом на вопрос ответил Скит.

Они вновь стояли друг напротив друга, как и когда-то давно, при их первой встрече. Черно-белый Наемник, и бело-черный Скит. Вот только в этот раз никто не готовился к бою, оба противника стояли в расслабленных позах и смотрели друг другу в глаза.

— Ты готов? прервал молчание Скит.

— Все еще надеешься на то, что я прощу тебя? — ухмыльнулся двойник.

— Я не ищу твоего прощения. — отрицательно покачал головой Скит. — Мне нужно лишь спокойствие моего внутреннего мира. Без того, чтобы тратить силы на то, чтобы умирять тебя. Чтобы в очередной раз потеряв контроль, я не уничтожил все вокруг.

— Даже не пытаешься показать, что жалеешь о случившемся? — вспыхнул Наемник. — Ты виноват в том, что никто не помнит о существовании моего брата!

— Боги совершили это! — в ответ воскликнул Скит. — Я лишь занял уже мертвое тело!

— Твое появление в нашем мире было виной случившемуся! Ты виноват в смерти невинного человека!

— Нет! — прокричал Скит. — Я должен был появиться в другом месте, но мою душу хотели сжечь пока она не окрепла и потому я оказался там во время вашего эксперимента. Боги решили убить двух зайцев одним выстрелом. Не дать вам создать ваш артефакт, и уничтожить меня. Ты же и сам все понимаешь. Технологический процесс давно остановился, вы перестали развиваться, богам не нужны те, кто поможет людям поднять голову выше дозволенного.

На корабле стояли четверо людей и одна большая кошка. Они с тревогой смотрели на происходящее на острове. Первое, что произошло, это все крупницы лунного серебра, до этого свободно летающие вокруг острова, вдруг резко остановились, словно налетели на невидимую стену. Затем был мощный взрыв силы, и крупницы лунного серебра закружили вокруг сидящего на земле Скита, скрывая его от глаз наблюдающих с корабля.

— Что происходит? — с тревогой спросил Фестиций.

— Сейчас идет борьба их Воли. — объяснил Ву, он даже к своей горлянке перестал прикладываться, что сильно выдавало его волнение. — Исход этой битвы зависит от того, чья Воля сильнее, и кто сможет подавить волю противника.

Скит не стал дожидаться удара, и первым бросился в атаку. Никто даже и не пытался призвать лунное серебро. Это была дуэль чистой силы, только мастерство владения своим Телом и Волей. Удар следовал за ударом. Каждый раз когда кулак Скита достигал своей цели, и соприкасался с телом противника, он получал частичку воспоминаний своего двойника. Каждый раз когда удар Наемника попадал по Скиту, тот видел частичку прошлой жизни Скита. Никто не мог одержать верх на противником, и никто не собирался проигрывать. Никто не использовал стиль боя, только животная ярость личная сила. Скит улыбался, Наемник скалился, радуясь такому долгожданному бою. Сколько минут или часов длился их бой, никто не мог сказать, Скит и Наемник враз упали без сил, и тяжело задышали.

— Ты... упал... раньше... — тяжело дыша проговорил двойник.

— Нет... я видел... как ты... ты... первый начал... заваливаться... — дыхание Скиту давалось ничуть не легче. — Ты же все видел?

— Видел. — согласился двойник. — Но что это доказывает? Ты все еще не помнишь причину своего появления в моем мире.

— Зато я предлагаю тебе самое главное. — покачал головой Скит. — Я предлагаю тебе отомстить.

— Почему ты уверен, что способен на это? — заинтересованно спросил Наемник.

— Потому что я буду не один. Со мной будешь сражаться Ты. — трясущейся рукой Скит указал на собеседника. — Два существа с самой сильной Волей в этом мире. А также четыре безумца, что последовали за мной, и моя Азалия. Вместе мы объявим войну богам, которые уничтожают ваш мир. Именно они виноваты в ваших смертях и в том, что память о тебе и твоём брате была вычеркнута из этого мира.

— Уже вечер, мы должны выполнить то, что Скит нам наказал! — на корабле стоял спор.

Друзья разбились на две противоположных стороны. Фестиций и Ву были за то, чтобы разбить остров, пока еще есть время. Мор и Бьёрн стояли на том, чтобы дать Скиту еще немного времени. Азалия же просто скалила зубы, всем своим видом показывая, что без боя она никому не даст причинить вред ее спутнику.

— Если мы сейчас не разрушим остров, то потом будет уже поздно! — пытался перекричать бушующую бурю силы монах. — Он знал на что шел, и был готов к этому!

— Скит сам сказал так сделать! — вторил монаху Фестиций.

— Неужели вы готовы с такой легкостью убить нашего друга?! — взывал к совести

монаха Мор.

— Нет времени на споры! — схватился за свой посох Ву.

Буря исходящая от острова усилилась настолько, что Азалию просто сдуло с ног, и со всего маху ударило о ящики стоящие под мачтой. Фест, дорогу которому и преграждала кошка, сорвался с места, и помчался в оружейный отсек. Ву преградил дорогу Мору с Бьёрном, держа свой посох в боевой готовности.

— Неужели вы не понимаете насколько он может быть опасен? — монах пытался остановить Бьёрна в его боевом облики. — Я видел на что способен потерявший над собой контроль одержимый! Целый храм трупов за неполные пол часа!

Мор и Бьёрн напали одновременно, Азалия скулила, но буря силы просто не давала ей подняться на ноги. Ву справлялся с обоими напавшими на него друзьями, не пропуска никого, чтобы они не помешали Фесту разрушить остров, на котором находился Скит. Раздался оглушительный грохот и все моментально затихло. В этой тишине был слышен треск раскальваемого камня. Все в изумлении замерли и с неверием смотрели на осыпающийся в бездну остров.

— Ты зачем выстрелил? — взревел Бьёрн на вернувшегося из оружейного отсека Фестиция.

— Я не успел... — ошарашенно и совершенно не понимая, что происходит, ответил Фестиций. — Я не успел выстрелить, даже остров в прицел взять не успел.

Грохот разрушаемого острова прекратился, и пылевое облако, поднятое бурей силы, разъяренно бушевавшей весь день, стало спадать. Все смотрели на то место, где еще недавно находился их друг, и не могли поверить в то, что его больше нет.

— Тогда что произошло? — обескураженно задал вопрос Мор.

Пока на корабле шла неразбериха, Азалия прыгнула за борт, и создавая под собой облака, со всех сил мчалась в сторону разрушенного острова, подхватила тело падающего Скита, и грациозно, как это могут только кошки, развернулась направляясь обратно на корабль. Сам же Скит не лежал безвольной куклой на спине Азалии, а вцепившись в загибок барса сидел обняв ногами бока Азалии и радостно кричал:

— ХАХАХАХА! В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ! ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, АЗАЛИЯ! ПРОКЛЯТИ ЧУТЬ НЕ УМЕР!

Радостная Азалия пробежала три раза вокруг корабля, и только после этого спустилась на палубу. Скит соскочил со своего барса, кошкой называть такого крупного зверя уже не поворачивался язык, и довольный посмотрел на ошарашенных друзей, направивших свое оружие на Скита и Азалию.

— Э... Вы чего? — напряженно спросил он. — Что случилось-то?

— Это точно ты? — пробасил Бьёрн.

— Конечно я, кто же еще? — не понимал Скит.

— Тогда почему ты так выглядишь? — продолжил настороженно спрашивать Бьёрн.

— А что не так в моем виде? — не понимающе спросил Скит, и посмотрел на свои руки.

Руки Скита были полностью покрыты лунным серебром, пальцы оканчивались длинными когтями. Ноги идентично рукам были покрыты лунным серебром и имели длинные когти. Когти были настолько остры, что Скит даже не замечал то, как при каждом движении они снимали стружку с досок корабля под ногами. Ощупав тело и лицо Скит понял, что он весь покрыт лунным серебром. При этом колени и локти теперь имеют выступающие шипы, а на его лбу образовались два небольших острых рога, длиной не больше пары сантиметров. Спohватившись, что он пугает друзей, Скит развеял все лунное серебро покрывающее его тело, и успокаивающе поднял руки вверх, ладонями наружу.

— Все в порядке. Просто я случайно поглотил все лунное серебро, что витало вокруг острова и окружало меня. — попытался успокоить команду Скит.

— А что тогда с твоей мордой? — опять спросил настороженный Бьёрн. Видимо вся команда негласно решила, что Бьёрн может говорить за них.

— А с лицом-то моим что не так? — раздражаясь ответил Скит, и создал перед собой из лунного серебра отполированную до зеркального состояния пластину.

Все напряглись, и вокруг их оружия завилась призванная сила. В зеркале Скит увидел свое лицо, вот только выглядел он не совсем привычно для окружающих. Бледный, почти белый с черными, словно подкрашенными тушью, веками, и яркими изумрудно-зелеными

глазами. Приглядевшись к рукам, Скит увидел такую же бледную кожу, по которой змеились нитями серые вены. Пальцы оканчивались немного удлинёнными ногтями черного цвета. Выглядел Скит сейчас как Наемник, до недавнего времени проживавший в его душе. Разве что, у Скита цвет кожи был не настолько белый, и имел оттенки серого. Да и татуировка на левой стороне груди, знак их с Азалией договора, все также сохранила лазурный цвет, как пятна на самой Азалии.

— Все в порядке. — постарался успокоить друзей Скит. — Это от избытка собранной силы духа. Такое уже было во время боя с Патриархом. Ты же помнишь, Бьёрн?

— Помню. — соглашаясь кивнул головой северянин. — А еще я помню как ты потерял над собой контроль, и чуть всех нас не уничтожил.

— Тоже верно, но сейчас ведь я с вами диалог веду, а не убить пытаюсь. — привел новый аргумент Скит, одновременно с этим выпуская всю накопленную силу из своего тела, и возвращая себе нормальный вид.

— А если ты притворяешься, чтобы мы тебя довели до ближайшей земли? — вылез из-за спины Бьёрна Фестиций.

— Ву, ты ведь можешь чувствовать энергию Безумия. Она сейчас есть во мне? — обратился Скит к монаху.

— Она всегда в тебе есть. Но сейчас нет того бурления силы, которая присутствует когда человек одержим Безумием и не контролирует себя. — сказал монах, и взял с пояса горлянку, кажется впервые с того момента, как Скит покинул корабль.

— Откуда ты знаешь как должна выглядеть бушующая сила одержимого Безумием? — спросил Бьёрн поворачиваясь к монаху.

— Знаю. — отрезал Ву, и приложился к своей горлянке, после чего вновь обратился к Скиту. — Но помимо всего этого, ты каким-то образом выпил энергию мира из этого острова. Ничего хорошего от такого знака ждать не следует. — Ву посмотрел в глаза Скиту с таким видом, что Скит почувствовал угрозу и насторожился. — Это можно наложить на тот факт, что ты оторвал от бога ту безликую...

— Канзо. — перебил Скит монаха. — Её звали Канзо.

— Ты разорвал связь Канзо и Многоликого Такеми. — продолжил говорить монах. — Скит, такого никто не мог совершить до тебя. Это настораживает. Как ты можешь убедить меня, что именно Скит оказался сильнее и оставил тело себе, а не Наемник?

— Да, я разорвал их связь, — Скит твердо смотрел в глаза монаху. — но связь через порабощение настолько слаба, что мне даже усилий прикладывать не пришлось. Канзо сама потянулась мне навстречу как только поняла, что я могу освободить ее душу. Никогда не думали, почему у безликих татуировка в виде ошейника? Потому что добровольно последователем Такеми никто не становится, он их принуждает. — Скит ответил на свой вопрос не дожидаясь пока кто-то его прервет. — А по поводу того, как доказать что именно я остался во главе, то это никак не возможно. Только поверить мне на слово. Никто из нас не смог одержать вверх. Мы с Наемником пришли к соглашению, и стали одним целым, наши души объединились, теперь мы одно существо.

— Я не чувствую от него угрозы. — неуверенно произнес Мор слегка хриплым от волнения голосом.

— Азалия себя спокойно ведет. — кивнул головой Бьёрн. — Если бы Скит потерял себя, то их союз был бы расторгнут. Я верю тебе, кэп. — после этих слов Бьёрн первым убрал оружие, а за ним неуверенно повторили Мор и Фестиций.

— Я буду следить за тобой. — Ву всем своим видом показывал, что не верит Скиту. — И если ты только покажешь мне, что не контролируешь себя, я буду первым кто убьет тебя. — после этих слов монах потерял интерес к происходящему и сел на палубу, прислонился спиной к мачте и закрыл глаза, приступил к медитации.

В угрозе монаха Скит не сомневался. Да монахи не лишают жизни живых существ, но Ву неправильный монах, к тому же и убивать будет не он, а Энма. А с этим монстром Скит не был уверен, что сможет справиться. Вздохнув, Скит потрепал по загривку Азалию, и в сопровождении своего барса он направился в капитанскую каюту.

Спустя еще месяц путешествия "Отступник" наконец добрался до Северных земель. Приближение к землям ознаменовал радостный рев Бьёрна. Здоровяк принял свой медвежий облик лицо вытянулось принимая схожесть с медвежьей мордой, при этом сохраняя усы и бороду. Сам Бьёрн становился еще больше, мышцы росли и могучими канатами перекатывались под кожей. Бьёрн приложил ладони покрытые бурым мехом к своей пасти, и издал дикий рев, который разнесся, казалось, до всех углов Северных земель.

— Что? Кто? Откуда нападение? — на палубу выбежали Мор и Фестиций с заспанным видом. На корабле "Бороздящий Небеса" подняли тревогу и начали готовить оружие к бою.

— Нет нападения. — прорычал Бьёрн. В таком облики он не был способен нормально говорить. — Я бросил приветственный клич своим братьям, чтобы мой род знал, его сын вернулся в родной край.

Мор уже набрал полную грудь воздуха, чтобы высказать все, что он думает о таком приветствии, но тут раздался подобный звериный рев, но уже со стороны Северных земель, и от удивления Мор просто выдохнул, позабыв, что он хотел сказать.

— Я дома. — улыбаясь произнес Бьёрн. Хотя в его медвежьем образе выглядело выглядело устрашающе.

Шубы способные выдержать северные холода, купили четыре дня назад на небольшом острове, жители которого жили тем, что продавали еду, шубы и теплую обувь. Меняли это на северную древесину, и перепродавали для судостроения. Бьёрн единственный кто оставался в своей старой кожаной одежде с меховой оторочкой, все остальные члены команды одели теплые одежды еще два дня назад.

— Настоящий сын Севера не нуждается в теплой одежде. Северный мороз нас не берет. — с какой-то непонятной гордостью тогда сказал он.

На Северных землях ничего не растет кроме самых стойких видов деревьев, по понятным причинам, а потому с ближнего, довольно крупного и богатого едой острова, на Северные земли раз в месяц приходили торговые корабли. Вот в сопровождение одному такому торговому кораблю и напросился экипаж "Отступника". Караван с едой состоящей из овощей и фруктов всех видов, везли на корабле, затем в порту выгружались на сани, на которых приехали северяне, а на корабль загружалась древесина знаменитого Андалусского Железного Дуба, из которого строились самые крепкие корабли.

На "Бороздящем Небеса" тревога успокоилась не сразу. Дула корабельных орудий еще какое-то время смотрели по сторонам в поисках угрозы, но услышав ответный клич с берега — успокоились, а вот проклятия сыпали нарочито громко, чтобы Бьёрн точно их расслышал.

— Кэп, мне страшно на берег сходить. — подошел к Скиту Фест, с тревогой глядя на порт.

— Не трясись, малой. — пробасил рядом стоящий Бьёрн, он уже принял свой

человеческий образ. — На Севере не так холодно, как о нем говорят.

— Я не мороза боюсь, ты на берег посмотри. — Фестиций указал на причал. — Ты глянь какие он здоровые! Мне страшно к таким выходить, вдруг они людей едят?

Даже на таком расстоянии от берега было видно, что здоровяк Бьёрн был не выше чем по плечо самому низкому из них. Мор не срываясь заржал, а Бьёрн покраснел, и угрожающе зарывчав глядя на Мора, начал продумывать как отомстить наглому смертнику.

"Бороздящий Небеса" уже швартовался к берегу, а следом за ним причалил и "Отступник". Начался долгий процесс разгрузки продовольствия в сани, сначала Скит даже не поверил своим глазам, запряженные лосями! А после погрузки древесины на корабль. Все это время группа северян, команда Скита и люди из охраны "Бороздящего" не отдыхали, а стояли стороже. Как сказал им Бьёрн, звери — главный противник человека на Севере, а потому и расслабляться нельзя. Как бы Бьёрн не скучал по своим родным, но сначала работа — разговоры потом. Капитан "Бороздящего Небеса" и самый огромный из северян пожали друг другу руки, договорились о дате следующей встречи. После того как торговый корабль начал отчаливать, к команде "Отступника" повернулся предводитель десятка северян:

— Малыш Бьёрн! Неужели ты вернулся в родные края? — северянин радостно развел руки в стороны, и он с Бьёрном обнялись. — Какой большой вырос! Помню тебя совсем маленьким, всего два метра ростом был! А сейчас посмотрите на него! Даже усы в бороду вплетать начал!

Услышав слова северянина, которому огромный Бьёрн едва доставал до груди, Фест начал смеяться, но подзатыльник от Скита быстро успокоил парня.

— Я тоже помню малыша Бьёрна двухметровым. — тихо произнес Мор, но взгляд Бьёрна брошенный в их стороны показывал, что только объятия огромного северянина спасают шутников от смерти.

— Дядька Харальд, рад снова видеть тебя. — Бьёрн от радости не знал куда себя деть, и обнимался с каждым северянином, и каждого приветствовал по имени. — Вот, как видите, я все же нашел способ как развиваться дальше, и теперь могу вернуться домой.

— Добрая весть. — сдержанно кивнул головой Харальд. — Твой отец будет рад видеть возмужавшего сына. Представишь нам своих друзей?

— Конечно, дядька Харальд. — Бьёрн начал поочередно представлять друзей.

Пока Бьёрн всех знакомил, Скит отметил, что несмотря на радостное приветствие так долго отсутствующего собрата и соратника, глаза северян оставались такими же цепкими, искали угрозу в любом жесте, в падении снега с ветвей деревьев, или вскрикнувшей птице. Жизнь в Северных землях обязывала к тому, что каждое мгновение тебе необходимо бороться за жизнь, и угроза может поджидать тебя буквально за следующим деревом. Такие люди не знают мирной жизни, всё их существование это борьба, борьба за жизнь со всем, что их окружает с самого детства, с самого первого вдоха. Для таких воинов расслабиться — значит умереть, а умереть — значит подвести тех, кто тебе доверился. Пара молодых северян, у которых только начала расти борода, постоянно хватались за оружие, если только посторонний звук им чем-то не нравился. Азалия привлекла всеобщее внимание. Лазурный Барс довольно редкое животное и некоторые могли прожить несколько тысяч лет, но так и не увидеть ни одного представителя этого свободолюбивого животного. А тут не просто прирученный зверь, но еще и духовный спутник! Да о таком чуде можно еще и внукам своим рассказывать.

— Мы хотим отблагодарить вас за возвращение нашего брата. — сказал Харальд

друзьям Бьёрна. — Мы сейчас пойдём в Сногард, Стужа будет постепенно усиливаться, и спустя час ваши тело и душа перестанут справляться с её давлением. Поэтому не сходите с саней, я выделю вам пару бойцов, они будут вас прикрывать своей аурой, им это тоже будет полезной тренировкой.

Друзья разместились в санях, запряженных лосями, и продуктовый обоз в сопровождении десятка северян направился в Сногард. Сразу была видна жесткая дисциплина в отряде. Никто даже не пытался перечить старшему, Харальду, то что он говорил выполнялось без каких-либо вопросов и раздумий. Два воина, которых выделил Харальд, встали по бокам от саней, и представились Фьёром и Хельгом. Они безмятежно болтали, и расспрашивали о других землях, на которых уже удалось побывать скитальцам. Но вот от Скита не укрылся цепкий взгляд сынов Севера. Они следили за всем происходящим не только в округе, но и в санях. Это не гостей охраняли от северного мороза, это скорее конвой сопровождающий их. Старый и опытный воин Харальд не позволял себе расслабиться даже в такой ситуации, и с недоверием отнесся к новым знакомым, приставив к ним охрану. Что вполне разумно, когда не знаешь чего ожидать от незнакомцев. Так в своих размышлениях Скит не заметил как их плотно окружил лес, а движение замедлилось. Северяне надели на ноги снегоступы, но движение уже не достигало той скорости, когда они шли по твердому снежному насту. А лоси спокойно могли ступать по снегу и не сильно проваливаться в него, благодаря своим широким копытам.

— Я не вижу следов по которым вы пришли сюда. — заговорил молчавший до этого монах. — Неужели снег уже занес ваши следы?

— Нет, сегодня снега даже не было. — отрицательно качнул головой Фьёр. — Все гораздо проще, на Севере нельзя возвращаться тем же путем, которым ты уже шел. Север не позволяет человеку строить на своих землях сверх того, что уже построено. Когда мы пытались проложить дорогу к пристани, либо построить город ближе к берегу, то на нас нападало такое количество зверей, что не все воины сумели вернуться живыми в родной дом.

— А почему бы вам тогда не переехать в более благоприятные места? — задал вопрос Фестиций. — На многих землях есть незаселенные территории, уверен, что вас примут без каких-либо проблем.

— А зачем нам уезжать? — вопросом на вопрос ответил Хельг. — Это наша земля, тут живет наш бог, который в отличии от всех ваших, скрывшихся в своих доменах, и общающихся с вами только через своих аватаров, ходит среди нас и даже участвует с нами в самых жестоких битвах. — голос Хельга становился все громче и злее. — Да, наши земли жестоки. Да, тут не каждый выживет, и нам приходится бороться за свою жизнь, но это наша земля! Она досталась нам от наших предков, и как после смерти я смогу смотреть им в глаза, если я просто брошу то, что с таким трудом они отбили у Севера, и передали нам?

— Но ведь Север невероятно опасен! Мы уже даже сидим с трудом, да и вам, как я вижу, переход дается не так легко. — не перестал задавать вопросы любопытный Фестиций. К слову даже Скит заметил как тяжело дышат Фьёр и Хельг.

— Тяжело нам только потому, что приходится прикрывать вас, южных неженков! — зло ответил Хельг, и отвернувшись от саней крикнул. — Бьёрн! Заменя меня, мне надо отдышаться.

— Не сердитесь на него. — сказал добродушный Фьёр. Хотя добродушными великанов, которым Скит со своим ростом доставал лишь до пояса, мог назвать только сумасшедший. —

Хельг еще плохо справляется со своими эмоциями. Его родители погибли десять лет назад, защищая город от нападения зверья. Справиться со Стужей можно только огнем души. Мы с детства учимся держать свою ярость в узде, и не спускать ее на каждого встречного, но при этом согревая себя этими горячими эмоциями. Поэтому некоторые молодые воины не справляются со своей злостью и легко выходят из себя.

Подошел Бьёрн, и сменил Хельга на посту. Под аурой здоровяка, хотя теперь так называть Бьёрна было не к месту, дышать стало несколько проще. Если смотреть по бороде, то Хельг был на ступень развития ниже Бьёрна и Фьёра. Давление на душу усилилось, мороз проникал сквозь шубы, и каждый час становилось только хуже. Дыхание давалось сложнее, шевелиться и вовсе не было никакого желания.

— Малыш Бьёрн! Мы уже соскучились по тебе! — ехидно начал говорить Мор.

Бьёрн молча схватил смертника за ворот шубы и выбросил того в снег. Лицо Мора сменило выражение с ехидства на испуг, но вылетев за границы защитной ауры не успел издать ни звука, как его сердце не выдержало, и остановилось.

— Ты чего творишь!? — испуганно воскликнул Фьёр. — Это же твой друг!

— Ничего страшного с ним не случится, даже на пользу пойдет. — спокойно ответил Бьёрн. — Возможно и язвить по-меньше станет.

— Да он же замерз насмерть! Естественно он не станет больше тебе грубить! Да как у тебя вообще еще остались живые друзья? — причитал обескураженный Фьёр. Вся его речь о том, что северяне держат себя в руках, и не выливают эмоции наружу, казалась пустым бахвальством, но произошедшее следом еще сильнее вывело Фьёра из себя, да и остальные северяне не сдержались, и начали неистово материться, схватившись за оружие.

— Ты совсем ополоумел?! — возмущенно закричал оживший Мор, но сразу после этого вновь умер.

— Что это? — тихо произнес Фьёр, от удивления не сразу вспомнивший как дышать.

— Это мой друг. — невозмутимо ответил Бьёрн. И немного разочарованно добавил. — Значит это тоже его не убьет.

— Это тоже?! — чуть ли не хором вскрикнули северяне.

— Может привал устроим? — Бьёрн и не подумал, чтобы пояснять свои слова, и сменил тему. — Пока он до саней будет добираться мы успеем перекусить и отдохнуть. Малым будет полезно немного привыкнуть к давлению ауры Стужи. Дядька Харальд, у тебя же с собой тот бальзам?

— Всегда с собой ношу, чтобы молодых отпаивать. — отходя от шока ответил глава отряда северян. — Сейчас малым дам, пусть вздохнут свободно.

Дышать и вправду уже давалось с трудом, с саней слышалось только тяжелое сипение, даже находясь под защитной аурой Скит и друзья не могли нормально дышать, удивлялись как это северяне могут столько идти и не падать с ног. Так еще и балласт в виде четырех человек прикрывали своими силами. После слов Бьёрна Скит с удивлением понял, что он дико голоден, такое чувство голода он испытывал только когда находился в доме целительницы Лады, тогда его буквально из рук смерти вытащили, и все ресурсы организма уходили на лечение, так и сейчас все силы уходили на то, чтобы противостоять Северу. Даже монах чувствовал себя плохо, и хоть ему было немного легче справиться с давлением на душу и тело, все равно не мог нормально сидеть, и сильно дрожал от холода. Но это ему не мешало пить вино из своей горлянки с удвоенным усилием. Только Азалия справлялась с аурой Севера, и не так сильно страдала от Стужи. Она лежала рядом со своим другом и грела

его, помогая не Скиту не замерзнуть.

— Ублюдок! — выкрикнул Мор и снова замолчал.

Северяне поняли, что каким-то образом этот непонятный друг Бьёрна постоянно оживает, а потому смогли подавить свое удивление, и вновь принять свой привычный невозмутимый вид. Кто-то начал раскладывать снедь на санях под крики оживающего и умирающего Мора, а Харальд подошел к Скиту и протянул флягу:

— Сделай глоток и передай следующему. Это специальный бальзам, он поможет укрепить душу и ослабить давление на нее. Его наши целительницы варят.

Скит сделал как ему было сказано, и горло обожгло жидкостью, но следом он почувствовал приятное травяное послевкусие. Дышать стало легче, и он даже заговорить смог.

— Благодарю. — с хрипом произнес он и передал флягу Фестицию, на которого даже смотреть было страшно. Весь белый и хрипящий, не способный даже глаза приоткрыть. После того как он сделал свой глоток, Фест начал спокойно дышать, а на щеки вернулся здоровый румянец.

— Мудень! — кричал Мор. — Ненавижу тебя! Ты еще пожалеешь! Помоги же ты! Бьёрн! Когда я доберусь до тебя то буду убивать тебя очень медленно!!! — со временем угрозы Мор начал кричать без перерыва на смерть, приподнимаясь на локтях и двигаясь в сторону саней, но встать и помогать Морю никто даже и не собирался.

— Ставлю ядро силы на то, что добираться до саней он будет еще около тридцати минут. — сделал ставку монах, и все присутствующие поддержали его начиная выкладывать на сани то, что ставили на время до которого Мор будет добираться до саней, что повлекло новую волну проклятий от Мора.

— Вы охерели?! Да я тут еще неделю помирать буду, но не сдвинусь с места! — кричал Мор, после чего осознал, что его сил хватает на то чтобы выдать такую длинную речь, смог встать на ноги и идти мелкими шагами в сторону саней. Хоть расстояние между Мором и санями едва больше метра, преодолел это расстояние чуть больше чем за час.

— Рано вам со мной спорить. — сказал Харальд, загребая на сани ядра силы. — Я обучил не одного воина, и вижу кого на сколько хватит.

— Дайте... В... Дайте воды. — стуча зубами от холода проговорил Мор, и схватил протянутую ему в три глотка осушил ее, после чего покраснел, и начал дико кашлять. — Что... Что это?

— Хороший бальзам, который варят наши целительницы. — ответил Харальд. — Вот только зря ты выпил всю флягу. Неподготовленное тело не выдержит. — последние слова Мор уже не слышал, его сердце не выдержало, и Мор вновь отправился на свидание с Госпожой Даад.

— Ублюдки. — тихо сказал Мор, вновь приходя в себя. Молча сел в сани, закапываясь в одеяла, отвернулся не настроенный на разговор.

Скит сидел в позе медитации и пытался справиться с отяжелевшей аурой северной Стужи. Бальзам, который им давал Харальд раз в сутки, помогал немного облегчить давление, но на следующее утро становилось ещё сложнее. Продуктовый обоз замедлил свое движение до невозможного. Как говорил Фьёр, даже северянам приходилось туго, Север словно не хотел, чтобы гости добрались до Сногарда, и делал все для этого. Ко всеобщему удивлению Мор вообще не испытывал трудностей с переходом, даже слез с саней, и шёл по снежному насту наравне с северянами. После того, как Бьёрн в отместку выбросил Мора в снег, и его чередой смертей в течении часа, оказалось, что духовные врата Мора рекордно быстро подстроилась под ауру Стужи, замораживающей все вокруг. И вот уже два дня пути, Мор жизнерадостный шёл чуть ли не впереди обоза, ещё сильнее раздражая Бьёрна своими шутками.

Скит собирал вокруг себя силу, уплотняя её для защиты от Стужи, но результатов это приносило не так много, как того хотелось Скиту. Вот уже третий день он пытался найти способ как справиться с давящей аурой Севера, но пока безрезультатно, и с каждым разом ему становилось только сложнее приступить к ещё одной попытке. Взгляд Сути, которым Скит старался смотреть на мир, сильно истощал и без того слабого духом Скита. Он видел как Стужа проникает в душу, но не понимал как с ней бороться. К тому же, хоть Скит по силе и был равен развитому Посвящённому или слабому Храмовнику, но на самом деле он так и не совершил перехода даже на вторую ступень развития, от чего его слабое тело не выдерживало давление всей его замороженной силы духа. Скит сидел в позе медитации, и просто расширял свою собственную ауру, пытаясь накрыть ею сани в которых он сидел. Так понемногу Скит пытался понять, в чем заключается сила и суть Севера. Это было сложнее, чем понять суть заключённой в кристалл стихии. Все равно как понять состав воздуха, которым ты дышишь. Азалия не отходила от своего спутника, медитируя вместе со Скитом, и слегка подталкивая его в нужном направлении, помогая найти нужный путь.

Харальд с каждым часом становился все более смурным и напряжённым. Это не укрылось от взгляда Бьёрна, и здоровяк подошёл к Харальду с беспокойством задавая вопрос:

— В чем проблема, дядька Харальд? Что тебя так беспокоит?

— Слишком тихо. — хмуро ответил Харальд. — Считаю уже три дня идём, а ни одного зверя так и не встретили.

— Так это же хорошо. — встрял в разговор Мор. — Так глядишь, ещё пару дней, и без проблем в городе окажемся под защитой бога-медведя, кэп с Фестом выдохнуть спокойно, да и монах может не так нервно пить будет.

— Ты не понимаешь. — покачал головой Харальд. — Звери всегда нападают на обоз с едой. Север пытается избавиться от человека всеми способами. А тут, даже птицы с веток на ветки не прыгают. Что здесь не так, их словно собирают где-то.

— Неужели это... — начал говорить Бьёрн, но Харальд грубо закрыл ему рот ладонью.

— Замолчи, а то накликаешь. — прорычал глава отряда северян. — Мы сейчас не справимся хоть с какой-то серьёзной угрозой. Если бы знали, что придётся вас везти с собой, то взяли бы воинов в два раза больше. Ещё и Стужа усилилась, из-за чего твои малые не могут свои врата подстроить под ауру Севера, она замораживает их быстрее, чем их врата

успевают раскрыться. Все это неспроста.

— Не переживай, дядька Харальд. С нами этот мелкий бессмертный самоубийца. — Бьёрн так хлопнул по плечу Мора, что у того подогнулись ноги, и он упал на колени. — Мы его несколько раз кидали прямо в пасть монстрам, так представляешь, мало того что он выжил, ещё и наружу прямо из живота пробился! — Бьёрн рассказал это так, словно бессмертие Мора было заслугой самого Бьёрна.

— Забавный малец. — Харальд посмотрел на Мора как на стратегическое оружие, нежели на воина, который может помочь в бою. — Я запомню это.

Мор увидел угрозу во взгляде Харальда и мгновенно ретировался к саням друзей в центр обоза, под дружный хохот Бьёрна и Харальда. Хотя внешне они и не были похожи, но вот жестокое чувство юмора у них точно было одно на двоих. Скит только улыбался, слушая этот разговор. Мор увидев, что и здесь не дожждётся поддержки, плюнул на снег и ушёл в конец каравана, где сейчас шёл Хельг, с которым Мор и завёл разговор. Скит же продолжал свою медитацию, расширяя и уменьшая радиус своей силы духа. То покрывая ей все сани, то уменьшая её на столько, что она порывала только его тело.

— Не сопротивляйся. — услышал Скит слова монаха. С момента как Скит разрушил остров это, казалось, первые слова Ву обращенные к Скиту.

— Что? — не понял Скит.

— Не сопротивляйся морозу. — повторил Ву. — Ты пытаешься не дать Стужи себя морозить, но это не правильно. Впусти в себя мороз, пойми его.

— Не понимаю. — Скит покачал головой. — Как мне его впустить, я же умру тогда. Это только Мор на такое способен, пару раз умер, и все. Его врата души подстроилась под условия, и ни каких проблем.

— Не говори так, будто мне это легко дается! Попробуй умереть полсотни раз от мороза, а потом рассуждай о том, что это так легко! — возмущенно крикнул Мор, прекрасно слышащий разговор Скита и монаха.

— Попробуй понять суть Стужи. Как ты это делал с Землей, Молнией и Небом. — Ву продолжил учить Скита.

— Я не смогу совершить это с четвертой стихией. Моих сил еле хватило на понятие сути трех стихий, четвертая ломает мою душу. — закачал головой Скит.

— Ты уверен? — Ву прищурил глаза от слепящего северного солнца, которое отражалось от белоснежного снега, и посмотрел на Скита. — А как же вторая половина души?

— Он тоже познавал... — Скит запнулся на полуслове от озарения. Ведь Наемник не познавал суть стихий. Он просто пользовался тем, что умел Скит, не показывая ничего нового. А раз так, то как минимум одну-две стихии душа Скита еще способна понять.

Услышав их разговор, Фест вытянул голову из-под меховых одеял, и мелко дрожа осмотрел в сторону говорящих Скита и монаха.

— Но ведь северяне для борьбы со Стужей используют жар эмоций. — стуча зубами от холода, произнес Фестиций.

— Да, потому что суть Севера они впитывают еще в утробе матери. А к совершеннолетию они начинают разогревать свою кровь эмоциями. Умея только сражаться, северяне сражаются с самой сутью Стужи, не понимая этого. — ответил Ву, и приложился к своей горлянке, делая несколько крупных глотков.

— А сам почему до сих пор мерзнешь? — Фест сильно дрожал, его била крупная дрожь,

но он вылез из под шкур и сел в позу медитации. — С умным видом учишь нас, а сам еще не справился.

— Я больше не способен на то, чтобы понимать суть стихии. — с небольшой грустью произнес монах. — Но у меня есть другой способ, он более долгий, но подходит только мне. — после этих слов Ву замолчал, и больше не отвечал на какие вопросы, полностью погружаясь в медитацию.

Скит погрузился в себя, стараясь сделать то, что ему сказал монах, но пока ничего не выходило. Скит убрал покрытие силы духа с себя, и моментально начал замерзать. Но в этот раз Скит не сопротивлялся, пытаясь понять суть Севера, но все пару секунд спустя Скит понял, что так не выдержит и тут же закрылся, и упал на сани сильно дрожа и пытаясь согреться. Азалия слегка поскуливая, накрыла Скита собой и начала его согревать. Зарывшись в теплый и мягкий мех, Скит быстро уснул, но долго спать у него не вышло. Сквозь сон Скит слышал треск ломающихся деревьев, и крики северян. Азалия подскочила, вставая между Скитом и потенциальной угрозой. Лазурный барс в последнее время очень часто показывала, что ее волнует безопасность только Скита.

— Снежные Варги! — раздался крик одного из северян, его имя Скит так и не узнал.

Следом за этим криком раздался медвежий рев выдаваемый десяткой глоток, и на поляне в мгновение ока вместо десятка великанов, оказались оборотившиеся в медведей воины. В руках они держали совершенно разное оружие. Кто-то был с молотом как Бьёрн, кто-то держал две секиры, размером чуть меньше самого Скита, а у кого был двуручный меч не уступающий в размерах самому владельцу такого клинка. Фьёр и Хельг держались у телеги, прикрывая своей аурой беспомощных гостей Севера. Мор не уступал северянам, и стоял в конце обоза оцетинив свои серповидные клинки, и помогал северянам отбиваться от нападения зверья.

Из леса не спеша на поляну выходили огромные волки с белой шкурой, размером выше саней на которых сидел Скит, Азалия на их фоне смотрелась не взрослым барсом, маленьким котенком. Их мощные лапы оканчивались когтями, покрытыми кристаллизованным льдом. Морда была слегка приплюснута, и несколько меньше, чем у обычных волков. Шерсть вокруг головы топорщилась острыми иглами во все стороны. Под шерстью выглядывал ошейник, который говорил о том, что варгов сюда кто-то привёл. Мор послал пару Лезвий Смерти в сторону Снежных варгов, но их развеяли ленивым движением лапы.

— Даже не пытайся, твоя сила духа еще слишком слаба, чтобы что-то сделать этим монстрам! — прокричал рядом стоящий северянин. Кажется его звали Вигге. Выглядел он как медведеподобный человек, с двумя монструозными секирами. На его поясе раньше через его правое плечо была перекинута шкура какого-то животного, но сейчас она срослась с самим воином, и он стоял только в одних штанах и поясе с огромной пряжкой в виде медвежьей головы, закрывающей самое мягкое место на теле любого воина — живот.

— А как тогда с ними биться? — прокричал в ответ Мор. На поляне стоял вой начавших охоту тварей и рев северян, поэтому приходилось перекрикивать эту какофонию звуков, чтобы понять друг друга.

— Только своим оружием! — Вигге помахал перед носом Мора своими секирами так близко, что казалось Мор сейчас останется без носа. — Это будет славная битва, малой!

По стоящим рядом с санями Фьёру и Хельгу было видно насколько они напряжены. Их друзья уже вступили в бой, но они вынуждены стоять, и охранять беспомощных друзей

Бьёрна. Их руки сжимали оружие так сильно, что костяшки на пальцах белели, но были вынуждены не отходить от саней.

— Ву. — Скит обратился к монаху, и тот открыл глаза выходя из медитации. — Энма сможет нам помочь?

Монах вновь закрыл глаза и призадумался, спустя мгновение вновь посмотрел на Скита и не говоря не слова кивнул головой.

— Фьёр! — крикнул Скит своему охраннику, и тот обернулся с дикой злостью во взгляде. — Мы сейчас сможем вступить в бой, но не сразу, надо подготовиться. Вот только будьте готовы, что это может вас шокировать.

— Насколько? — прорычал Фьёр. Хельг повел ушами прислушиваясь к разговору. Как странно, подумалось Скиту, в зверином облики они принимали даже звериные повадки.

— Не важно. Главное помните, что ваши враги только Варги, а не мы. Ты понял? — прокричал Скит, и дождавшись утвердительного кивка, повернулся к монаху. — Ву выпускай Энму!

— Вырвись наружу Энма! — прокричал монах, и спрыгнув с саней на снег начал изменяться.

Его тело ломалось, прорывая штаны наружу выбился хвост с острым костяным наростом на конце. Плечи стали больше, руки покрывались мехом, а пасть вытягивалась пополняя набор зубов острыми даже на вид клыками. На голове появились роговые наросты, начинаясь от скул, переходя на брови а потом уже на лоб. Такими же наростами обогатились локти. Вокруг шеи имелся небольшой меховой ворот. Запрыгнув на макушку ближайшей ели, Энма взял на изготовку свой посох с выскочившими с концов лезвиями, и издал жуткий рев.

— УААААААААА! — от этого крика с ветвей посыпался снег, а сама ель о высвобожденной ауры Безумной Твари начала чернеть и рассыпаться в труху, но Энмы там уже не было.

Огромная обезьяна уже летела на свою первую жертву вонзая в шею посох, и заливая чистейший белый снег яркой красной кровью. Фьёр предупреждающе кричал, чтобы никто не нападал на нового монстра появившегося на поле боя. Надо отдать должное северянам, доверие к своим на поле боя было таким, что никто даже не подумал задавать вопросы, а просто приняли новую вводную продолжили битву. Энма сражался как и полагалось дикому зверю. Понять и проследить за его атаками было почти невозможно. Он одновременно атаковал трех противников, перетягивая на себя почти всех врагов. Острым наконечником хвоста Энма пронзал голову насквозь, не оставляя шанса никому. Посох дробил кости и переламывал хребет, задние лапы с острыми когтями рвали мясо со всех Снежных варгов, до которых можно было дотянуться. Фестиций наблюдал за боем безжалостного монстра и со страхом думал, каким бы монстром был Ву, если бы не придерживался принципа всех монахов, и не ценил жизнь.

Варги быстро поняли кто таит в себе наибольшую угрозу, и сконцентрировали свои силы на огромной обезьяне рвущей их собратьев без особых усилий. Теперь уже Энма начал уходить в оборону, не успевая отбиваться от атак приходившихся по нему. Отряд северян тоже не стоял без дела, и довольно успешно защищал караван с едой. Бой длился всего пять минут, но снег уже был красным цветом от пролитой крови варгов. Бой стих резко, наступила оглушающая тишина, Скит с тревогой вглядывался в глаза огромной обезьяны, но человеческий взгляд карих глаз Ву успокаивал Скита, это говорило о том, что Энма под контролем.

— Это все? — неуверенно произнес Мор крутя головой во все стороны и высматривая новую угрозу.

В этот момент раздался жуткий вой и на поляну вышли Снежные варги раз в пять больше предыдущих. От ошейника тянулся повод который держал великан синего цвета. Во лбу Снежного варга блестел кристалл голубого цвета. От кристалла в сторону тянулся лед, плавно переходя в два рога. Любопытно, подумалось Скиту, неужели все звери развившиеся до достаточного уровня начинают отращивать рога?

— Твою мать! — выругался Скит. — Не тех я считал великанами!

Если Снежные варги в холке доставали почти до макушки елей окружающих поляну, то своим хозяевам они доставали лишь до пояса. И как его не заметили, пока он скрывался в лесу?

— Ледяные великаны! — прорычал Харальд. В медвежьем обличии он был больше всех северян, его двуручный меч в этом образе для Харальда был скорее одноручным, держал он его одной лапой, без каких либо проблем. Второй лапой Харальд держал отрубленную голову Снежного варга. — Говорил же тебе, Бьёрн, молчи, а то накликаешь. — Харальд отбросил голову, и отвёл лапу в сторону. В ней начал формироваться круглый щит изо льда.

Бьёрн с завистью посмотрел на это, ему ещё долго учиться подобному. Взял на изготовку свой молот и приготовился к бою. По напряжению, которое возникло на поляне, Скит понял, что ситуация стала еще хуже. Фестиций закусывал губы до крови от бессилия и злобы. Тяжело сидеть и смотреть как твои друзья проливают кровь, а твоих сил еле хватает на то, чтобы держать себя хотя бы в сидячем положении. Скит не тратил время на бессмысленное самобичевание, а тихо собирал энергию духа вокруг себя, и пропускать ее в свое тело. Кожа Скита побледнела, почти сравниваясь цветом со снегом, по телу заструились серые вереницы вен, вокруг глаз потемнело, словно ему их подводили жрицы любви. Резко открыл глаза и окинул место битвы Взглядом Истины, которому его обучил мастер Ичи. Смотря через эту технику можно было видеть потоки силы духа, и давление стихий. С помощью Взгляда Истины можно было видеть законы мира, знать об ударе еще до того как он был нанесен. К сожалению, Скит был не в силах использовать эту способность безостановочно, как старый мастер, но для самого важного его сил было достаточно. Теперь он видел как Север замораживал душу, как промерзали врата духа, и не пропускали энергию в тело, и оно замерзло. Теперь Скит знал как ему следует действовать, и о чем ему до этого говорил монах, когда советовал запустить Север в свою душу.

Пока Скит сидел в медитации, на поляну выходили ледяные великаны. Каждый из них держал на поводке такого же монстра, как и первый появившийся на поляне. А вот в цвете великана Скит ошибся. Нет, великаны был безусловно синего цвета, но когда они подошли ближе, Скит увидел, что тело великанов буквально состоит изо льда. Настолько плотного, что лет не пропускал сквозь себя свет, оттого они и были настолько плотного синего цвета. Взглядом Истины было видно что ледяные великаны это порождение чистой стихии льда, награжденные разумом от Севера, и силой от Стужи. Это были очень опасные противники, с которыми никто из присутствующих не сможет справиться один на один.

— Фьёр. — позвал Скит северянина. — Сколько вы сможете продержаться против великанов?

— Недолго. — хмуро ответил Фьёр, повернулся к Скиту, и вздрогнул не ожидая увидеть изменившегося парня. — Еще и мы отойти от вас не можем.

— Малыш, ты сможешь закрыть от Стужи Фестиция? — спросил Скит Азалию. Те

ответила жалобным мявком. — Не переживай, моих сил хватит. — Лазурный барс посмотрела в глаза своему спутнику и кивнула. — Фьёр, идите к своим и скажите, что мне понадобится пару минут подготовки. После того как я подам вам знак, разбегайтесь с поляны. Только не забудьте Феста. — Скит кивнул головой на парня, которого уже примяла собой Азалия, и грела его своим мехом и аурой.

Фьёр неуверенно оглядываясь бежал к Харальду со словами, которые просил передать Скит. Харальд как-то хмуро посмотрел на сани в которых сидел медитирующий Скит, и что-то пробурчал себе под нос. Бьёрн подошел к предводителю северян, и положил ему на могучее плечо свою лапу:

— Доверься ему, дядька Харальд. — прорычал Бьёрн в своем медвежьем облиии. — Кэп еще сможет тебя удивить, поверь мне.

Ледяные великаны вышли на поляну и начали спускать варгов с повода, и формировать в руках длинные копыя изо льда, похожие больше на сосульки, нежели на одно из самых смертоносных орудий. Копье опаснее любого другого оружия из-за своей длины. Пока ты пройдешь мимо зоны атаки этого оружия в руках опытного воина, то пропустишь столько ударов, что вести бой уже будешь не способен. Мор, оставшийся без своих боевых техник, из-за не способности нанести урон, все равно не стоял в стороне. Он удивил северян своей техникой боя, нанося ощутимые удары Снежным варгам, и плавными движениями уходил от атаки оказываясь рядом с другим противником, атакуя уже его. Так Мор вроде и не убил не одного зверя, зато сильно их ослаблял, отвлекая от северян и подставляя варгов под смертельные удары воинов севера. Двигался Мор также как и его отец, когда сражался со Скитом, но только стиль боя неуловимо отличался от того, то привелось видеть Бьёрну и Скиту. Было видно, что Мор не только обучился семейному стилю боя, но еще и подстроил его под себя, под свои клинки серповидной формы.

В этот раз бой шел гораздо тяжелее. Энма больше не справлялся с тем, чтобы убивать с одного удара. Снежные варги были гораздо умнее и опытнее своих младших братьев, либо под руководством Ледяных великанов варги умнели в несколько раз. К тому же те звери, которые отращивали рога, что оказалось неожиданностью для Скита, умели пользоваться силой духа, и теперь к обычным атакам зверей добавилась стихия льда, с которой приходилось считаться если не хочешь лишиться конечности.

Первым из боя вышел Энма. После очередного пропущенного удара, Энма разъяренно взвыл, и его глаза стали изменять цвет с темно-карего на насыщенный янтарный. В глазах начало светиться безумие, но спустя мгновение в глаза вернулся разум, и тело Энмы начало корежить, принимая старый облик бритого налысо монаха Ву.

— Я больше не мог его сдерживать под контролем. — словно извиняясь произнес Ву подбежавшему к нему Бьёрну.

— Ты хорошо нам помог, теперь достоин отдыха. — сказал Бьёрн, и отнес монаха в сани, под защиту Азалии.

— Уводи всех с поляны. — приказал Бьёрну Скит открывая глаза. — Меня хватит на тринадцать секунд, больше я не смогу сопротивляться Стуже.

Бьёрн вздрогнул, глаза Скита были не человечески ярко зеленого, изумрудного цвета. Звериные вертикальные зрачки словно смотрели сквозь него, гораздо глубже, в самую душу. Белая как снег кожа с серыми, словно больными венами, говорила о том что Скит сейчас собрал огромное количество силы духа и готов все это выпустить наружу. Бьёрну стало не по себе возле того существа каким стал его друг, и здоровяк схватив в охапку монаха и

Фестиция, помчался прочь от Скита криками созывая всех уводить сани с поляны. К слову сказать, лоси запряженные в сани, во время боя не подняли панику, а лишь угрожающе опустили рога, оказывая, что просто так, доверенный им груз они не отдадут.

— Азалия, иди ко мне. Мне необходима твоя помощь. — Скит протянул руку, и Лазурный барс ткнулась в ладонь своим мокрым носом.

Скит залился легким лазурным свечением покрылся татуировками в виде пятен как у только что пропавшей Азалии. Его клыки удлинились и выглядывали из под нижней губы. После покрыл все свое тело лунным серебром, после чего стал еще больше похожим на Азалию. Ледяные великаны и варги оставшись один на один со Скитом бросились на последнего оставшегося врага. Небо над монстрами стало быстро темнеть, и над лесом раздался гром, набатом раздавшийся в сухом, обжигающе холодном воздухе Северных земель. Черно-белые молнии стали пробегать по телу Скита, с каждым мгновением их становилось все больше, накаляя воздух и атмосферу вокруг Скита. Молнии отделились от Скита, и на поляне появился барс состоящий из бело-черных молний, по указанию Скита начал бежать вокруг поляны окружая всех монстров мчащихся на Скита, и оставляя за собой стену из устрашающе трещащих молний. И когда монстры уже добежали до стоящего в центре круга из молний Скита, он произнес:

— Казнь.

Бьёрн бежал от поляны, скрываясь в лесу, как позади него начал греметь ужасный по своей мощности гром. А затем пошла волна уничтожающей все на своем пути. Волосы на голове стали дыбом и интуиция подсказала ему ускориться. Бьёрн шевелил ногами так, что казалось он скоро выбежит из своей одежды. Лоси не успевали бежать, и уничтожающая все волна энергии уже разъедала сани. Почувствовав, что груза больше нет, лоси в панике разбежались по лесу. Все закончилось так же быстро как и началось. Мертвая тишина оглушающе ударила по ушам и сначала Бьёрну показалось, что он оглох. Еще не веря в происходящее, он обернулся и посмотрел туда, от чего только что все они бежали. Огромный котлован находился в том месте, где совсем недавно кипел бой. В радиусе полукилометра не было ничего, кроме лежащих в центре котлована голой фигуры человека и огромной кошки.

— Твою мать. — безжизненным голосом произнес Харальд. — Ты где с этими безумцами связался, Бьёрн?

В себя Скит пришёл с ощущением сильной ломоты в мышцах, и затекших конечностей. Мех попадал в рот, глаза и нос. Закашлявшись Скит попробовал подняться, но потерпел неудачу, затекшие руки его подвели, и Скит просто неловко дернулся. Азалия, а это её мех укрывал Скита, недовольно зашевелилась, она всегда была недовольна, если ей мешали спать. Вот только Скит не собирался останавливаться и умереть задохнувшись под этой меховой тушей. Продолжив оказывать сопротивление, Скиту все же удалось разбудить Лазурного барса, и Азалия соизволила сдвинуться запуская свежий воздух под свой густой мех, Скит с громким вздохом втянул его в себя.

— Кха... Кха... — закашлялся Скит, горло саднило так, словно его наждачной бумагой натерли. Скит закашлялся, морщась от боли.

— Очнулся. — раздался женский голос рядом. — А ты и правда подтянул свой навык лечения, Бьёрн. Правильно тебе Старейшина сказал отправиться в скитания по миру, ты сильно подрос, малыш Бьёрн.

— Так значит тебя все так называют? — несмотря на боль в горле Скит не смог промолчать, и подколот друга.

— Молчи лучше, иначе сам лечиться будешь. — скрывая радость в голосе пробасил здоровяк. — Благодарю за помощь, тетка Аслауг, твоя наука мне пригодится.

— Учиться проще, когда тебя учат, а не самому искать путь, не правда ли? — улыбнулась женщина со светлыми волосами, и вышла из комнаты в которой стояла больничная койка Скита.

Назвать больничной койкой того монстра, на котором лежал Скит было нельзя. Скит чувствовал себя маленьким ребенком, который уснул в кровати родителей. С другой стороны, а какие еще должны быть кровати у этих великанов, рядом с которыми Скит выглядел маленьким подростком?

— Где мы? — спросил Скит сияясь подняться на локтях, но руки не удержали его, и Скит упал на подушку.

Это ему сильно напоминало первые дни, когда он очнулся в доме целительницы Лады. Правда тогда он был более слаб, нежели сейчас и даже ложку сам держать не мог. Азалия легла на пол у печи, свернулась клубком и прикрыла глаза, делая вид, что спит, но подрагивающие уши выдавали ее.

— В Сногарде, мы вчера добрались сюда. Ты три дня провел без сознания, и все это время твоя кошка провела рядом с тобой, согревая тебя и никого не подпускала. — услышав такое обращение в свою сторону, Азалия потянулась выпуская когти, снимая стружку с деревянного пола, и зевнула показывая острый набор клыков, после чего посмотрела в глаза здоровяка, как бы показывая, что ему грозит и снова легла спать. — Твой благородный барс. Только когда мы занесли тебя в дом, я смог подойти и привести тебя в чувство. — ответил Бьёрн, немного отодвигаясь от барса.

Скит закрыл глаза. Три дня. Три дня ему пришлось потратить, что восстановиться после всего одного удара. Все же тело и дух Скита еще не готовы для пропуска такого объема силы через себя. В тот раз Скит увидел истинный вид ауры Севера, вид который и навел Скита на понимание того, как справиться со Стужей. Как воспользоваться той силой, которая буквально разлита вокруг, и которой почему-то никто не пользуется. Север не замораживал

душу намеренно, он проникал сквозь врата вместе с проходящей по ним энергией, оттого душа и замерзала. Северяне согревали эту замерзшую энергию горячими эмоциями, но для этого они держали свои врата немного приоткрытыми, пропуская крохи энергии в свою душу, отчего они сильно теряли в своей энергии, тратя много сил на согрев своих пяти врат души. Скит нашел другой способ. Более сложный, но и получать силы от Севера можно было гораздо больше. Он понял Север, и понял чего Север добивается. Север хотел сделать своих детей сильнее, и поэтому постоянно испытывал их. Как только сын или дочь Севера подстраивались под его ауру, Север усиливал свое давление на их дух. Скит не считал, что Север это некое живое существо, скорее им кто-то управлял, и этот кто-то мог быть только один...

— Ты меня слышишь? — громко произнес Бьёрн. Видимо он уже не первый раз что-то говорил Скиту.

— А? — Скит не стал делать вид, что слушал здоровяка. — Прости, я задумался.

— Говорю, что сейчас тебе принесут специальный отвар, его делают наши целительницы. — повторил Бьёрн закатывая глаза. — Ты уснешь не надолго, а когда придешь в себя, то силы вернуться к тебе. А после с тобой хочет увидеться Старейшина.

— Зачем ему встречаться со мной? — задал вопрос Скит.

— Ты видел последствие своего удара? — Бьёрн увидел недоумение в глазах Скита, и вздохнув начал рассказывать. — На месте твоего сражения осталась воронка в земле диаметром в пол километра. От ледяных великанов и вожаков варгов не осталось ничего, их просто в пыль перетерло. Мы сами еле спаслись, твоя энергия мне даже каблук на сапоге расщепить успела. Я когда это увидел, даже подумал что Мор не выжил бы после такого, хотя и не уверен в том, эта заноза в заднице вообще не убиваема.

— Сани целы остались? — напряженно спросил Скит. Ему сейчас меньше всего хотелось оставить целый город без хлеба.

— Раньше и меньше привозили. — безмятежно махнул рукой Бьёрн. — Люди вернулись целы и невредимы. Это главное. В мясе мы вообще никогда трудностей не испытывали, а овощи следующий обоз привезет.

— Почему мне так легко дышится? — Скит прислушался к себе и понял, что не испытывает проблем с холодом. даже наоборот, ему было немного жарко.

— Мы в городе. — как само собой разумеющееся ответил здоровяк, но увидев непонимание в глазах Скита пояснил. — А как бы наши дети выживали после рождения? Аура всех детей Севера покрывает город и не дает Северу заморозить душу. Да и Старейшина очень силен, он прогоняет Стужу.

— А как имя вашего старейшины? — вновь спросил Скит.

— Мне порой кажется, что он уже и сам не помнит этого. — хохотнул Бьёрн. но тут дверь распахнулась и в дом вошла та женщина, голос которой Скит слышал при пробуждении. Аслауг, кажется.

Женщины северян не уступали мужчинам в росте, хоть и не имели такой горы мышц, как у воинов. Но при этом их нельзя было назвать худыми. На Севере вообще худым нельзя было выжить. Мороз вынуждал иметь немного лишнего веса, чтобы согреваться. Но при этом женщин нельзя было назвать толстыми, Скит смотрел на Аслауг и признавал, что ее фигура имела ту приятную полноту, которая делает женщину милой, не уродуя ее до неповоротливости. Густой белый волос был заплетен в косу, весящую вдоль спины. В руках она несла кружку с чем-то терпко пахнущим.

— Надеюсь вы не заставите меня это пить? — спросил Скит, сам не веря этим словам.

— Если бы можно было восстановить поток энергии духа и при этом получать удовольствие, то мужчина не отличался бы от девки. — ответила целительница, и протянула покрасневшему Скиту кружку.

То как легко его смутила Аслауг, заставило Скита залпом выпить зелье из кружки, что там было налито. Горький и жгучий отвар оставил после себя неприятный вкус трав и чего-то елового, что заставило Скита скривиться от вязкого и терпкого послевкусия.

— А если бы мужчины не боялись своей слабости, то лечить их было бы куда сложнее. — улыбнулась Аслауг и вновь покинула дом.

Скит понял, что над ним издеваются, но веки уже стали тяжелыми и Скит вновь уснул. Проснулся Скит как-то резко, словно просто моргнул. Все то время, что он проспал, Скит не заметил. Сна не было, он просто пробыл в беспамятстве и пришел в себя полон сил. Руки больше не были так слабы, и Скит с легкостью встал на ноги оглядываясь в поисках своей одежды. Азалия услышав, что ее спутник пришел в себя поднялась, подскочила к Скиту начала тереться головой о его плечо. Лазурный барс выросла достаточно крупным зверем, и теперь уже Скит на ее фоне казался маленьким. Видимо Азалия тоже видела разлитую силу, и активно потребляла её для своего развития.

— Что морда, переживала за меня? — радостно проговорил Скит и обнял Азалию, целуя ее в лоб. В ответ получил кучу эмоций радости и переживаний за то, что ее спутник слишком слаб и чуть не убил себя своей же техникой. — Не переживай, малыш, что нас не убивает делает нас только сильнее. В следующий раз мы с тобой уйдем на своих ногах.

В ответ Азалия лизнула Скита, и отошла к печке, давая Скиту все же одеться. Свою одежду Скит так и не нашел, но рядом с кроватью лежали аккуратно сложенные вещи, сшитые на северный манер — кожа с меховой оторочкой, вдоль застежек имелась вязь узора из северных рун. Дверь распахнулась и в дом вошла Аслауг, застав Скита натягивающим штаны, и заставила его покраснеть уже третий раз за день.

— Ой, как будто первый раз перед женщиной стоишь. — улыбнулась целительница. — Ведешь себя как юнец. Собирайся, тебя уже заждались, в доме ярла празднество проводят в вашу честь и возвращения малыша Бьёрна.

Скит вышел на улицу и уже готовился к тому, что опять начнёт замерзать, но сильно удивился тому, что этого не произошло. За дверью все также стояла зима, но не такая лютая, о которой замерзали тело и дух. Мороз по-доброму щипал щеки, нос и мочки ушей, солнце отражалось от белого, свежее выпавшего снега, и слепило глаза. Скит с удовольствием подставил лицо морозу и прикрыл глаза от удовольствия. Азалия вышла на улицу вслед за своим спутником и уселась на снег поставив свои передние лапки на свой хвост. Впервые за долгое время Скит увидел то, что посчитал красивым. Всего один миг, и он полюбил Север, увидел его красоту, не желал бороться с ним. Приятный холод пробежался по телу Скита, Север почувствовал мысли своего гостя и ответил ему взаимностью, обещанием дружбы. Было еще что-то в этих легких, заигрывающих прикосновениях. Словно Север впервые встретил собеседника, и просил еще поговорить с ним.

— Чуть позже мы с тобой еще встретимся. — улыбнулся Скит.

Азалия ткнула Скита лбом в поясницу, подталкивая его в сторону дома откуда шел шум веселья, словно немного ревнуя, что Скит нашел себе нового безмолвного друга.

— Иду-иду, ревнивица. — засмеялся Скит, и направился на всеобщий праздник в самом большом доме.

Появление Скита на празднике осталось незамеченным. В зале играла музыка, которая сначала казалась какофонией звуков, но довольно быстро Скит почувствовал ритм музыки, и теперь она звучала гораздо мелодичнее. Все стояли в круге и что-то кричали смотря на двух стоящих в круге бойцов. Скит подошел ближе, но увидеть ему ничего не удалось. Уже в который раз Скит почувствовал себя подростком среди взрослых людей, он достигал своим ростом не выше чем по грудь северянам, а некоторым и вовсе по пояс, и стоящие плотной стеной эти великаны не оставляли ему и шанса для того, чтобы увидеть кто вызывает такой веселый кураж у всех присутствующих. Посмотрев на Азалию Скит ударил себя по лбу за глупость, и начал шагать вверх, создавая под собой небольшие облачка, Лазурный барс не отставала от своего спутника, и стала подниматься вместе с ним.

В центре импровизированного круга боролись два северянина, Бьёрн и незнакомый ранее Скиту воин. Бьёрн ростом доставал по грудь своему сопернику. Так же в этом кругу находились и музыканты, которых услышал Скит при входе в дом. Они играли на каких-то струнных струнных инструментах, и двух барабанах, один большой, размером с того северянина, который бил в него двумя большими палками, другой северянин ладонями бил в небольшой барабан, зажатый коленями. Бьёрн и второй воин словно подстроились под эту музыку и двигались в ритме задаваемым музыкантами. Они были в человеческом облике, используя только собственные силы. На поясах были повязаны широкие кушаки, за которые борцы держали противника и пытались повалить друг друга на землю. При этом показывая чудеса ловкости и изворачивались, если так случалось, что противник одерживал верх и почти ложил на лопатки. На очередном выпад Бьёрна, его противник хитро проскользнул под руками Бьёрна и подхватив его за пояс, дернул на себя. Бьёрн запнулся о подставленную ногу и не устоял, падая на пол и коснулся его спиной.

Раздался громогласный крик, как разочарованных, так и обрадованных проигрышем Бьёрна. Соперник протянул Бьёрну руку, и он обхватив предплечье поднялся. Они обнялись и радостно что-то выкрикивая, в общем шуме разобрать было невозможно, вышли из круга. Все стали расходиться, рассаживаясь обратно за стол. Соперник Бьёрна сел во главе стола, налил в свой кубок из рога какого-то животного что-то пахнущее медом и хмелем и поднял его над головой.

— Выпьем за Бьёрна! Из моего дома ушел медвежонок, неспособный на защиту своего дома, но вернулся матерым медведем, который чуть не уложил на спину своего отца! — после приложился к кубку, а за ним и все присутствующие. После того как кубки опустели, с громом поставили их на стол.

— Я бы хотел поднять кубок за людей, которые помогли мне на моем пути. — поднял кубок Бьёрн. — Мы многое пережили вместе, их личный пример и наши совместные трудности проложили путь под моими ногами, который и привел меня в отчий дом. Друзья, этот кубок пью за вас!

— Ваш Скит так и не пришел в себя? — задал вопрос, как оказалось, отец Бьёрна. — Уже давно должен был проснуться.

— Он давно здесь. — ухмыльнулся в усы Бьёрн, и указал пальцем на лежащего под крышей на облаке Скита со своим барсом.

Удивленные взгляды северян сошлись на Ските. Привыкшие к тому, что нет никого выше них, великаны совсем не смотрели на вверх, оттого и не заметили продолжительное время наблюдающего за ними Скита.

— Представишь нас? — прервал установившееся молчание отец Бьёрна.

— Отец, это Скит. Капитан нашего корабля, на котором мы прибыли. — улыбаясь начал представлять Скита всем присутствующим. — Кэп, знакомься, это мой отец, ярл нашего Сногарда — Тюр.

— Рад познакомиться, ярл Тюр. — Скит спрыгнул с облака на пол и пожал протянутое предплечье Тюру.

Хотя сказать "пожал" было слишком преувеличено. Рука Скита по сравнению с рукой Тюра выглядела ветхой веточкой рядом с могучим дубом. Тюр в свою очередь обнял не предплечье Скита, а почти всю руку, пока Скит просто приложил свою ладонь к руке Тюра, пытаться ее пожать не было и смысла. Поняв всю комичность ситуации, они довольно быстро прекратили приветствовать друг друга, и Тюр вернулся за свое место во главе стола, а Скиту приветственно замахали его друзья, призывая сесть рядом.

— Кэп! — закричать Фестиций. — Иди к нам! Мор и Ву уже весь мед выпили!

Азалия тоже спрыгнула на пол, к ней подбежали дети, начал гладить и пытаться угостить сладкими булками. Лазурный барс прикрыла глаза и подставляла голову под детские ласки, радостно урча. Дети были в восторге от большой кошки, и подбегали к родителям с просьбой завести дома такую же. Пир же продолжился с утроенной силой. Играла музыка, кто-то пел, как показалось Скиту, балладу о боге-медведе. Вот Фест вышел в центр зала и начал танцевать подстраиваясь под музыку. Северяне начали выбивать ритм стуча кубками по столу, подыгрывая Фесту и его танцу. Вскоре к танцующему Фестицию стали присоединяться девушки выходя в центр зала и кружа в танце. Девушки брали воинов и выводили их, чтобы присоединится к танцу. Кто-то пытался подойти к Скиту, но лежащая рядом Азалия угрожающе показывала зубы, и желающие позвать Скита тут же пропадали.

А после, как-то незаметно все стали расходиться. Кто-то парами, кто-то в одиночестве, хотя таких и было меньше, дети Севера расходились по домам, уединяясь и выпускали разгоряченный разум, даря любовь тем, с кем ушли с пиршества. И вот еще недавно гремевший радостью и весельем дом опустел, оставляя Скита и Азалию в одиночестве. Уставшая от шума, детей и нападков на своего спутника, Азалия уснула положив голову на колени Скита, а тот задумавшись о чем-то своем, нежно гладил Лазурного барса между ушей. Но отдохнуть от всего им так и не удалось, потому что в дом вошла Аслауг.

— Отдыхаете? Неужели наше празднование настолько утомительно для южан? — с какой-то не понятной интонацией, толи издеваясь, толи искренне, спросила она.

— На Севере вообще ничего не дается легко. — с легкой улыбкой ответил Скит.

— Привыкнешь. — как-то слишком серьезно ответила Аслауг, и немного подумав о чем-то своем помахала Скиту рукой зовя подойти. — Тебя Старейшина зовет, хочет поговорить с тобой.

— Ну раз зовет, что почему бы не поговорить. — пожал плечами Скит и встал на ноги. Азалия мгновенно проснулась и пошла вслед за своим спутником.

До дома Старейшины шли молча. Аслауг была не разговорчива, а Скит оглядывался по сторонам и разглядывал город. На улице стояла ночь, и Сногард выглядел волшебным, словно в сказке. Под светом звезд и луны, снег переливался под ногами, а хруст под ногами навивал легкую грусть. Мороз слегка щипал щеки как-бы напоминая, что нельзя расслабляться и забывать на чьей земле ты находишься. К дому Старейшины подошли быстро, он стоял не далеко от дома в котором проводилось празднование в честь вернувшегося Бьёрна. Аслауг молча указала на дверь, но сама заходить не стала. Скит открыл дверь и оказался в плохо освещенном доме, остановился, давая глазам привыкнуть к полумраку.

— Заходи, не стой в дверях. — прозвучал громкий и твердый голос.

Ожидания Скита не оправдались и Старейшина оказался не дряхлым стариком, а крепким мужчиной, телосложением не уступавший Тюру, отцу Бьёрна. Хотя все же разница в возрасте была видна сразу. Голова седая настолько, что казалась белой как снег, лицо испещрено шрамами и морщинами, а в глазах виднелись века сражений, не знавших мирной жизни. Такие глаза в которых виднелась древность и вековая мудрость Скиту еще не приходилось видеть, это восхищало и пугало одновременно. И незаживающая рана, боль которой не может заглушить ни одна, даже самая страшная рана, ведь это рана была глубоко в душе старого воина.

— Чего замер? Неужели человек, который одним ударом уничтожил десяток Ледяных великанов, а вместе с ними и полкилометра моих земель, испугался простого старика? — с насмешкой произнес хозяин дома.

— До простого старика тебе так же далеко, как и мне до бога. — поборол оцепенение Скит.

В ответ на его слова Старейшина внимательно посмотрел на Скита, а затем задумчива произнес:

— Гораздо ближе, нежели ты сам думаешь. — сказал Старейшина, и замолчал ожидая чего-то, но после пары минут молчания недовольно проговорил. — Там откуда ты родом, не принято представляться, чужак?

— Об этом я не помню. — пожал он плечами. — Меня зовут Скит.

— Я не спросил как тебя зовут. — не согласно покачал головой хозяин дома. — Как твое имя?

— Я же сказал... — начал говорить Скит, но его перебили.

— Так тебя называли когда нашли. — произнес Старейшина. — Но как звучит твое имя?

— Моё имя? — задумчиво произнес Скит — Я его не знаю, ничего не помню о своей прошлой жизни.

— Лжешь. — резко сказал старик, повышая голос. — Ты отказываешься вспоминать!

— Я не помню! — повысил голос Скит.

— Это ты так думаешь. — вновь спокойно произнес Старейшина. — Я смотрю у тебя трубка имеется. Хороший табачок уважаешь?

— А как же! Вот только не успел себе приобрести, поэтому ничем угостить не могу. — развел в стороны руки Скит.

— Не страшно. Угощу тебя своим. — и немного понизив голос, заговорщически произнес. — Я его сам выращиваю, приходится тратить немного сил на это, поэтому температура на улице на пару градусов ниже.

После он развернулся и взял откуда-то из тени мешочек с приятно пахнущим табаком, следом достал курительную трубку и начал ловко набивать табаком. Протянул мешочек Скиту, и тот взял из мешочка, показавшемся Скиту небольшой сумкой, небольшую щепотку приятно пахнущего табака, и набил свою трубку. Старейшина приложил палец к трубке и табак задымился. Увидев удивленный взгляд Скита улыбнулся и произнес:

— Хороший фокус. — начал разъяснять увиденное Скитом. — Никто из моих детей не обладает сутью стихии огня. но сырой силой можно заставить загореться бумагу или табак. Просто постарайся повысить его температуру, и сможешь высечь слабую искру.

Скит попробовал повторить то, что только что увидел, но пара попыток ни к чему не привело и Скит махнув рукой просто закурил от лучины. Табак и вправду был хорош, от

долгого воздержания от табака, голова слегка загудела, и Скит прислонился к стенке, присесть ему так и не предложили, а потому Скит так и остался стоять на ногах. Но гул в голове так и нарастал, стоять было все тяжелее, комната пошла кругом и Скит упал на колено.

— Крепкий у тебя табак, старик. — попытался проговорить Скит, но смог выдать из себя только мычание.

— Нет, это ты для моего табака слишком слабый. — непонятно как Старейшина понял, что ему пытался сказать Скит. — Ну как? Вспоминаешь как твое имя? Нет? Ну тогда затянись еще. — сказал Старейшина, и выдохнул сизым дымом в лицо Скиту.

Табачного дыма оказалось так много, что Скит перестал видеть даже пол, к которому его с такой силой клонило, но он сопротивлялся и старался встать на ноги, но его борьба оказалась бесплодной, и Скит все же столкнулся с полом и потерял сознание.

После своего ухода от старой Хельги прошло три дня. Отец Александр нашел подходящую для его целей поляну, находящуюся на возвышенности с деревом в самом центре, и начал рубить растущий в центре поляны дуб. Раньше чтобы срубить дерево, отец Александр не прикладывал сл, но на Севере он потратил почти три часа, чтобы могучий дуб сдался и завалился на бок. После инквизитор провел день за тем, что нарубал дуб на дрова и занялся охотой. Он без особого труда, ярость сжигающая его изнутри не пропускала Стужу к душе инквизитора, выслеживал, ставил силки на и ловушки на зверей.

Отец Александр укладывал тушу пойманного зверя на пень и перерезал ему горло, зажигал у пня огонь, и пока огонь горел, инквизитор вставал на колени и взывал к Светлоликому Тиморию, призывая его на Северную землю. Понемногу на поляне становилось теплее, аура Севера ослабевала. С каждой минутой проведенной отцом Александром за молитвой, с каждой каплей пролитой на импровизированном алтаре, бог света Тиморий приближался к Северной земле все быстрее.

Спустя неделю безустанных молитв и жертвоприношений, на поляне наступила весна. Снег начал таять, вокруг пня робко начала пробиваться трава. Но даже это невероятное зрелище не смогло отвлечь инквизитора от его занятия. И вот спустя еще две недели молитв, отец Александр, коленями стоящий на ковре из травы, наконец услышал голос своего бога-покровителя:

— Ты справился, воин мой! — отец Александр услышал мягкий голос у себя в голове.

— Светлоликий Тиморий! — воскликнул инквизитор, он даже и не сомневался, что Тиморий ему не ответит.

— Расскажи мне, ты готов встретить эту безобразную тварь, что своим существованием портит наш мир? — раздался вопрос в голове отца Александра.

— Светлоликий Тиморий, прости мою слабость, но Север оказался слишком опасен, мы к нему оказались не готовы. Я чуть не умер в первые минуты своего прибывания. Благо, что одна сумасшедшая старуха мне помогла. — говоря со своим богом-покровителем отец Александр низко склонял голову и смотрел в землю. — Мне одному не справиться, если его встретят сыны Севера. Повелитель, мне необходим корпус инквизиторов.

— Я услышал тебя, воин мой. Но это не поможет тебе, ведь на твоих братьев также будет действовать аура Севера. А моя власть не распространяется по всей земле на Севере. Но не спеши унывать, ведь есть способ укрепить мою власть на этой земле. В течении того времени, пока корабли с вторым корпусом твоих братьев будут добираться до Северной земли, ты должен поставить еще четыре алтаря в каждую сторону света от нынешнего. Тогда я смогу придти на землю медведя и защитить вас от его замораживающего отчаяния. А теперь ступай, у тебя не так много времени. Мерзость называющая себя Скит уже вылетела от земель Ан'Гасиоха и через пару недель будет здесь.

Отец Александр почувствовал, что покровитель покинул его, а потому он встал с колен и не опасаясь, что в его отсутствие кто-то разрушит поставленный алтарь, ведь эта поляна на холме теперь принадлежала Светлоликому Тиморию, пошел выполнять выданное ему задание. А за его спиной остался излучать тепло и свет ужасающий своим видом, сложенный из костей разных животных, алтарь.

Я вновь оказался возле того придорожного кафе. В последний месяц я появляюсь тут чаще, чем у себя дома. Но отказать себе в удовольствии побеседовать с этой живой и яркой девушкой, я больше не мог. Я затушил сигарету и немного постоял на улице, чтобы неприятный для нее запах табака выветрился. Она всегда морщилась, если чувствовала запах моих дешевых сигарет, и хоть ее лицо не переставало быть все таким же милым, мне не хотелось доставлять ей неудобства.

Приятный звук колокольчиков известил всех о моем прибытии. После убийства практически на пороге этого кафе, посетителей тут стало гораздо меньше, а если говорить точнее, то вообще никого. Но по моему приказу здесь всегда дежурили двое патрульных, оснащенные амулетами экранирующие любое ментальное заклинание. Но как только я пересек порог, то замер уронив на пол букет из свежих цветов, так созвучных с ее именем. В кафе был погром, и от прошлого лоска ретро-кафе не осталось ни следа. Смятые и переломанные тела двух сержантов лежали на полу, словно мешки с мясом.

— ...! — прокричал я ее имя, но мне никто не ответил.

Я метался по кафе в надежде, что она все же сумела спрятаться, но все было тщетно. Кровь уже покрылась коркой, а значит нападение прошло несколько часов назад. Остановившись, я достал сигарету и закурил постепенно успокаиваясь. Глубоко вдохнув сизый дым я осмотрелся, надеясь найти хоть что-то, что может навести меня на мысль, куда мог направиться этот ублюдок. Выкурив сигарету, я наконец сообразил и взял взяв рацию с одного из двух бесформенных тел, в которые их смяла неизвестная мне сила, я обратился в штаб.

— Координатор. — начал я доклад, — Совершенно нападение. Оберегаемая номер три потеряна. Возможно... — на этом моменте я запнулся, — возможно уже над ней проводится ритуал. Оба сержанта изломаны, и не подают признаков жизни.

— Информацию принял. — раздался трещащий голос из рации. — Оставайтесь на месте, отправляю к вам группу поддержки.

Ну конечно. Оставайся на месте. Никуда не уходить. Что еще мне могли сказать? Я запустил руку себе за рубаху и снял с себя цепочку со своим значком детектива и положил его на стол. Помимо опознавательного знака, он нес в себе еще и функцию, полностью защищая от любого темного заклинания и проклятия. При моей работе вещь первой необходимости. Но сейчас он мне только мешал, ведь он также не позволял мне обратиться к этой темной стороне магии. А я не зря потратил два десятка лет на поимку темных магов, и выучил некоторые их приемы. Вот только за использование заклинаний на крови мне грозит потеря должности и лишение свободы в той же тюрьме, куда я засаживал ублюдков, которых поймал за все время своей службы. Но разве это проблема, если я не смогу спасти ее?

Взяв нож на кухне, я распорол себе предплечье, и на забытом языке шаманов степей начал обращаться к гуркхам, большим любителям людской крови. Язык с трудом поворачивался выговаривая эти грубые и рубленные слова, которые не принадлежали нашему миру. Струя моей крови перестала литься на пол, пропадая где-то по пути к нему, что говорило, гуркх услышал и явился на мой зов. Самого гуркха не было видно, это существо иного измерения, человеческий глаз не способен увидеть и осознать его.

— Зачем ты призвал меня, Чужак? Ты не шаман степей. — раздался шепот у меня над ухом.

— Не задавай тупых вопросов, тварь. Ты все узнал из моей крови. — гуркхов нельзя

просить, иначе он получит право на то, чтобы еще испытать твоей крови, либо полакомиться твоими органами.

— Я люблю когда мне озвучивают, что от меня хотят, Чужак. — гуркх за моей спиной захихикал, его смех звучал как лист сминаемой бумаги.

— Меня не волнует, что ты там любишь, гуркх. Ты прекрасно знаешь, заем я нарушил все клятвы, так что выполняй свою работу!

— Умный. Не люблю умников. — прошептал гуркх. — И грубый. Я запомню это, Чужак. Пусти меня к своим глазам.

После того как гуркх получил от меня разрешение, мне показалось, что кто-то впился пальцами мне в глаза, и начал их там прокручивать. Не выдержав, я закричал от боли и упал на пол, глаза перестали видеть, я не понимал то происходит.

— Кричишь как девка. — вновь над ухом смех гуркха. — Раньше шаманы были гораздо сильнее. Мы спокойно съедали их органы, но они не издавали и слабого стога, а некоторые из них и вовсе испытывали наслаждение.

— Заткнись, мерзость. — поморщился я, после того как прошла боль, я перебил поток слов из пасти гуркха. — Меня не интересует с теми, кого мы перебили много веков назад.

Я посмотрел на мир новыми глазами, которые мне дал гуркх. Он больше не имел тех цветов, что я видел раньше. Более тусклый, не полностью серый, но близкий к нему. Меня больше не интересовало, кроме отчетливых алых следов крупных ног на полу. Именно ног, а не следов от обуви. Почему это работало таким образом я не понимал, но сейчас меня это не интересовало, ведь я нашел свою цель.

— Хочешь я скажу тебе, почему ты видишь следы босых ног? — зашептал мне на ухо гуркх.

— Я на это хер ложил. — грубо ответил я. Разговаривать вежливо с тварью, которая только что сожрала мои глаза, я не собирался.

— ... - раздалось мое имя в рации. — Ваш значок зафиксировал призыв темной твари. В связи с тем фактом, что ваш значок сигнализирует о том, что его сняли, приказываю вам оставаться на месте.

— Как будто я сам законов не знаю. — пробурчал я, и больше не задерживаясь пошел по следу этого грязного ублюдка.

Следы вывели меня из кафе с черного входа, и уходили дальше в небо. Пришлось возвращаться к своему глайдеру, но перед тем как сесть, я задумался.

— Хочешь скажу, будешь ли ты видеть его следы на скорости своего летного устройства? — зашептал у меня над ухом гуркх.

— Я хочу чтобы ты заткнулся. — отрубил я все попытки твари обмануть меня и съесть еще один мой орган.

Я сел в глайдер, закрыл дверь, но перед тем как завести двигатель, я открыл бардачок и достал свою фляжку. Не удачный день я выбрал, чтобы бросить пить. Ополовинив фляжку, я запустил двигатель и направил его к тому месту где оставался висеть в воздухе алый след ноги. Хоть я и опасался, что сидя в глайдере мне не будет видно следов, но как только я вернулся, то отчетливо видел куда ведут следы похитителя. Чертова тварь хотела мусор обменять на часть моего тела. Потому гуркхи и считались самыми опасными из призванных тварей, неопытный или глупый призыватель мог быть съеден гуркхом за четверть часа, просто ведясь на его провокационные вопросы.

Лететь по следам ублюдка пришлось долго, с каждой минутой лететь становилось все

тревожнее. Я чувствовал, что критически не успеваю спасти девушку. Меня успокаивала только одна мысль, подготовить пентаграмму заранее нельзя, и он должен заниматься этим прямо сейчас. Красные следы мужчины привел меня на старый заброшенный завод обычных автомобилей, тех времен когда они даже летать не могли. Я опустил глайдер на землю и осторожно, оглядываясь по сторонам в поиске направления где мог проводить свой обряд этот ублюдок, начал входить на территорию заброшенного завода. Красные следы пропали как только я ступил на землю завода. Я хотел начать возмущаться, но вовремя прикусил язык, вспоминая кто находится у меня за спиной.

— Умный. — мерзко зашелестел смех гуркха над моим ухом. Проклятая тварь вкусившая моей крови знала о чем я думаю.

— Заткнись. — огрызнулся я.

Я резко дернулся, услышав монотонный напев где-то слева в коридоре. Не медля ни секунды я бросился на звук, на бегу доставая из заплечной кобуры револьвер. Мне не обязательно было убивать его, достаточно прервать проводимый им обряд, сбить с темпа чтения этих inferнальных стихов. Я увидел силуэт мужчины, стоящего ко мне полубоком и обнаженную девушку, лежащую внутри пентаграммы с разведенными в стороны руками и ногами. Таким образом ее голова, руки и ноги лежали в стороны каждой вершины звезды, выведенные неизвестными письменами на бетонном полу.

— Советую тебе заткнуться, и прервать свой призыв, либо я сам заставлю тебя замолчать прерывая твою жизнь. — я навел револьвер на голову этого ублюдка.

Но к моему удивлению, он даже не дернулся, просто направил раскрытую ладонь в мою сторону и сжал ее в кулак. Меня подняло в воздух, а я потерял возможность шевелиться. Я оказался полностью парализован, и не бл возможен даже на то, чтоб моргать. Я висел в бессилии что-то сделать, смотрел как этот ублюдок читает на певучем наречии слегка раскачиваясь. Он был сосредоточен, не сбивался ни с единого слога, словно делал это каждый день. Самое обидное, что у меня была действенная защита от его заклинания, но я сам от нее избавился оставив свой детективный значок в кафе. Ублюдок начал повышать голос, и я понял что обряд подходит к концу. Ярость накрыла меня, а над моим ухом снова раздался ехидный голос:

— Ты застрял. — радостно утвердил он. — Ну что, умник, ты все еще будешь грубить, или обратишься к тому, кот может тебе помочь?

Если бы я мог, то я зарычал бы от злости, но это гребаное заклинание блокировало абсолютно все мышцы в моем теле.

— Тебе достаточно подумать о том, что ты согласен, я же испил твоей крови, Чужак, я слышу твои мысли. — продолжал шептать гуркх явно понимая, что у меня нет другого выбора кроме того, как согласиться. — Смотри, — еще ехиднее зашептал гуркх, — он замолчал и уже заносит какой-то ржавый осколок меча, у тебя не будет лучшего момента. Вот и молодец, в этот раз я возьму твою почку.

Время словно замедлилось, я чувствовал как мою почку поедают заживо. Плевать. После призыва гуркха я бы все равно долго не прожил, эти твари до конца жизни призывателя висят за его спиной и шепчут, по-немногу ломая волю своей жертвы. Не дожидаясь того момента, как боль остановится я, разрывая мышцы руки, направил револьвер на ублюдка и выстрелил, но промахнулся. Вместо головы я попал в руку с осколком какого-то меча, призыватель выронил клинок яростно рыча от злости и боли.

— Как ты вырвался, законник? — бешено вращая глазами кричал он.

Только сейчас я задумался о том, что выглядел он слишком обычно, такого вообще ни в чем не заподозришь. После того, как моя почка была съедена гуркхом, мое тело наполнилось силой. Я сорвался с места, под моими ногами трескался бетонный пол, но к моему удивлению ублюдок, почти убивший девушку, не уступал мне в скорости, и с легкостью увернулся от оставшихся пяти пуль пущенных в его сторону.

— Лучше тебе не сопротивлялся, ублюдок. — прорычал я от смешения в своем организме боли и ярости. — Иначе вместо твоего ареста, я выпотрошу тебя также, как ты хотел сделать с ней. — я кивнул в сторону девушки.

— Обращайся ко мне с уважением, законник! — взвизгнул парень. — Я всего в одном шаге от становления богом! Меня зовут Симон, законник, запомни это! Я избавлю мир от той грязи, что пачкала все светлое в этом мире, которая превращала невинных дев в грязных потаскух! От той грязи, что мешала жить тем, кому не повезло родиться в богатой семье! Всем кто портил мне жизнь!

— Бог с таким смешным именем? — наигранно засмеялся я, чтобы вывести этого психа из себя, быстро перезаряжая револьвер.

— Зря смеешься, тебе все равно не увидать моего восхождения.

Симон сорвался с места, и побежал в мою сторону. Я не стал дожидаться нашего сближения, и всадил в него почти весь барабан, оставляя два патрона. Но вновь ни одна пуля в него не попала, ублюдок уворачивался от пуль, как от мух. Сблизившись со мной, он замахнулся осколком меча, я успел заметить, что место, куда попала моя первая пуля, уже заросло. Я резко дернулся в сторону, мышцы в ногах затрепали разрываясь от невероятной для них силы. Несмотря на полученную силу, мое тело оказалось не готово к таким нагрузкам. Гуркх вновь начал смеяться у меня над ухом, проклятая тварь все же провела меня вынуждая идти на новую сделку.

— Возьми еще один орган. — прошипел я, и гуркх радостно заурчал, втыкая свои пальцы в мое легкое.

Сплюнув кровь собравшуюся в горле я, не обращая внимания на дикую боль, от потери еще одного органа, отбивал удары психа. Поняв, что он больше не имеет превосходства в силе и скорости, Симон зарычал, отскочил от меня и выбросил вперед ладони, сдвигая их друг к другу словно собираясь издать хлопок ладонями, а меня словно прессом начали сжимать, кости трещали и угрожали сломаться. Не видя другого выбора я дал свое одобрение гуркху, и моя вторая почка была съедена. Усилием воли я сбил Симона с ног и выпустил в него последние две пули. Но в момент выстрела я увидел ехидную улыбку ублюдка, а в следующую же секунду он пропал с траектории полета пуль, но зато за его спиной появилась вставшая на ноги девушка. Девушка, которая вставала на ноги только для того, чтобы умереть от пущенных мною пуль.

— АХАХАХАХАХА! Тупой законник! — злорадно засмеялся Симон. — Хоте побороть бога? Ты?! Тупой наивный человечек! Для завершения обряда подойдет убийство любым оружием. Ты лично завершил его для меня. А теперь же смотри на рождение нового бога! — после этих слов из его сины стали появляться какие-то мерзкие наросты.

Вот только я не слушал речь этого психа. Я смотрел как медленно на пол падает единственный дорогой мне человек, в этом чуждом для меня мире. И что самое ужасное, даже сейчас в ее глазах не было злости или обиды.

— Ты сделал это случайно. — прошептала она и ее глаза потухли, жизнь покинула их. Ее последние слова были утешением, но мне это не помогло и чувство вины разрывало мою

душу.

— Забери все, но дай мне пять минут абсолютной силы. — спокойно сказал я гуркху за своей спиной. Я больше не видел смысла жить, но убить одну тварь я все еще успею.

Радостный ублюдок безудержно хохотал, его тело изменялось, он больше не бл похож на человека, это было чуждое нашему миру существо, описать которое мне никогда не хватило бы фантазии. Я сорвался с места и ударом кулака откинул эту тварь в стену. Он с удивленным выражением лица встал на ноги, вправил свернутую челюсть на место и проговорил:

— Как ты посмел ударить бога?! Ты! Червь! Ты никто! Но гордись, ты будешь первым с кого я начну очищать этот мир!

Вот только я не собирался с ним разговаривать, я вновь бросился на него нанося ему удары с невероятной скоростью, и хоть обороняться от моих ударов ублюдок не усевал, но сломанные кости срастались мгновенно.

— Тебе его так не убить. — зашептал гуркх. — Отдай мне его органы.

— Как мне это сделать? — спросил я.

— Сожрать их конечно же. Твой желудок тоже теперь принадлежит мне, а значит и то что ты съешь. — прозвучал ответ гуркха, и последовавший за ответом смех.

Вот только смутить меня было невозможно, потому что все чего я желал — смерть этой твари. Двумя ударами я пробил грудь молодого бога, и начал жрать его легкие. Меня мало волновало, что гуркх получает могущество, которое ему никто и никогда не дал бы. После моей смерти он вернется в свой мир, и чем он там будет заниматься это его проблемы. Вырвав сердце из груди Симона, я с яростью начал жрать его. Ублюдок кричал и визжал от страха от страха и боли, но сделать ничего не мог, гуркхи сильнейшие темные существа, и чем больше он сожрал, тем больше он давал силы. Симон замолк и перестал шевелиться, жизнь покинула его, когда он так и не успел стать богом.

У меня оставалось меньше минуты, я развернулся ии направился в сторону убитой мною девушки. Я лишил ее жизни, только я виноват в ее смерти, чтобы она мне не говорила. А я даже прощения у нее попросить не мог. Я подошел, сел на бетонный пол и прижал к себе груди окровавленными руками. Слезы текли из глаз, собирали кровь с моего лица и на девушку падали уже кровавые слезы. Злость и ярость не уходили после смерти Симона, ведь зол я был только на себя. Я рычал, крошил свои зубы от злости. Чертов бог этого проклятого мира! Почему ты позволяешь совершать подобные убийства? Почему подобные твари вообще появляются на свет? Ублюдочный создатель, ты не достоин людей, ты не достоин тех, кто поклоняется тебе! Ты должен сдохнуть также, как и эта ни в чем не повинная девушка! Мое время подходило к концу и только это меня радовало. Я слышал как на территорию завода прибыли глайдеры спец. подразделения, кто-то кричал мое имя, но жизнь уже покидала меня, я закрыл глаза и издал свой последний вдох.

— Ну здравствуй. — раздался насмешливый голос в пустоте, и я подскочил открывая глаза.

Я не сразу осознал где нахожусь. В моих руках не было убитой девушки, мои руки были чисты, без следов крови. Но самое главное, за моей спиной не было гуркха, и этот факт сбивал с толку. Гуркх мог оставить меня только после моей смерти, но я-то жив! Решив оставить это на потом, я осмотрелся вокруг. Я находился в какой-то библиотеке. Повсюду куда падал взгляд — стояли высокие стеллажи заполненные книгами. Книги были разных размеров: большие тома, которые можно было удержать двумя руками, и маленькие буклеты

на пару страниц.

— Все рассмотрел? — раздался насмешливый голос у меня за спиной. — Может уже развернешься? Не люблю когда ко мне стоят спиной.

Я резко дернулся и повернулся, отступая назад. Передо мной стоял стол со старинной печатной машинкой. За столом сидел рыжебородый мужчина в классическом костюме тройке, если говорить точнее, то пиджак висел на спинке кресла, рукава белой отглаженной рубашки были закатаны по локоть, его насмешливый взгляд изучал меня с любопытством, в руке он держал деревянную курительную трубку, изредка поднося ее ко рту и затягивался.

— Долго молчать будешь? — наконец заговорил он.

— А что я должен тебе сказать? — недоумевал я, с трудом приходя в себя. — Как я выжил? Почему пропал гуркх? Куда делась моя... — тут я запнулся не в силах ее имя.

— Как много вопросов, но ни слова о том, что ты говорил обо мне перед своей смертью. — интонация рыжебородого немного изменилась, и он всем своим видом показывал обиду, словно ребенок жалуется на то, что его обидел соседские дети.

— Да я тебя вижу первый раз, как я бы про тебя мог что-то сказать?! — удивился я.

— Неужели? — мужчина поставил трубку на стол, и достал из печатной машинки листок со свежим текстом. — Извольте, но у меня все записано, вот смотрите сами. — он театрально прочистил горло и начал зачитывать. — Чертов бог, этого проклятого мира, почему ты позволяешь совершать подобные зверства. Почему подобные твари вообще появляются на свет? Ублюдочный создатель, ты не достоин людей, ты не достоин тех, кто поклоняется тебе! Ты должен сдохнуть также, как и эта ни в чем не повинная девушка! — читал мужчина так, словно стоял на сцене театра, и выступал перед полным залом зрителей. Под конец мужчина смахнул не существующую слезу, и обиженным взглядом уставился на меня.

— Что?! — я все еще не понимал о чем он говорит. — Перед какой смертью? Я же ведь живой стою!

— А тебе обязательно быть живым, чтобы предстать пред Создателем?

— Пред Создателем? — я скептически посмотрел на мужчину за столом.

Не высокого роста, ниже меня на две головы, а значит он где-то сантиметров сто шестьдесят пять — сто семьдесят. Жилетка от костюма тройки с трудом сходились на его выпирающем животе, круглые очки на глазах и рыжая неопрядная борода. А также обычные, слегка уставшие зеленые глаза.

— Ты выглядишь как стразовой агент, но не как создатель всего сущего. — скептически ответил я.

— А как ты себе представлял меня? Существом из галактик, увенчанным бусами из сотни планет, держателем ключей от вселенского перекрестья? — мужчина так и сочился сарказмом. — Ты вообще читал священное писание? В каждом мире оно практически похоже. "И создал он человека по собственному образу и подобию".

— Допустим. — все еще сомневаясь, я кивнул головой. — Но я представлял загробный мир иначе, а не как библиотеку.

— О, это не загробный мир, — отрицательно покачал головой Создатель, — это мой рабочий кабинет. И это не библиотека, это созданные мною миры.

— И чем же я заслужил аудиенцию у самого Создателя?

— Ну как же. Ненавидящий весь мир угрюмый мужчина и наивная светлая девушка. Между ними начинается зарождающееся светлое чувство, но ее похищают, и мужчина идет

мстить. Мужчина жертвует собственной жизнью и убивает злодея. А потом они вместе погибают. Эта история повторяется с первого созданного мною мира, но каждый раз цепляет меня за самое сердце.

— А не многовато-ли для тебя одного миров? — я как-то быстро смирился с мыслью о том, что разговариваю с Создателем. — Я тут им конца и края не вижу.

— Ну как тебе сказать. — Создатель немного смутился и покраснел, словно школьник, который впервые показывает свою поделку. — Не все миры просуществовали долго, особенно первые мои миры.

— И ты успеваешь следить за каждым? — удивился я.

— Нет, что ты! — замахал руками и улыбнулся Создатель. — На такое даже я не способен. Однажды я устаю смотреть на один мир, и тогда создаю новый.

— Что?! — моему возмущению не было предела. — Ты просто бросаешь мир без просмотра? А кто тогда контролирует все, что происходит в мире?

— Никто. — Создатель пожал плечами. — Я создаю миры не для того, чтобы решать ваши проблемы.

— А зачем же тогда та создаешь миры?

— Чтобы вы жили. — ответ прозвучал слишком обычно. — Зачем вы всегда спрашиваете о смысле вашего создания? Я дал вам целый мир, возможность и правила жизни в нем. А вот наполнить свою жизнь смыслом вы должны сами. Ты, к слову, с этим не справился.

— Что? — от возмущения я даже дар речи потерял. — Я ловил тех, кто пытался развалить мир созданный тобой!

— И что в этом такого? — он достал небольшой буклет и раскрыл его. Взял со стола листок, который до этого зачитывал мне, вложил его в буклет. Тот с легким свечением вклеился в буклет, но его толщина совершенно не изменилась, так и оставаясь трехстраничной. — У меня все записано, так что не стоит мне врать, молодой человек. — Создатель поправил очки. — Ты чувствовал себя чужим в этом мире, и ненавидел его. Да, ты ловил темнокнижников, но при чем тут порядок? Ты вообще читал святое писание? "И дал он человеку свободу воли." Все что вы делали, это ваш выбор. Жить в утопии, или сжечь мир в ядерной войне. Это ваше право, я никогда не остановлю вас, иначе ваше право на свободу выбора будет нарушено.

— Но как же...? — я был шокирован его словами. — Ты просто бросаешь нас, оставляя миры на растерзание инфернальных существей? Да мы несколько раз останавливали прорывы этих тварей! Сколько раз мы были на краю гибели, хотя ты мог все остановить это буквально одним щелчком! — я начинал кричать от злости.

— Вы для этого уничтожали целые народы. — мой крик совершенно не повлиял на поведение Создателя. Естественно, я для него существую всего миг, я бы тоде никак не реагировал на слова того, кто успевает родиться и умереть раньше, чем я проголодаюсь. — Вот почему ты считаешь, что ваш выбор лучше, чем выбор тех же степных шаманов? Вы уничтожили целую народность только потому, что испугались их.

— Они могли уничтожить весь мир, гуркхи...

— Гуркхам все равно на ваш мир. — не дал мне договорить Создатель. — Я их создал, и я тебе могу сказать, гуркхи это не завоеватели. Они торгаши и плуты. Вы же совершили тот поступок из страха перед неизвестным, вы не понимали происходящее и решили их уничтожить. Ты призвал гуркха, он сожрал твои органы, но ничего не сделал твоему миру.

Так что угрозы миру не было, зато угрозой были вы.

— Но это все равно не правильно! — не мог я согласиться. — Кто-то должен наставлять людей на путь истинный.

— И кто может судить о добре и зле? — Создатель поднял бровь. — Кому судить о правильности и истине? Сможешь взять это на себя?

— А что если смогу? — с вызовом ответил я.

— Предлагаешь мне пари? — улыбнулся Создатель. — Хорошо, сделаем так. Я отправлю тебя в один мир из которого перестали возвращаться на очищение души. Ты сможешь судить этот мир, но для вынесения приговора тебе необходимо собрать колоссальное количество энергии, а после выпустить ее своей смертью. После этого мы с тобой обсудим, к чему ты привел этот мир. Если ты не согласишься со мной, то я отправлю тебя в следующий мир. Если же ты сможешь мне доказать, что я был не прав, то я создам новый мир, где буду следить и направлять людей, создавая им идеальные условия жизни.

— Согласен. — я протянул руку Создателю для рукопожатия. Создатель ответил мне, его рукопожатие было крепким и уверенным.

— В первые дни ты не будешь ничего помнить, твоя душа к такому не готова. Но после какого-то времени ты все вспомнишь. А теперь начали. — он разбил наши руки, и я провалился в пустоту. падая вниз. Меня подхватила белая молния унося в только одному Создателю известном направлении.

Скит резко дернулся, пытаясь остановить падение, но понял что лежит на полу и успокоился, перестав дергаться. Азалия лизнула Скита шершавым языком. Старейшина все также сидел в своем углу и тянул сизый дым из своей трубки. Вот только дым не был таким плотным как в прошлый раз, от которого он потерял сознание. С кряхтением Скит встал на ноги, но заговорить у него не вышло, язык словно прилип к нёбу.

— Молчи. — Старейшина поднял руку, останавливая Скита. — Мой табачок слишком крепкий, от него голова не сразу отходит. Но не переживай, я сам все видел. Ты глупец почитавший себя умнее К'Халика, Создателя миров, и решил заключить с ним пари. Думаешь сможешь выиграть спор с Создателем? Увы, глупец, ты способен только насмешить его. Но знаешь, что говорили в моем детстве? Когда Создатель смеется — смертные плачут. Не сверкай так своими зенками, ты даже с Тюрором не справишься, а я тебе и вовсе не по силам. Вот и молодец, что не соришь со стариком. — Старейшина вновь затянулся. — Бери пример со своей спутницы, она внимательно ловит каждое мое слово. Умная девочка, понимает, это не старческое брюзжание. Так вот, я услышал твое имя, хочешь узнать?

Старейшина замолчал, а Скит закивал головой, все еще не в силах проронить ни слова. Даже Азалия подскочила и закивала головой, стараясь убедить древнего воина, что им это очень важно.

— Твое имя довольно сложное, ты за свои жизни собрал много всего в своем имени. Если произносить все, то оно будет длинным и не звучным, но его можно сократить до звучного и лаконичного Се ШандИн. Скит Се Шандин.

После того как Старейшина проговорил Истинное имя Скита, но него словно начала давить вся тяжесть мира. Ноги Скита подломились, и он второй раз за вечер упал на четвереньки, упираясь руками в пол. Скиту было тяжело, казалось еще немного и Скит продавит собой половую доску, и продолжит падать дальше.

— Трудно выдержать тяжесть своего имени? — насмешливо прозвучал голос Старейшины. Сам Скит его не мог видеть, его голову придавливало к полу. — А ведь его ты сам выбрал, начав спор с самым могущественным существом во вселенной. Взвалил на себя право судить миры? Вот теперь сумей выдержать это право!

Слова Старейшины разожгли огонь В груди Се Шандина, и он скрипя зубами начал подниматься, его кости трещали, руки тряслись так, словно он держал на себе весь мир, но Скит отказывался сдаваться и падать. Азалия стояла рядом и смотрела на своего спутника, в ее глазах была видна боль от того, что справиться с тяжестью имени Скит должен сам.

— АААААА! — Се Шандин кричал от боли и злости, но все же он поднимался.

Миллиметр за миллиметром, с каждой секундой, с каждым мигом, но Се Шандин поднимался и показывал, что тяжесть имени для него не является проблемой. Если понадобится, то он покажет, что Создатель ошибается, и Скит ткнет его носом в этот факт. И вот уже он расправляет плечи, но ноги предательски дрожат выдавая Скита, Имя все еще тяжело для него. Но не зря у Скита такая мощная Воля, с помощью которой он мнет лунное серебро как пластилин. Доски пола все же не выдержали и треснули, Се Шандин провалился по колено, но не упал, удерживая всю тяжесть имени давившую на него. Еще миг, и все резко прекратилось. Скит Се Шандин твердо стоял на ногах, широко расправив плечи, и не показывая слабости и не шатаясь.

— Гляди-ка! — удивленно произнес Старейшина. — Выдержал тяжесть взятых на себя обязательств. Может и доживешь до достижения своей цели.

— Откуда тебе это известно? — Скит наконец смог говорить, хоть и с трудом. У него во рту было суше, чем в самой жаркой пустыне.

— Я табачок хороший выращиваю. — усмехнулся Старейшина, выдохнул дым в сторону Скита. Скит отдернулся, но вовремя понял, что ничего не произойдет и упокоился. — Тебе надо идти отдыхать, завтра тебя будут знакомить с Севером. Ты как я гляжу, уже начал свое знакомство с ним.

Скит хотел возразить, что он не устал, но его колени подкосились, и если бы Азалия не подставила свою шею под локоть Се Шандина, то он позорно упал бы на пол. Се Шандин посмотрел в глаза своей спутнице, и она понимающе кивнула головой. Скит с благодарностью склонил голову и упал на спину Азалии. Старейшина потерял интерес к гостям, его взгляд ушел куда-то в глубь в себя. Лазурный барс лапой толкнула дверь и понесла Скита в выделенный им дом.

— Ты получил Истинное имя, но ни слова не сказал своим друзьям?! — разбудил Скита громогласный рев Бьёрна. — Не притворяйся спящим, я вижу твое состояние.

— Вот чего тебе понадобилось так рано? — Скит понял, что выспаться ему никто не даст, и с недовольным ворчанием поднялся на кровати.

— Ты не сказал мне, своему лучшему другу, о том что ты получил свое имя. — пожаловался Бьёрн.

— А когда я должен был это сделать? — вопросом ответил Скит. — Ты ушел в обнимку с северной красоткой. С кровати тебя снимать?

— Кэп, друзья такую информацию должны узнавать в первую очередь. — казалось, что Бьёрн вообще не слышит, что ему говорит Скит. — Говори уже мне свое имя!

— Се Шандин. — поморщившись ответил Скит.

— Ооооо! — воодушевленно произнес здоровяк. — А что оно означает?

— То, что совать нос не в свое дело иногда чревато. — недовольно буркнул Скит, надевая на себя одежду. — Ваш старик уже встал? Он мне сказал, что начнет тренировать меня.

— Старейшина! — поправил Се Шандина здоровяк. — Да, он проснулся и отправил меня за тобой, кэп.

На улице Скита встретил свежий и приятный мороз, немного пощипывающий открытые части тела. Азалия радостно прыгала по свежесвыпавшему снегу и играла с детворой, радостно пищая от того, что большая кошка играет с ними. Заметив своего спутника, Лазурный барс подбежала к Скиту и лизнула ему лицо. Он радостно обнял огромную кошку за шею, зарываясь в ее мех. После своего утреннего ритуала приветствия, Скит и Азалия направились к дому Старейшины.

— Проснулись? — Скит не успел переступить через порог как его встретил бас древнего старика. — Рано вы.

— Ты же сам отправил за нами Бьёрна. — издевки Старейшины разозлили Скита.

— Ты мог остаться спать дальше. — Старейшина пожал плечами. — Но Север не любит ленивых. А теперь к делу. Ты должен за две недели перейти на следующую ступень, иначе инквизиторы сметут наш город.

— Что?! — Скит растерялся от услышанного. — Какие инквизиторы? Откуда тебе это известно?

— Я чувствую как ослабевают моя власть над Севером, кто-то расставляет алтари Светлоликого на Севере, приводя сюда весну, а в след за ней бога Света. Выследить того, кто оскверняет Север у нас не выходит, он удачно сбегает от моих сынов.

— А я то тут при чем? — Скит не хотел принимать на себя ответственность за спасение города. В его памяти было свежо воспоминание, как взятые обязательство его давили к земле.

— А ты единственный кто может развиваться без ошейника от этих божков. — усмехнулся Старейшина. — Почему вы до сих пор находишься на первой ступени развития?

— Потому что мои ворота открыла пораженная безумием душа, а я не поклоняюсь не одному богу, а значит и подтолкнуть в нужную сторону никто не хочет. — ответил Скит.

— Глупец! — рявкнул древний старик. — Никчемный глупец! Даже голову включить не можешь. Ты пошел по особому пути, по истинному пути развития. По пути, который не контролируют самоназванные божки. Познающий Мир — так называется настоящая вторая ступень развития. Неужели ты не заметил, что только ты, Се Шандин, познаешь суть стихий?

— Нет, — честно ответил Скит, — и почему же?

— Да потому что боги не дают на него ступить. — зло выплюнул Старейшина. — Боги не хотят чтобы люди становились сильнее, и придумали искусственный путь развития, превращая людей в своих рабов, и не позволяя человечеству развиваться.

— Зачем им это? — спросил Скит. Он давно догадывался о чем-то подобном, но не мог найти в этом смысла.

— Слабые души легче поглотить. — поморщился Старейшина. — Если не отправлять душу на перерождение, а поглотить ее, то можно повысить свою силу. Познающий Мир встает на путь становления богом, а такого они допустить не могут, ведь душу ставшего на путь бога уже не поглотить, потому как душа уже окрепла и не поддается под власть других стоящих на этом пути. Потому и охота такая за тобой ведется. Ты можешь сломать все то, что они строили.

— Так значит мое присутствие на Севере угрожает всем его сынам? — понял Скит.

— Именно так. — кивнул Старейшина. — Но наша гордость не позволит нам просто выгнать тебя. Поэтому я помогу тебе перейти на следующую ступень развития. Познавший мир имеет силу десятка Храмовников. А с поддержкой сынов и дочерей Севера, мы уничтожим вторженцев.

— С чего ты начнем? — спросил Скит.

— С того, что ты подготовишь свое тело. Иначе оно не выдержит мощь твоей души. Бьёрн должен был подготовить топоры. Иди к нему, дальнейшее он тебе объяснит.

— Готов стат дровосеком, кэп? — насмешливо сказал Бьёрн, встречая Скита на улице. — Держи топор, буду учить тебя дрова рубить.

— Где остальные? — спросил Скит, не находя взглядом остальных друзей.

— Они уже на рубке леса, только ты у нас отдыхаешь. — усмехнулся здоровяк. — Идем, кэп, тебе предстоит тяжелый день.

Скит пошел вслед за северянином. За городом аура Севера усилилась, дышать стало чуть сложнее. И хоть Скит начал чувствовать суть стихии Севера, сам Север дружелюбнее не стал, Северу не нужны слабые друзья, которые не способны выдержать его дружбу. Бьёрн шел в сторону откуда раздавался звук трескающегося дерева.

— Держи, кэп. — Бьёрн протянул Скиту топор. — Выбери дерево потоньше и начинай

его рубить. если сломаешь топор, то подойди и я выдам тебе новый.

Скит взял выданный ему инструмент и приступил к работе. Поплевал на ладони, взялся за топориче, замахнулся и нанес удар по дереву со всей силы, которую мог вложить в удар. Раздался звук, словно ударили железом по камню, топор отскочил от ствола дерева и обухом приложился о лоб Скита. Раздался взрыв хохота, все северяне занятые вырубкой леса смотрели на сидевшего на заднице Скита с непонимающим видом. Разозлившись Се Шандин подскочил и нанес удар еще сильнее прежнего, но результат был тот же, разве что Скит успел увернуться от отскочившего топора. Повторные удары приносили тот же результат.

— Зря ты так злишься, кэп. — услышал голос Фестиция, когда Скит без сил завалился на снег. — Этот долбаный Север укрепил даже самые чахлые травы, а деревья и вовсе крепче железа.

— Все что выросло на Севере имеет твердость крепче железа. Север не любит слабых. — пробасил Бьёрн. — Тут надо не только силой брать, но и духом. Тебе необходимо объединить силу духа и тела в единый удар. Вот смотри. — Бьёрн замахнулся и ударил топором по тому же стволу дуба, по которому до этого бил Скит, и оставил на нем небольшую засечку. — Мы лес рубим не только для того, чтобы его продавать. Мы учимся усиливать тело за счет силы своей души.

— Не верь ему Скит. — раздался обессиленный голос Мора из соседнего сугроба. — Мы делаем все, что нам говорил этот мучитель, но после трех ударов я не могу даже встать, а на дереве нет ни царапины.

— Вам никто не виноват, что вы такие хилые. — рыкнул Бьёрн.

— Повтори удар. — сказал Бьёрну Скит, сверкнул изумрудными глазами. Бьёрн дернулся от этих глаз, в памяти еще сохранилось воспоминание, как бешеная тварь сверкая изумрудным глазами, чуть не убила Патриарха бога воинов, но сдержался и повторил свой удар по дереву. — Еще раз. Еще. Давай еще раз.

— Ты решил моими руками срубить дуб? — возмутился Бьёрн, пытаясь незаметно стереть пот со лба.

— Хэй, здоровяк! И не надейся мы все видели. — ехидно прозвучал слабый голос Фестиция.

— Мне определенно нравилось когда он был театрально вежливым. — проворчал Бьёрн, а со стороны Мора раздалось ехидное хихиканье.

Скит ушел в себя, пытаясь прочувствовать силу своего духа. Се Шандин не просто так заставлял Бьёрна повторять свой удар. Он смотрел Взглядом Сути как здоровяк использовал свою силу духа и тела. Сила духа текла от ладоней и тонким слоем растекалась по лезвию топора, таким образом во время удара сила духа и тела складывались нанося удар по железному дубу. Теперь у Се Шандина появилось понимание того, как рубить дерево, и он приступил к делу, но при первом же ударе топор разлетелся в мелкую крошку, оставляя мелкие порезы на теле Скита.

— Аккуратнее, кэп! — воскликнул удивленный Бьёрн. — Подавай меньше силы духа, покрытие должно быть тонким, чтобы не разрушать орудие.

После десятка уничтоженных топоров и нескольких потраченных часов, Скит все же смог оставить зарубку на дереве, а также держал в руках целый топор.

— Наконец-то! — взмахнул руками Бьёрн. — А то я уже успел подумать, что ты, кэп, решил разорить северян, разбив нам все топоры.

— Будешь издеваться, я помогу Морю восстановить силы, и он буде работать рядом с тобой. — пригрозил Скит здоровяку, и с его лицо пропала ехидная улыбка.

— А ты можешь это сделать, друг? — спросил ослабленный Мор с надеждой в голосе.

— Легко. — кивнул головой Скит. — Проткну тебе сердце, а через пару минут ты полон жизни и энергии.

После этих слов раздался смех со стороны сугроба Фестиция, Мор с разочарованным оханьем опустил голову, а Бьёрн пробурчал:

— Психи. — после чего отправился к своему дереву.

Спустя несколько часов работы на поляну вышли дети, они несли корзины с едой для трудящихся на поляне воинов. Раздались радостные голоса северян, обрадованных еде. Скит по одному достал друзей из сугробов и помог дойти до растелянных на поляне одеялах. Обеденный перерыв проходил под шутки северян, несмотря на свой грозный вид, сыны Севера были довольно дружелюбны, и были не прочь повеселиться в свободное время. Когда вся твоя жизнь связана с выживанием, то ты начинаешь ценить каждую минуту спокойствия. Еда хорошо восполняла энергию, даже Мор с Фестицием стали выглядеть живее, и даже начали участвовать во всеобщем обсуждении, не отвлекаясь от еды, и закидывая в себя чуть ли не больше мяса, чем огромные северяне.

— А где наш монах? — спросил Скит, когда живот уже начал болеть от переедания.

— Как всегда, — пожал плечами Мор, — сказал, что у него своя тренировка.

Далее продолжилась тяжелая работа по вырубке леса. К вечеру Скит все же смог срубить свое первое дерево. Мор сумел оставить несколько засечек на своем дереве, а Фест без сил валялся на снегу, но не от бессилия, а от того что выпил рекордное количество медовухи, которую он каким-то образом вытащил у северян. Сыны Севера стали собираться домой, Мор шатаясь опирался на топор и собирался с силами, чтоб идти в город.

— Скит, ты домой не собираешься? — спросил Мор.

— Нет, я продолжу, у меня еще остались силы. — ответил Се Шандин, пиная под ребра пьяного Феста. — Вставай, а то яйца отморозишь, и уже никакая спасенная тобой принцесса не станет тебя благодарить.

— Они не нуждаются в спасении. — пьяно пробурчал Фестиций, пытаюсь укрыться снегом.

— Вставай, пьянь! — Ски пнул Феста сильнее.

— Ох! — выдохнул Фестиций, выпуская воздух из легких. — Ты чего творишь, кэп?

— Привожу тебя в чувство. — Скит создал из лунного серебра в руке простой прямой меч. — Как давно ты клинок из ножен доставал?

— Что? А. Не помню. После некроманта несколько тренировок провел. — Фестиций с трудом шевелил языком.

— Вставай. — повторил Скит. — Возьми этот. Вставай, я сказал! — Скит добавил Воли в свои слова, и Фестиций побледнев, подскочил на ноги. Сила в словах была такой, что Фестиций моментально протрезвел.

— Тяжелый. — прокомментировал он, принимая клинок из рук Скита.

— Отбивайся. — сказал Скит и напал на парня.

Всего два удара и Фестиций упал на снег.

— Что такое? — недовольно спросил Скит. — Ты почему не выполняешь свой танец?

— Меч тяжелый. — ворчливо ответил Фест. — Добавь тут доло, облегчи рукоять и уменьши длину гарды.

Скит придал клинку форму, которую показал Фестиций, после чего вновь напал на парня, в тот раз Фестиций продержался на два удара дольше. Упав на снег, Фестиций раскинул руки в стороны и уставился в ночное небо.

— Чего разлегся? — спросил Се Шандин. — Ты должен начать танцевать, Фест, иначе тебя отсюда унесут лекари.

— Да не могу я! — прокричал он. — Не могу! Я потерял веру в благородство и честь! Именно они поддерживали меня на этом пути. А теперь я даже парировать удар не могу. Я больше не слышу музыку боя, Скит, я ее больше не слышу! — прокричал Фестиций вытирая бегущую по его щеке слезу.

— Музыка боя, которую ты слышал, звучала в твоём сердце. — начал говорить Скит, сверкая своими изумрудными глазами с вертикальными, кошачьими зрачками. — Она и сейчас там, но ты отказываешься слышать ее закрыв свое сердце от всего мира. И с аурой Севера ты по той же причине справиться не можешь. Он живой, его надо впустить в свое сердце, но ты закрылся.

— Если я откроюсь, то мне опять нанесут рану, кэп, я больше не хочу. — закачал головой Фест.

— Бери топор, Фестиций. Продолжай работать. — Скит пнул топор, и он докатился до лежащего на снегу парня.

Попытка протеста парня не увенчалась успехом, и они продолжили тренировку тела. Фестиций не мог понять, что необходимо делать для того, чтобы топор начал прорубать дерево, и после пары ударов, он падал без сил. Но Скит не позволял ему прохлаждаться. Он уже давно научился переливать силу духа, во время медитаций с кристаллами стихий. А теперь, найдя общий язык с Севером, Скит смог перелить чистую силу парню, не выпуская из себя энергию Безумия. Холод пробегающий сквозь врата души заставил Феста подскочить на ноги и сразу взяться за работу, чтобы согреться. Так их тренировка длилась несколько недель. Скит не отпускал Фестиция с поляны, насильно вливая в него силу духа. Сам же Скит без страха брал энергию Безумия из алтаря в своей душе. После того как его память восстановилась, он знал что это ему ничем не грозит. Ведь его душа была выкована Создателем для того, чтобы накапливать гигантское количество энергии, чем он бессознательно и занимался все это время. По истечению второй недели они вдвоем с Фестицием вырубали поляну. Сотни Железных дубов лежали вокруг нее. Но их тренировка была прервана самым неприятным, что могло произойти.

— Надо возвращаться в город. — сказал пришедший Бьерн. По просьбе Скита, на поляне не работал никто кроме него и Феста. — Завтра тут будет целый корпус инквизиторов Светлоликого Тимория. Старейшина сказал, что надо встречать их за стенами города. А еще Старейшина сказал тебе придти к нему домой, кэп.

В доме Старейшины за две недели ничего не изменилось. Сам хозяин дома сидел все в том же темном углу, и все также курил свою трубку. Протянул Скиту с предложением затануться, Скит дернулся, он еще помнил что произошло в прошлый раз, а древний старик ехидно усмехнулся.

— Твое тело окрепло Се Шандин? — задал он вопрос вместо приветствия.

— Думаю достаточно для того, чтобы перейти на следующую ступень. — кивнул головой Скит.

— Хорошо. — Старейшина затанулся и выпустил изо рта сизый дым. — С Севером общаться ты уже научился. Теперь ты должен понять его. Принять. Пропустить через себя и

стать им. У тебе на это есть двадцать четыре часа. Если за это время ты не сможешь покорить его, то ты растворишься в этой стихии, твое сознание присоединится к тем, кто пытался покоить Север о тебя, а сам Север станет еще сильнее. Ты готов, Се Шандин?

— Готов. — кивнул головой Скит. — Азалия, иди ко мне, малыш.

Лазурный барс, подошла к своему спутнику и другу, они коснулись лбами друг друга, и Азалия лазурным свечением втянулась в татуировку на груди Скита. Ему будет спокойнее, когда самое близкое ему создание в такой момент будет в безопасности. Старейшина жестом указал на дверь, Скит открыл ее и замер на пороге. Стены, пол и потолок были покрыты инеем, холод в комнате стоял такой, что воздух обжигал легкие.

— Это сердце Севера. — голос Старейшины звучал словно издалека. — Только одно существо вошедшее сюда смогло выйти. Сейчас он бог Северных земель, бог-медведь. Обратного пути не будет Се Шандин. Подумай еще раз.

— Я готов.

— Третий раз спрошу. Ты готов к тому, что можешь не вернуться? — спросил древний старик.

— Я готов. — твердо ответил Скит и вошел в комнату, дверь за ним резко захлопнулась, а Скит упал на колени не в силах сдерживать силу навалившуюся на него.

Не смотря на угрозу нападения в Сногарде кипела жизнь. Сыны Севера устраивали боевые посты на стене, дочери Севера заготавливали восстанавливающие силу духа зелья и лекарственные травы. Даже дети помогали с подготовкой к обороне, никто не собирался прятаться или трусить, Север не любит слабаков. Фестиций стоял в центре всего этого наполненного жизнью хаоса и не понимал, как северяне могут быть настолько холодны и собраны. Все понимали, что стена не удержит боевой корпус инквизиторов Света, но все равно готовились к бою. Скит ушел в дом Старейшины еще вчера, но так не вышел от него. Бьёрн сказал, что Скит проходит особую тренировку, и что ее исход поможет им в бою, но Фестиций не верил в то, что один человек сможет изменить расклад сил на поле боя, пусть и такой необычный как их капитан.

— Что, парень, не ожидал такое увидеть? — прозвучал бас Бьёрна. — Да, такое только на Северной земле можно увидеть. Каждый живущий будет защищать то, что передали ему предки, до последней капли крови.

— Намекаешь на защиту моего родного города? — оскалился Фестиций. — На то что большая часть горожан решила спрятаться в страхе перед волной зверей?

— Нет. — без обиды в голосе покачал головой здоровяк. — Зачем им было участвовать? Просто погибли бы, и вся недолга. Я говорю лишь про менталитет, про жизнь на Севере. Тут не выжить, если тебе не подаст руку стоящий рядом, если ты не подставишь плечо падающему собрату. Иначе ты просто умрешь в одиночестве. Только помогая другим, ты сможешь тут выжить.

— Ну уж я точно не собираюсь погибать в одиночестве, — усмехнулся Фестиций, указывая на довольного, как объевшийся кот, Мора, — у нас есть для этого кандидат.

— Это точно. — улыбнулся Бьёрн. — Он опять поверил, что его лишат жизни... — Бьёрн запнулся на полуслове, его лицо перестало изучать дружелюбие. — Идем на позицию.

— Что случилось? — Фестиций напрягся.

— Потеплело. — коротко ответил здоровяк, и Фестиций без лишних разговоров пошел на заранее обговоренную позицию. На поясе парня вновь висел его узкий прямой клинок в белых ножнах.

Прошло не более получаса, как из леса, в легком обволакивающем их фигуры свечении, вышли инквизиторы Света. Их движения были четко отлажены, при выходе из леса каждый инквизитор занимал полагающееся ему место в построении, не мешая другим и создавая идеальное построение под стенами Сногарда. Все инквизиторы были одеты в длинные красные плащи, на их груди была повязана сбруя с метательными ножами и полоторным мечом на поясе. Перед каждой ротой состоящей из сотни инквизиторов стоял монах в белой мантии с красным мечом на груди, лезвие которого спускалось до самого низа мантии, и зачитывал молитву, обращаясь к Светлоликому Тиморию, они держали сцепленные в замок руки перед склоненной головой и монотонно читали молитвы. С их сцепленных рук стекал жидкий свет, он ручейком лился на снег и перетекал на стоящих инквизиторов, укрывая их фигуры.

— Гляди, Мор. — указал пальцем на увиденное Фестиций. — Их монахи разливают Свет, и он помогает им не чувствовать тяжелую ауру Севера. Может нанесем удар по ним, и тогда инквизиторы станут беспомощны словно дети.

— А как же честный поединок лицом к лицу? — ехидно спросил Мор.

— В бездну. — отмахнулся Фестиций.

— Не считай себя умнее всех. — заговорил монах. Он вернулся спустя две недели тренировок по лесу. Никто не знал чем он занимался, и как узнал о происходящем в городе, но Ву заявился в город вместе со всеми. — Инквизиторы не хуже тебя знают о своем слабом месте, а значит оберегают монахов Света всеми силами. Смотри. — монах указал на воинов Света горлянкой с вином. — Видишь? От строя отделились пятеро бойцов и встали рядом со своим монахом.

В подтверждение слов монаха, пятеро бойцов окружили молящегося служителя Света. Все пятеро сомкнули руки в предплечьях перед собой, затем развели их в стороны и коснулись кулаков друг друга. Вокруг каждого служителя возник купол из света.

— Ну вот. — продолжил монах, после того как все утвердились в правоте его слов. — Всегда важно знать свою слабость.

Когда построение закончилось, вперед перед войском вышел один инквизитор, который от общей массы отличался широкополой шляпой и огромным мечом за спиной. Это был отец Александр, он единственный кто мог сражаться таким огромным мечом, также являясь самым опасным и жестоким инквизитором, огнем и мечом сжигающий каждого на которого укажет его бог-покровитель. Говорят он лично благословил отца Александра на владение реликвией Света. Фестиций помнил, как они чудом смогли от него сбежать, благодаря старому лодочнику Сиду, пусть и бросившему их на корабле мертвых.

— Медвежата Севера! — раздался усиленный силой духа голос отца Александра. — Мы пришли не сражаться! нам нужна лишь тварь, которая трусливо прячется за вашими спинами! Если вы его выдадите нам, то мы уйдем с вашей земли, и не причиним никому вреда! Если же вы решите, что ваша гордость важнее жизни женщин и детей, то мы не оставим от города даже пепла!

— Смотрите, — почему-то шепотом проговорил Фестиций, — под его ногами тает снег!

— Это невозможно! — Бьёрн не мог поверить своим глазам. — Это насколько мощные эмоции в нем кипят?!

— Ненависть. — ответил на всеящий в воздухе вопрос монах Ву. — Ненависть сжигает его изнутри.

— Это насколько сильно он ненавидит нашего Скита, что даже Север не выдерживает его чувств? — но вопрос Мора остался без ответа.

— Ты считаешь, что мы трусы? — громогласно прорычал Тюр. Он как и все северяне уже принял свою боевую форму. — Что цена нашей чести, это жизнь одного скитальца?

— Знаешь, что ценнее жизни одного человека, медвежонок? — спросил отец Александр. — Я скажу тебе. Это две человеческие жизни. В вашем случае три сотни. Ты готов убить три сотни своих людей? Их жизни стоят жизни одного ублюдка?

Фестиций пытался посчитать количество инквизиторов, но каждый раз он сбивался на двух с половиной тысячах, и это было даже не половина. Три сотни огромных северян против десятка тысяч инквизиторов Света, при прямой поддержке своего покровителя. Расклад явно не в их пользу.

— Север не любит слабых, инквизитор. — продолжал переговоры, а также тянул время Тюр. — Поверь, если бы нас было так легко напугать, то сыны Севера давно бы уже умерли. Хочешь забрать нашего гостя? Так зайди и заberi! Корпус воинов Света за твоей спиной говорит о том, что ты понимаешь нашу силу, и ты просто торгуешься от осознания нашей

мощи!

— Ты сделал свой выбор, медвежонок! — прокричал инквизитор. — Теперь жалеть поздно!

После этих слов отец Александр развернулся, и начал раздавать команды. Среди сынов Севера никто подобные команды не развалились, каждый и сам знал, что ему делать, все осудили еще прошлым вечером, и каждому было все сказана его задача. Фестиций, Мор и Ву стояли вместе с Бьёрном и должны были оборонять стену до условного знака. Было бы глупо утверждать, что нападение началось неожиданно, ведь к бою люди были готовы еще со вчерашнего дня, а командирский состав так и вовсе за несколько недель до этого.

Шестиметровая стена не являлась никакой преградой для опытных инквизиторов ступени развитого Храмовника, а во втором корпусе воинов Света эта ступень была самой низкой. Сперва от построения отделилась первая сотня. Отец Александр решил проверить силу северян и выделил на это одну сотню своих инквизиторов Света. Воины излучающие свет, который с них стекал словно вода, преодолели стену в один прыжок. Бой возник на одной стороне стены, но в помощь им никто не кинулся, нельзя оголять защиту, на которую и так не хватало людей.

По никому не известной удаче, нападение пришлось на участок стены, где стояла команда "Отступника". Бой завязался моментально. Бьёрн уже находился в своей боевой форме получеловека-полумедведя, здоровяк размахивал своим монструозным молотом, отбиваясь сразу от четырех инквизиторов. Монах тоже не медлил, и принял свой облик обезьяны. Энма ловко лавировал между нападающими, тратя на каждого противника не больше двух ударов, ломая сины своим посохом. Мор перестал держаться за свои принципы, и начал пользоваться той техникой боя, которой его обучали в детстве, за время своих приключений он смог придумать только технику Лезвия Смерти, но она была не очень сильная. Только Фестиций оказался слабым звеном на их участке стены, и с трудом сдерживал натиск всего лишь одного инквизитора. Фестиций после двух недель тренировок со Скитом не смог вернуть свой Танец Меча, но зато смог вернуть хотя бы навык боя, и сейчас он сражался на одних рефлексах.

В очередном неудачном выпаде Фестиций споткнулся о свою же ногу, и неловко свалился в ноги своему противнику, тут бы его жизнь и окончилась, но северянин, имени которого Фест так и не узнал, бросил свой участок стены и отбил смертельный для Фестиция удар. Парень, которого только что чуть не зарезал инквизитор, не вставая выкинул руку и воткнул кончик своего прямого меча в горло своего противника, проливая его кровь на себя, увернулся от падающего тела и встал на ноги, быстро кивнув в благодарность спасшего его северянину.

Но отвечать этому северянину уже не было времени, на остальные части стены начали запрыгивать новый десяток инквизиторов. Позади воинов Света светящийся шлейф, от защитной ауры Тимория. Теперь бой шел не только на участке команды Скита, но и на соседних участках. Северяне подтвердили свою грозную славу, и сотня инквизиторов не смогла перейти через стену в город. Пока Фестиций пытался избавиться от следующего противника, на стене не осталось ни одного инквизитора. Убили не всех, выполнив свою задачу разведки боем, воины Света отступили.

— Это все на что способны воины Света? — издевательски прокричал Тюр, пытаюсь разозлить отца Александра. — Получить оплеуху от нас и сбежать бросив раненных?

— Этого было достаточно, чтобы все понять. — прозвучал ответ инквизитора. — Вас,

медвежат, еще меньше, нежели я думал.

После того как отец Александр замолчал, на стену побежала уже не одна сотня, а все три сотни бойцов. И больше никто не ожидал стоя под стеной, как в прошлый раз, инквизиторы набросились на северян всеми силами, стараясь смять сопротивление одним ударом. Но гордые сыны Севера тоже не собирались легко сдаваться, их огромные тела человеко-медведей, казавшиеся непробиваемыми, начали покрываться льдом, формируя пластинчатые доспехи. Бой завязался мгновенно, воины Света не собирались давать и шанса на победу северянам, атакуя всеми силами, и не жалея духовной силы, вкладывая ее в каждый удар. Раздался медвежий рев, издаваемый сотней глоток северян.

— Уходи, больше ты нам ничем не сможешь помочь! — прорычал Бьёрн, отбиваясь своим монструозным молотом сразу от троих инквизиторов.

Фестиций кивнул головой и побежал к лестнице, ловко уворачиваясь от клинков, которые пытались отделить от него части тела. По приставной лестнице Фестиций буквально скатился, пересчитывая ступеньки своей мягкой частью тела, уже на бегу потирая ушибленное место. Бежал Фестиций не жалея сил, про себя благодаря их капитана за то, что тот мучал его две недели не давая отдохнуть, и хоть как-то подготовил Феста до того уровня, чтобы можно было бежать не сбивая дыхание, и не умереть от ауры Севера. Пару раз споткнувшись и упав, Фестиций все же добрался до стоящей в центре города башни, и начал подниматься по лестнице, через две ступени. Окончательно сбив дыхание, Фестиций все же не смог устоять, и вновь упал на последней ступени. Благо, что лестница не винтовая, и Фестиций проехал всего десяток ступеней. Взяв себя в руки, Фестиций, не смотря на бешеное колотящееся сердце, он поднялся на самый верх к сигнальному костру, сложенному в металлическую круглую бочку, и высек искры из огнива. Дрова, пропитанные специальной горючей смесью, загорелись моментально, пламя высоко вспыхнуло отдавая сигнал к наступлению.

— РРРАААААРХ! — раздался рев сотни медвежьих глоток над лесом.

В спины инквизиторов из леса выбежали три сотни огромных северян. Они врезались в ровный строй инквизиторов сминая своим весом помноженным на скорость первые ряды, и не оставляя ни шанса им на то, чтобы выжить и вернуться в строй. Пока воины Света не пришли в себя, северяне в медвежьем облике начали рубить врага. Заминка не была долгой, посеять панику северянам не удалось. Военская дисциплина в рядах инквизиторов воспитывалась с детства, и не подвела в этот столь важный момент, ожидаемой северянами смуты не произошло, инквизиторы развернулись и начали отбивать атаку северян. Но все же сны Севера смогли добиться желаемого, и разбили построение инквизиторов Света, заставляя их сражаться на два фронта, и оттягивая людей со стены на себя.

Фест стоял на вершине сигнальной башни и удивлялся силе и бесстрашию этих могучих воинов, сражающихся на равных с превосходящим по силам противником. Даже дети не сидели без дела, они помогали раненым добраться до целительских палаток, где уже над воинами работали целительницы. И ни одна живая душа сейчас не пряталась и не отсиживались в стороне. Кроме Фестиция. Парень крепко сжал рукоять своего меча в белых ножнах, единственное что осталось от его образа рыцаря в светлых одеждах. Сердце парня бешено колотилось выдавая ритм. Шумно выдохнув воздух изо рта, Фестиций успокоился и начал спускаться вниз по лестнице. Хоть он больше и не может сражаться, но и стоять в стороне после того что увидел, Фестиций не мог.

Битва не собиралась затихать. Северяне своей малочисленной армией все же смогли

зажать инквизиторов в тиски, освобождая стену, и заставляя воинов Света сражаться на два фронта. Не смотря на то, что северян меньше в разы, нежели инквизиторов, благодаря своим размерам, каждый сын Севера был в два, а то и в три раза больше любого воина Света, они смогли удерживать всю мощь армии Тимория. Но вот только инквизиторы не бились все и сразу, а значит они могли заменять уставших и раненых, в то время как северяне постепенно уставали и сражались все медленнее. Их дыхание становилось тяжелым, а движения все более вялыми и медленными. Все понимали, что долго так сражаться он не смогут, кто-то дрогнет начнет сдавать позицию и тогда начнет проливаться горячая кровь северян. Целительницы не успевали лечить раненых, в палатках уже не было свободного места.

— RRRRRAAAAAPPX! — совершенно дикий медвежий рев раздался в небе, от звука которого у всех кроме северян, прошлись волны ужаса по телу.

С неба, прямо в центр построения воинов Света, приземлился огромный белый медведь. Фестиций только успел подняться на стену, но ужас внушаемый огромным зверем, хозяином Севера, парализовал его с одного взгляда на это могущественное существо. Даже со стены было видно насколько он огромен. Фестицию казалось, что если зверь подойдет к стене, то он, Фестиций, сможет погладить медведя даже не наклоняясь, а стена была не меньше шести-семи метров. Уже отходя от страха парализовавшего Фестиция, он понял, что медведь не белый, а настолько седой, то его шерсть сливалась с самым чистым и свежесвыпавшим снегом. Сам же медведь был закован в доспехи изо льда, по которым тянулась вязь из северных узоров.

— RRRRAAXXX! — медведь поднял голову и огласил свое прибытие на поле боя, возвращая силу в руки своих сынов.

— RRRRAAXXX! — вторили ему северяне.

— RRRRAAXXX! — повторил за всеми и Бьёрн. — Селён наш Отец, не правда-ли? Не бойсь, парень. — хлопнул Феста здоровяк. — Медведь с нами! Наш бог с нами! Теперь мы со всеми справимся!

— Но ведь его присутствие позволит вмешаться Тиморию! — закричал Фестиций, пытаясь перекрыть медвежий рев.

И словно в подтверждение его слов поле боя озарилось таким ярким светом, что Фестиций закрыл глаза руками и отвернулся от его источник, но даже это не помогло, и глаза начали болеть от такого яркого света. Когда же Фестиций смог открыть глаза, на поле боя сражались две огромных и могущественных существа. Бог-Медведь и аватар Светлоликого Тимория. Тиморий по своим размерам не уступал Медведю и напал на него с огромным двуручным мечом из Света, думать об этом свете можно было думать только с большой буквы, но даже такой меч не мог пробить доспехи изо льда, покрывающее тело Медведя. Вот только никто из сынов Севера не переживал за своего покровителя, они с удвоенной силой напали на агрессоров и начали теснить тысячную армию инквизиторов. Бьёрн так и вовсе стоял задрав голову и смотрел в небо.

— Что ты там увидел? — перекрикивая звуки боя, спросил Фестиций.

— А ты сам посмотри! — улыбаясь во весь рот, ответил Бьёрн.

Фестиций поднял голову и посмотрел куда ему указывал пальцем здоровяк. По небу, создавая под ногами облака, пронеслись две фигуры. Фигуры человека и Лазурного барса.

— Они справились! — радостно прокричал Мор.

Скит ловко бежал по небу, создавая облака под ногами, и спустя пару минут он уже спустился на стену. Внешний вид Се Шандина вновь изменился. Его, свисающие уже ниже

плеч, волосы стали бели белы как снег, левый рукав кожаной северной куртки отсутствовал, а рука была покрыта вязью былой татуировки, изображающей непонятный узор понять который было невозможно, но при взгляде на узор в голову приходило только одно слово — Север! Так же кожа Скита была белой, а вокруг глаз были черные круги, словно их подвели тушью, Скит вновь сконцентрировал большое количество силы духа.

— Кэп, ты почти пропустил самое интересное! — Бьёрн кинулся обнимать друга.

Из-за спины Скита вышла Азалия, изменения во внешнем виде которой сразу бросались в глаза. У нее немного отрасли рожки, а также нежная лазурная энергия с белами переливами истекала от передних лап и тянулась вверх, чем-то схожая с лепестком цветка или языком пламени.

— Вы тут и без нас вполне неплохо справляетесь. — усмехнулся Скит.

— Да, но хотелось бы напугать их настолько, чтобы они вообще никогда не совались на нашу землю. Бьёрн не скрывал радости, что его друг справился.

— Нам надо побить Александра, иначе он сможет перевернуть расклад на поле боя. — приступил к делу Скит, внимательно осматривая Энму, с головы до ног залитого кровью инквизиторов, но увидев черные глаза монаха Ву, он кивнул ему головой и продолжил. — Мор, помнишь ты на корабле Одноглазого запер меня в моем страхе? — дождавшись утвердительного кивка, Скит продолжил. — Сможешь подобное проверить с ним?

— Он сейчас проводник Света Светлоликого Тимория. — задумчиво проговорил Мор. — Даже с той силой, что исходит от тебя, его будет сложно победить.

— У меня другой план. — Скит сверкнул своими изумрудными глазам. — Нам надо достать его самый главный страх наружу, этого будет достаточно, чтобы остановить его, он сам находится фактически на грани того, чтобы его страх поглотил Александра. Справишься, Мор?

— Смогу, но для этого он должен быть достаточно обессилен. — задумался Мор. — Он слишком силен для меня

— Мне хватит сил, чтобы измотать его. — продолжил Скит. — По моему сигналу ты появишься на поле боя, и запрешь его в собственном страхе.

Мор кивнул соглашаясь, и Се Шандин прыгнул со стены врезаясь в строй инквизиторов парой ударов оставляя сотню воинов Света без жизни. Азалия прыгнула вслед за своим спутником, увеличивая убойную силы Скита и уменьшая поголовье инквизиторов. Отец Александр почувствовав Скита кинулся в его сторону растапывая снег под своими ногами.

— Все же решил не прятаться за стенами, мерзость? — заговорил инквизитор, когда они встретились и встали напротив друг друга.

— Меня зовут Се Шандин. — поправил инквизитора Скит.

— Ого! Тебе Медведь даже Имя дал? — насмешливо восхитился отец Александр. — Вот только оно тебе не поможет, и это поле боя станет твоей могилой. А я освобожу этот мир от опухли, нарвавшей на его теле.

Тело Скита покрылось лунным серебром. Как это было тогда, после его беседы с Наемником в мире его души и последующим разрушением острова. Его пальцы на руках и ногах заканчивались длинными когтями, на локтях и коленях выросли шипы, а на голове два небольших рога, не больше двух сантиметров. По всему телу телу струился тот же узор, какой был на новой татуировке Се Шандина, и как татуировка узор светился белым светом. Азалия стояла рядом со своим спутником и скалилась на отца Александра. Инквизитор ухмыльнулся, сбросил свою широкополую шляпу и достал из-за спины огромный двуручный меч, Скит удивился странной форме меча инквизитора. Лезвие меча практически отсутствовало. Если сказать точнее, то по всей длине клинка отсутствовала середина. Только острое лезвие, словно обрамляющие то место, где должна находиться сталь. Отец Александр сделал круговой взмах своим клинком и там, где лезвие коснулось снега, тот таял как словно его коснулись факелом.

— Интересная у него форма, правда? — проговорил инквизитор. — Личный клинок Светлоликого Тимория, до его вознесения, и становления богом. Об этом немногие знают, но северный божок не единственный был человеком. А вот его клинок хранился как реликвия, никто не мог с ним совладать, из каждого душу вытянул. А вот я ему не дался. И тогда Светлоликий Тиморий мне доверил свое оружие.

После этих слов пустота в клинке начала заполняться жидким светом, от меча начало исходить свечение, и Скит почувствовал угрозу исходящую от этого оружия. Скит чувствовал силу инквизитора и не был уверен, что техника примененная им тогда, на лесной поляне против ледяных великанов, сработает на его противнике. Да и северян вокруг было слишком много, а Скит не хотел убить никого из этих гордых сынов Севера. А в прямом столкновении, даже с новообретенной силой, Се Шандин не был уверен, что сможет выстоять против отца Александра. И дело даже не в том, что у инквизитора непомерная мощь, а в банальном опыте. Скит только получил силу и не успел привыкнуть к той энергии, что протекает на уровне Познающий мир.

Скит бросился в атаку без предупреждения, хоть и утверждать такое было бы глупо, отец Александр был давно готов к их сражению, и не промедлив ни мгновения кинулся на встречу Скиту. Металлический кулак Скита и огромный меч инквизитора столкнулись, от их удара по полю разнеслась энергия. Задерживаться никто не стал и бой продолжился. Скит легко отбивал выпады меча отца Александра бронированными руками, покрытие кулаков лунным серебром это позволяло, и монструозный меч не мог пробить лунное серебро усиленное силой духа, как Скита учил Бьёрн. Отец Александр с невероятной легкостью орудовал своим двуручным мечом, заполненным солнечным светом, но Скит с не меньшей легкостью уходил от взмахов инквизитора, пропуская клинок в паре миллиметров от себя. Но такая ловкость являлась не следствием тренировок, точнее не только лишь тренировок, но и следствием новой ступени развития. Скит стал Познающим Мир, и мир отвечал Се Шандину взаимностью, подсказывая своему новому знакомому откуда придет удар. Дуновением ветра, явно слышимым звуком разрезаемого воздуха, истаявшей снежинкой, каждым движением в пространстве. Отец Александр понял, что обычным фехтованием ему не победить Скита, и он начал собирать свет вокруг себя, постепенно ускоряясь, и заставляя Скита уходить в оборону. Скит не собирался отставать от своего противника и его тело

покрылось черно-белыми молниями, и теперь они вновь сражались на одной скорости, за которой уже не мог уследить практически не один, кто наблюдал за боем двух воинов превзошедших обычных людей.

Скит в последний момент увернулся от божественной энергии света, но удар пришелся не от отца Александра, а от двух сражающихся богов. Аватар бога Света сражался с богом-медведем. Медведь стоял на задних лапах, немного изменив свое тело, став немного похожим на человека. Теперь в его передних лапах было два ледяных топора, отливающих легкой синевой. Аватар Тимория держал в своих руках двуручный меч похожий на тот, что сейчас был в руках Александра. Вокруг богов организовалась пустота, никто не хотел быть растоптанным своим покровителем по неосторожности. Боги разбежавшись скрестили оружие, разбрасывая в стороны эхо своей силы, эхо ударов Света и Севера. Снег таял под лучами Света и мгновенно застывал покрываясь коркой льда под Северным морозом излучаемым силой Медведя.

Скит уворачивался от монструозного двуручного меча инквизитора по-немногу сближаясь, сокращая дистанцию между собой и отцом Александром. Се Шандин понимал, что только вблизи он сможет лишиться своего противника того преимущества, что дает ему двуручный меч. Азалия не стояла в стороне, и рвала на части инквизиторов, которые пытались вмешаться в бой ее спутника. Черно-белые молнии пробегали по металлическому телу Скита, а его удары, даже если он не попадал по противнику, издавали громовые раскаты, оглушая противника. Сантиметр за сантиметром он сокращал дистанцию и вскоре отец Александр уже не мог так махать своим мечом как парой минут ранее. Понимая это, инквизитор одним большим прыжком назад разорвал дистанцию, концентрируя энергию Света в своем замахнулся. но к нему подскочила Азалия и с рыком вцепилась клыками в руку, не давая ему завершить удар. Не выпущенная энергия меча взорвалась поднимая снег в воздух.

Скит увидел заминку не ожидавшего такое инквизитора, подскочил к отцу Александру нанося ему прямой удар в лицо, и закричал от боли. В его плече торчал кинжал инквизитора. Ударом ноги в грудь отец Александр отправил Скита на землю.

— Наивный дурак! — воскликнул инквизитор, отпинывая Лазурного барса. — Возможно ты и получил силу, но я уже не одну сотню лет уничтожаю тварей и сильнее тебя. Проклятый ублюдок! Твоя кошка прокусила мне руку!

Отец Александр занес меч, чтобы добить лежащего на снегу Скита, но Азалия подскочила и дернула за край плаща отца Александра. Инквизитор пошатнулся, что дало Скиту нужное время для того, чтобы встать на ноги и выдернуть кинжал из раны. На снег брызнула алая и горячая кровь, но лунное серебро мгновенно затянуло рану, не давая Скиту истечь кровью.

— Мальш, иди сюда. — проговорил Скит, и Азалия отпустила край плаща инквизитора, прыгая к своему спутнику.

Они соприкоснулись лбами и под лазурное сияние объединились. Се Шандин встал на четыре лапы яростно хлестая себя хвостом, и издал утробный рык из своей металлической пасти. Тело зверя из лунного серебра покрылось черно-белыми молниями, Скит выпустил во все стороны десятки Серебряных игл и растворяясь в молнии, начал появляться в неожиданных для отца Александра местах, наносил ему удары. Инквизитор не успевал реагировать и получал один порез за другим. Снег в тех местах, куда капала горячая кровь последователя бога Света, шипел и таял так, словно из тела отца Александра текла не кровь,

а раскаленная лава.

— АРГХ! — издал полный ярости рык отец Александр.

Его тело засветилось сильнее прежнего, от этого яростного рыка у Скита могла бы шерсть подняться дыбом, если бы на его серебрянном загравке она имелась. Отец Александр достал свои метательные ножи, и те закружились вокруг отца Александра защищая его от неожиданных атак Скита. Скит сейчас не был тем безумным зверем, который бился с Патриархом Ан'Гасиоха, и больше не атаковал не жалея своего тела, теперь Скит действовал с осторожностью, и потому не стал кидаться на инквизитора сразу, а начал бегать вокруг инквизитора кругами с такой скоростью, что позади него оставался остаточный след из молний в виде барса. Отец Александр начал махать своим двуручным мечом, посылая световые разрезы, которые уничтожали остаточные следы Скита, разрезали снег и почву под ним. Теперь вокруг Скита и отца Александра было точно такое же свободное пространство, как и вокруг двух сражающихся богов.

Северяне в это время не стояли на месте, а теснили воинство Света, зажимая в тиси с двух сторон. Тюр, отец Бьёрна и глава северян, вел в атаку со стороны леса, и Харальд вел северен со стороны стены. Сыны Севера, и до появления Медведя являлись сильными бойцами, с которыми не та легко справиться, а после появления их бога-покровителя, инквизиторы не могли победить десятком воинов одного северянина. Фьёр и Хельг со зверскими улыбками упивались боем. Еще молодые медвежата, они хвалились друг перед другом, кто смог убить больше. Более старший и опытный воин остужал пыл молодых медвежат, окрикая и и угрожая замучать их на следующей тренировке. "Надо же, — подумалось Скиту, — они даже не сомневаются, что после битвы все вернуться домой и продолжат свою обычную жизнь". Такое отношение к битве показывало, что северяне постоянно сражаются, и те несколько недель покоя, что увидел Скит, были случайностью, а не правилом.

Бьёрн и Мор стояли спиной друг к другу и отражали атаку четырех инквизиторов, и при этом от троих отбивался Бьёрн. Но только со стороны казалось, что Мор был обузой для здоровяка. Еще трое инквизиторов сражались друг с другом, считая их за противников. Видимо Мор как-то повлиял на их разум, заставив поверить, в то чего нет. Судя по разорванной одежде, Мор успел умереть уже не один раз. Даже инквизиторы бога Света не способны убить этого ехидного поклонника Смерти.

Не далеко от Мора с Бьёрном сражались Энма и Фестиций. Ужасная огромная обезьяна протыкала противников костяными наростами на локтях, заливая кровью себя и всех вокруг. Только черные глаза указывали на то, что монах все еще контролирует свой боевой образ. Фестиций не отходил далеко от Энмы, отбиваясь от одного инквизитора, но безуспешно. Его движения ни на толику не были похожи на те грациозные движения танца меча, который Скит увидел под стенами Лирона, столице земли Артэ. В критический для Фестиция момент, Энма в несколько ударов расправился с инквизитором, Фестиций злобно оскалился и бросился на другого воина Света. Меч Фестиция безрезультатно атаковал противника, но парень не останавливался раз за разом нападавал на инквизиторов. Может он и не был самым опасным воином, но самым упорным являлся точно.

Скит снова накинулся на отца Александра. Инквизитор не хотел стоять в глухой обороне и бросился навстречу своему врагу. Вращающиеся кинжалы Скит попытался отбить бронированными руками, но клинки наполненные стихией Света прорезали лунное серебро, словно горячий нож масло, глубоко врежаясь в тело Скита. Скит вскрикнул от боли, но не

остановился и плечом врезался в корпус инквизитора, выбивая из его легких воздух, хвостом подсекая ноги. Но отец Александр не упал на землю, как того ожидал Скит. Он оттолкнулся от земли ладонью и перевернувшись в воздухе снова встал на ноги.

— Ты гораздо слабже, чем я тебя помню в нашу прошлую встречу. — ехидно произнес Се Шандин.

Отец Александр не стал отвечать, его глаза светились безумной яростью, а выражение лица перекосило от той ненависти, которую он испытывал к Скиту, к той твари, которая уничтожила его городок, которая приходила в его кошмарах, и которую он видел в своем противнике. Отец Александр зарычал от ярости и с удвоенной силой бросился на Скита. Но вот только ни один удар не попадал по этому ловкому и быстрому противнику. Отец Александр злился все сильнее, и все меньше думал о защите, а оттого боль в плече стала для него неожиданностью, от которой инквизитор позволил себе вскрикнуть, впервые за очень долгое время. Он так сильно желал убить эту тварь, что не заметил как его противник разъединился со своей кошкой, и та подкралась к нему со спины и вцепилась в его плечо.

К н и г о е д . н е т

Пока инквизитор попытался сбросить со спины Азалию, Скит обернувшись молнией прыгнул к отцу Александру и врезавшись в его бок начал наносить удары бронированными кулаками пуская в ход все, что он мог применить в ближнем бою. Серебряные иглы протыкали инквизитора, кулаки вбивали отца Александра в снег. Инквизитор яростно зарычал и притянул к себе налитанный светом кинжал, извернувшись он воткнул его в лапу Лазурного барса. Азалия с визгом отпрыгнула и зубами попыталась вырвать кинжал из лапы, но у нее ничего не вышло. Ее жалобный визг отдался болью в сердце Скита, и он с яростным рыком, как недавно отец Александр, накинулся на инквизитора с утроенной силой. Отец Александр больше не поспевал за Скитом, который покрыл все свое тело черно-белыми молниями и с каждой секундой становился только быстрее.

Отец Александр засиял еще ярче, взревел как взбешенный зверь и тоже начал ускоряться. Он не мог проиграть и дать жить еще одному монстру, который потом начнет стирать города с лица земель. Эта ярость дала силы отцу Александру и он резким взмахом отрубил руку Скиту, заставляя того закричать от боли, а после смог и проткнуть его своим мечом. Но в глазах Скита вместо страха смерти он увидел злую усмешку. Лунное серебро начало стекать со Скита на меч, а после и на руки инквизитора, заковывая его в самые прочные кандалы. Отец Александр задергался пытаясь вырваться из ловушки, но лунное серебро, скрепленное волей Скита, держало крепко, не позволяя сдвинуться ни на миллиметр.

— Кидай! — прокричал Скит, и Бьёрн запустил Мора в сторону Скита и отца Александра, который стоял серебряной скульптурой. и только его голова была способна крутиться.

Мор приземлился, взрыхляя лицом снег. Ничего говорить он не стал, но по его глазам было видно, что Мор думает о своих друзьях. Не обращая внимания на злые проклятия инквизитора, Мор положил руки на его виски, и отец Александр закатил глаза замолкая.

— Получилось. — вздохнул Мор.

Скит снялся с меча, заливая кровью снег под собой. и переливая лунное серебро обратно с инквизитора на себя, закрывая серебром свои раны на боку и на месте отсутствующей теперь правой руки. Скит упал на снег сжав зубы от боли. Бьёрн подбежал к другу и начал исцелять его рану от меча. Потерявшее опору тело отца Александра упало на

колени, а голова опрокинулась назад.

— У нас вышло? — не уверенно спросил Мор.

— ААААА! — раздался полный боли крик отца Александра, запертого в своем самом страшном кошмаре.

— Мама, мама! — закричал вбежавший в дом мальчик.

— Что ты так кричишь, Кай? — мать повернулся к сыну, отряхивая руки от муки о фартук.

— Мама, я там дяденьку раненного встретил, мне стало его жалко, поэтому я позвал его к нам, чтобы ты его покормила. — Кай явно ждал, что мама его похвалит.

— Эх, ну заводи его, что с тобой поделаться. — мама тяжело вздохнула. Кай постоянно приводил домой всех, кому нужна помощь, в лучшем случае это были собачки, кошечки, но чаще приведенным в дом являлся каким-то бродяжкой.

— Да будет ваш дом всегда в свете. — приятный глубокий голос принадлежал воину Света. — Прошу прощения за предоставленные неудобства, я неудачно поохотился не подалеку.

— Мама, этот дяденька сказал, что его зовут отец Константин. Смешно правда? Ведь он не мой отец. — с детской наивностью улыбнулся Кай, грызя какое-то лакомство. — А еще он меня шоколадкой угостил.

— Проходите. — смущаясь взгляда отца Константина, хозяйка отошла в сторону. — Меня Анна зовут.

— Красивое имя. — улыбнулся гость, но его глаза оставались холодными.

Отец Константин со стоном боли снял свой плащ и повесил на прибитый в стену у двери крючок. Вечером Анна, как хорошая хозяйка, постелила кровать для гостя, и испуганно прижала руки ко рту, когда увидела окровавленный бок перемотанный старыми бинтами. С оханьем, она убежала в другую комнату, достала чистые бинты и вернулась в комнату гостя.

— Разрешите я помогу вам... — начала она смущенно.

— Ох, благодарю. — снова улыбнулся только уголками рта инквизитор. Казалось, что он вообще не умеет выражать эмоции, и делает так только потому, что так принято. — Но я и так доставил вам неудобства.

— Что вы! — замахала руками Анна. — Вы спасли наш город, вон как вас тварь подрала. Это самое малое, что мы можем для вас сделать.

— Это то, что я должен делать. — скорее констатировал факт, нежели смущенно ответил отец Константин.

Наутро Кай не смог встать с кровати. Он был весь бледный и сильно дрожал. Анна испугалась за сына и хотела убежать в храм Лахау, но отец Константин остановил ее со словами:

— Целительницы тут не помогут. — инквизитор пошел к своей походной сумке. — Такое я вижу не впервые. Неизвестная болезнь, которая поражает только детей. В прошлом городе я смог выработать лекарство от этой заразы.

Инквизитор достал небольшой мешочек с пилюлями, подошел к мальчику и вложил ему в рот пилюлю.

— Не глотай, а рассасывай. — мягко сказал он, и мальчик кивнул головой.

Спустя пару минут Кай мирно уснул и перестал дрожать. Мать весь день просидела у

его кровати, и влажным полотенцем обтирала сына. Когда дрожь возвращалась, подходил отец Константин и вкладывал в рот Кая новую пилюлю, мальчик вновь засыпал и на время Анна успокаивалась. Про себя она благодарила всех богов за то, что отец Константин оказался рядом в столь тяжелый момент, и поможет вылечить ее мальчика.

Но на следующее утро мальчик не выздоровел, потому что в город пришла смерть. Крики, весь город вокруг корит. Огонь пожирает дома и людей, что не успели из них выбраться. Хозяйственные постройки и скот, потому что его никто не выпустил. Ужасный монстр рвёт на части тех людей, кто все же выбрался из дома, и бежит к спасительному лесу. Монстр уже давно насытился и не пытается никого съесть, безжалостно уничтожая каждого на своём пути. Дети бросают стариков ведь они замедляют их, матери швыряют детей прям в монстра, чтобы освободить потяжелевшие руки. Вокруг царит хаос и ужас. Крестьяне с вилами встают на пути у монстра, кому-то все же хватило сил чтобы пожертвовать жизнью, и дать время бежать своим близким. Но тварь сметает их со своего пути одним взмахом лапы. Кровь и внутренности размазаны по стенам, кто-то пытается вложить требуху обратно в живот, размазывая дерьмо по земле, но вскоре замирает, перестав шевелиться. Посреди этого хаоса стоит девочка, и держит маленького рыжего котёнка, их обоих сегодня бросили родители. Она не знает куда бежать, и просто кричит о помощи, слезы текут по грязным щекам. Зовёт маму и папу, не понимая, что они бросили её спасая свои жизни. Крик резко останавливается вместе с громким ударом огромной когтистой лапы о землю. Монстр даже не замедлился своего шага и не заметил, что наступил на кого-то. Маленький мальчик спрятавшийся под телегой дрожит от страха и слышит удары тяжелых лап твари, которая приближается. Крики боли, и кипящая кровь на объятых огнем стенах домов. Крики испуганных людей, стоны умирающих, плач детей оставшихся без родителей. Сотни умирающих людей от лап и клыков твари, столько же растоптанных испуганной толпой. Тело ребенка раздавленного когтистой лапой монстра еще немного подрагивало в конвульсиях, а лежащий под телегой, и дрожащий от страха маленький мальчик смотрел на это, и тихо молился всем богам, прося их прекратить этот кошмар, не замечая стоящей прямо над ним Безумной твари с разинутой пастью, и текущей из нее слюной, перемешанной с кровью ее недавних жертв. Но боги сегодня не слышали его молитв, и Безумная тварь откинула телегу под которой прятался ребенок, а после перекусила его пополам.

— МУАМА! — тварь подняла голову вверх и издала пугающий ни на что не похожий вой.

Тварь осмотрелась по сторонам, больше в городе не осталось никого в живых, она всех сожрала и никого не пощадила, всех избавила от мучений. Но тут его отвлек посторонний звук. Тварь начала вертеть головой, из единственного не горящего дома вышла женщина, она что-то кричала и показывала пальцем на Безумную тварь. Тварь бросилась в сторону кричащей женщины, намереваясь сожрать последнего выжившего человека, но в последний момент остановилась, что-то внутри Безумной твари противилось тому, чтобы убить эту женщину.

— Сынок, — женщина протянула руку к морде твари и погладила ее. На удивление тварь не стала пытаться ее откусить, — сынок, что с тобой случилось? — в ее голосе были слышны жалость и любовь.

— МУАА... — жалобно протянула тварь, из ее глаз потекли слезы.

— Не плачь, мальчик мой. — по ее щекам текли слезы, но она улыбалась теплой полной

материнской любви улыбкой.

— Мама. — из глотки твари раздался чужой, совсем не похожий на голос Кая голос.

— Я рядом, мой мальчик, я рядом. — Анна гладила измененную морду сына.

Тело твари начало дергаться, сокращаясь и изменяясь. Спустя несколько минут на земле лежал уже мальчик, каким его помнила мама.

— Кай! — крикнула Анна и бросилась обнимать сына.

Сознание покинуло тело мальчика, детский разум был не способен выдержать подобные изменения. Мама прижимала к себе мальчика и молила богов, чтобы он выжил.

— Спасибо тебе, ты смогла успокоить его. — от этого голоса Анна испуганно обернулась.

Позади нее стоял инквизитор в своем боевом облачении, в его руках блестел прямой полторный меч, отражая пламя, которое поедало дома.

— Это вы сделали с моим мальчиком? — Анна попыталась спрятать сына за своей спиной.

— Ты справилась, но дальше ты мне будешь только мешать. — отец Константин и не думал отвечать на ее вопрос. Одним взмахом меча он отрубил голову Анны, и выхватил из ее рук Кая, чтобы на него не попала кровь.

Мальчик пришел в себя почти на выходе из горящего города.

— Что произошло? — Кай не понимающе вертел головой по сторонам.

— На город напала Безумная тварь. — ответил отец Константин. — Я не успел вовремя убить ее, выжил только ты.

— Мама... — на глазах мальчика мгновенно проступили слезы.

Плакал он не долго и уже за городом Кай посмотрел на отца Константина твердым взглядом.

— Возьмите меня в ученики. — твердо сказал он.

— Хорошо, — кивнул головой отец Константин, — с этого дня ты будешь другим человеком, а твое имя теперь Александр.

— АААА! — закричал отец Александр.

Скит, Мор и Бьёрн отскочили в сторону. Снег под инквизитором начал таять, словно там горел огонь. Отец Александр начал изменяться. Его волосы загорелись, словно с его головы стекала лава. Она же текла из его ран вместо крови, но быстро прекратила, ведь его раны затянулись. Клинок Света покраснел, по его лезвию потекло пламя. Одежда на инквизиторе загорелась, мгновенно пропадая и оголяя тело инквизитора, но было видно, что его ничуть не беспокоит Северный мороз. В глазах его горело пламя ярости, вокруг запястий, словно наручи, проступило пламя, и такое же пламя словно броня появилось на ногах и поясе отца Александра.

Он продолжал кричать еще минуту, затем встал и одним взмахом меча отправил огненный прочерк в сторону аватара Тимория. Аватар распался на части, но огненный серп не остановился и продолжал сеять смерть дальше, убивая всех кого встречал на своем пути, уходя в лес и срубая деревья.

— Я уничтожу тебя Тиморий! — заорал отец Александр, а от его крика в стороны прошлась обжигающая аура растапливая снег, плавя оружие и сжигая волосы на тех, кто не успел защититься от ауры взбешенного инквизитора.

Отец Александр потерял интерес к происходящему на поле боя, развернулся и пошел в одному ему известную сторону. Сначала Скит спокойно выдохнул, потому что такого

монстра он бы точно не победил, но в следующее мгновение его сердце пропустило удар. Медведь почти разрубленный пополам ударом инквизитора завалился на бок, его могучее сердце выталкивало кровь на снег. Мгновение спустя со стоном боли на снег упали все северяне.

Бьёрн упал с криком боли на губах. Он дергался в конвульсиях, его тело менялось обрастая шерстью и возвращаясь к норме. Его мышцы разбухали почти лопааясь, а спустя мгновение он становился таким же тощим, каким был Скит, когда впервые пришел в себя в этом мире. И это происходило не только с Бьёрном, все северяне сейчас кричали и корчились от боли. Их тела ломало, а затем возвращало в норму.

— Что происходит? — Мор со страхом смотрел на происходящее.

Скит впервые видел такой испуганный взгляд у Мора, даже когда его собственный отец пытался принести Мора в жертву Ан'Гасиюху, тогда лежа на жертвенном камне Мор был спокоен, а сейчас в его глазах был настоящий, животный страх. Кто-то из инквизиторов бросился атаковать беспомощных противников, но не смог отойти от своего жреца Света, весь Север вел себя также, как и упавшие северяне. Скит опомнился и посмотрел Взглядом Сути, и увиденное расставило все по своим местам. Скит уже давно знал, что сила духа идет не от бога к людям, а наоборот. Но теперь, когда Медведь умирал, сила которую он собирал, оставалась в неподготовленных к такой мощи телах. Сыны Севера не умерли только потому, что остатки сознания Медведя держались, он отказывался умирать, удерживая свое сознание силой Воли. Скит растворился в молнии, оказавшись возле бога Севера, наклонился пытаться придумать как помочь Медведю, но его рана была слишком ужасна, его тело было разрублено почти пополам.

— У... — еле слышно, почти одними губами пытался сказать Медведь. — У меня... нет... до... домена. — договорил Бог Севера.

Его сознание почти покинуло тело. Скит понимал, времени у него осталось совсем немного, и Медведь жив только благодаря своей невероятной силе Воли. Что он хотел сказать Скиту? Пожаловаться? Ничего глупее Се Шандину в голову еще не приходило.

— Ву! — Скит завертел головой в поиске огромной обезьяны. — Энма! — Прибытие Энмы ознаменовал взрыв снега. Огромная обезьяна оказалась рядом одним прыжком. — Если у бога нет домена, что это значит?

— Домен бога растет из имра души человека. — голос Энмы был непривычен, голосовые связки огромной обезьяны отличались от человеческих. — Если у бога нет личного домена, то он может укрыться в мире души человека, готового впустить его.

— Как духовный зверь? — удивленно проговорил Се Шандин.

Скит молнией перенесся к Бьёрну, стонущему от боли. Взвалив здоровяка себе на плечи, Скит оказался возле умирающего бога. Скинул Бьёрна на снег, он начал приводить его в чувство.

— Дай я помогу. — Мор положил руку на лоб Бьёрна, и тот смог открыть глаза.

— Что происходит? — с трудом смог выговорить здоровяк.

— Сейчас не время для разговоров. — быстро заговорил Скит. — Помнишь, как я в свое время заключил договор с Азалией? Не отвечай просто кивни. Так воот прямо сейчас тебе необходимо заключить точно такой же договор с твоим богом. От этого зависит твоя жизнь и жизни всех северян.

Бьёрн округлил глаза от услышанного, но послушно кивнул головой и начал пытаться открыть свою душу, сквозь разрывающую его тело боль. Мор прокусил до крови нижнюю губу, от той боли которую он разделял с Бьёрном. Скит и Ву, который принял свой

человеческий облик, помогали Бьёрну и Медведю объединить их души. Фестиций стоял в стороне, он не знал чем может помочь, он смотрел на происходящее и видел как самоотверженно его друзья пытаются спасти бога-Медведя, а вместе с ним и целый народ Севера. И от того, что он видел, сердце Фестиция наполнялось почти забытым чувством. Чувством, которое однажды позволило ему услышать музыку боя и впервые показать миру Танец меча.

Бог-Медведь потерял свой боевой облик и сейчас на снегу лежал почти разрубленный пополам Старейшина, его седые, белее снега, волосы сейчас окрасились в красный от его собственной крови. Кто-то из северян уже не мог выдерживать ту боль, которую им причиняла вся мощь силы духа, ведь ее больше не собирал Медведь, оставляя им столько, сколько их тело способно выдержать. Самые сильные северяне лопались, орошая снег кровью и своими внутренностями все вокруг себя.

Бьёрн до крови прокусил губу стараясь не кричать от боли и открыть свою душу навстречу богу, но это было не так просто, как пустить в душу зверя.

— Господин Бьёр! — закричал Фестиций. — Услышьте музыку боя! Услышьте биение его сердца и вторьте ему! Вы должны играть один ритм!

— Если бы это было так просто. — проговорил сквозь сжатые зубы Бьёрн, но ему хватило сил улыбнуться, его друг вернулся и это вдохновляло Бьёрна.

Бьёрн решил послушать своего друга и прислушался к сердцебиению Старейшины. Тук-тук... тук-тук... тук... тук... Бьёрн слышал, как биение сердца становится реже, он слышал как в этом ритме не хватает ударов и пытался вставить в эти промежутки удары своего сердца. Тук... тук... тук... Под этот ритм подстраивался Бьёрн и вскоре два сердца, Бьёрна и Медведя, бились как одно. Поляна озарилась ярким, белым, ослепляющим светом. С поляны пропал бог-Медведь, а тело Бьёрна стало таким же огромным, каким был Старейшина.

В мгновение ока на поляне перед Сногардом наступила тишина. Оружие от боли северяне потеряли сознание, дико ревуший северный ветер умолк. Но что самое ужасное, Скит почувствовал, на Северную землю, землю вечной зимы, пришла весна. Пока это чувствовал только Скит, но совсем немного времени, и воины Света поймут, больше Север для них не опасен, а значит им не обязательно жаться к своим жрецам Света.

— Мор, Ву! — окликнул друзей Скит. — Бегите и запрягайте лосей в сани. Скоро Север будет принадлежать любому богу кроме Медведя. Мы должны перевезти всех живых на "Отступник"!

Мор и монах кинулись выполнять сказанное Скитом. Сам же Се Шандин бросился наперез первому инквизитору, вышедшему за небольшой круг света, который защищал их от бушующего Севера. Вслед за первым инквизитором из круга вышел второй, а за ним и третий. И все они бросились на лежащих на снегу бессознательных северян. Фестиций не стоял в стороне и тоже бросился на защиту сынов Севера. Скит использовал технику подсмотренную у отца Александра, и окружил себя кружащимися клинками из лунного серебра. Скиту приходилось буквально разрываться, чтобы отбивать северян у жаждущих кров, озлобленных от собственной слабости инквизиторов. Азалия не давала никому расслабиться прыгая на противников и перекусывала горло, а кого просто поджигала своим нежно-голубым пламенем, тянущееся вдоль ее передних лап. Вот только двум воинам и одному зверю невозможно отбить две с половиной сотни северных великанов, разбросанных по поляне перед городом, от почти тысячи инквизиторов, при том что у одного защитника отсутствует полностью правая рука. Лезвия из лунного серебра крутились вокруг Скита и

атаковали всех на кого он указывал. Скит пытался контролировать всю поляну перед городом, и увиденное заставило его замереть на мгновение. Фестиций танцевал! Он вновь использовал свой Танец Меча! И вполне успешно отбивал северных гигантов от нападающих инквизиторов.

Из ворот города стали выезжать запряженные в сани лоси, которых вели дети. А ведь и верно, подумалось Скиту, они еще не успели посвятить себя богам, а значит и откат от умирающего Медведя по ним не прошелся. Мор и Ву побежали по полю и начали подбирать бессознательных северян, все те же дети помогали спасать своих родных и друзей. Но скорости отбить всех северян не хватало даже Скиту, а значит помочь им мог только Хозяин Севера.

— Бьёрн! — прокричал Скит, расталкивая друга. — Вставай, здоровяк! Иначе мы не справимся!

— Помереть не дашь спокойно. — пробурчал здоровяк. — У меня сил нет даже руку поднять.

— Значит найди их! — приказал Скит таким тоном, что шутить желание у Бьёрна пропало. — Иначе спасать уже будет некого!

Здоровяк поднял голову и начал соображать, что можно сделать. Потом его глаза остекленели, Бьёрн словно смотрел куда-то вглубь себя, потом его взгляду вернулась осмысленность, после чего Бьёрн начал что-то шептать и разводить руки в стороны. Его шепот становился все громче, переходя на крик и на последнем громогласном выкрике, Бьёрн свел руки вместе. Снег вокруг города поднялся и закружил в безумном порыве ветра, поднявшаяся пурга смела с ног воинов Света, сбивая их в кучу и засыпая куполом из снега. Купол становился все крепче, покрывался толстым слоем льда, а потом все резко прекратилось, на поляне стояла полная тишина, а на недавно бушующую бурю не было и намека, на снегу остались только бессознательные тела северян.

— Больше... ничего... не могу... — почти прошептал Бьёрн, закрывая глаза и роняя голову на снег.

— Собираем, скорее! — прокричал Скит, сам растворился в молнии и начал переносить на сани бессознательных сынов Севера.

Скит видел, что купол надолго не удержит войско инквизиторов. Они концентрировали свою энергию в одной точке, чтобы растопить скрепленный божественной силой купол из снега. Когда последний северянин был погружен на сани, мальчики сидевшие на козлах, прикрикнули, ударили вожжами и лоси двинулись в сторону порта. Скит метнул пару клинков из лунного серебра в первых вышедших наружу, успокаивая их навсегда. Подскочил к открывшемуся проходу и встал приготовившись к атаке, но на место теперь отсутствующей руки, положил свою руку Фестиций.

— Господин Скит. — глухим голосом заговорил он. — Идите со всеми, вы должны защитить их от зверей.

— Ты не справишься со всеми, дурень! — Скит опешил от смены речи Фестиция с развязной обратно к благородной, что стряхнул его руку со своего плеча, отшатнувшись.

— Они не смогут выходить всем скопом, господин Скит. Тут достаточно одного умелого мечника, а в таланте им меня не обойти. — Фестиций в доказательство своих слов ловко развернулся и плавным, танцующим движением взмахнул мечом и перерезал горло новому инквизитору вышедшему из снежной гробницы. — Господин Скит, вы должны спасти северян, а я прикрою вашу спину.

— Ты же погибнешь, Фестиций. — голос Се Шандина дрогнул, видя решимость молодого парня.

— Лучше умереть защищая людей с горящим сердцем, чем жить, разочаровавшись в людях и не доверяя никому. — Фестиций повернулся спиной к Скиту, показывая, что спор окончен.

Скит кивнул головой в спину Фестиция, и растворяясь в молнии оказался рядом с санями последними в ряду катящихся по снегу. С тяжелым грузом на сердце, Скит смотрел на выходящих из под снежного купола инквизиторов и падающих к ногам танцующего Фестиция. Скит видел как парень танцует под одному ему слышимую музыку, как его совершенно дикие и непредсказуемые движения позволяли ему уходить от ударов воинов Света, и наносить точные, смертоносные удары, и при этом оставаться невредимым.

— Сил и стойкости тебе, друг. — прошептал Скит.

Фестиций встретил первого вышедшего инквизитора прямым уколом своего прямого меча в глаз, и сделал шаг вправо. Сердце его било барабаном и сердца инквизиторов ему вторили. Однажды в родной город Фестиция приехали музыканты с островов Нув'Нсета, это было полсотни барабанщиков с маленькими барабанами — тайко, их ритм пятидесяти человек, бившими в один такт строился вокруг одного большого барабана — бё-дайко, в который двумя большими палками бил один человек. Именно этот ритм сейчас и слышал Фестиций. Его сердце медленно и громко выдавало ритм как бё-дайко, сердца инквизиторов быстро вторили ему как маленькие тайко. Фестиций задавал ритм этого оркестра и воины Света следовали ему, как только кто-то сбивал ритм, Фестиций изгонял его из оркестра, выгонял со сцены, чтобы зрители не слышали эту фальш. Девушка в том оркестре играла на бамбуковой флейте — сякухати, именно такой сякухати играл рассекая воздух меч Фестиция. Клинки инквизиторов выбивались из этой музыки, и Фестиций выгонял их со сцены. Их движения не следовали музыке и танцу, который ставил Фестиций, а потому он выгонял их со сцены.

Поляна была залита кровью, и завалена трупами воинов Света, они кидались десятком на одного танцующего парня, но не могли даже ранить его, жрицы Света молились Светлоликому Тиморию, но сила которую он давал своим воинам не помогала, танцующий парень невероятными движениями уходил от удара. А потому Светлоликому опять необходимо справиться самому.

Громогласный удар гонга предупредил Феста о серьезном противнике. На сцене появился лучащийся светом воин, нет он не лучился светом, он им и являлся. Его сердце не билось в такт, который задавал Фестиций, а меч не звучал никакой музыкой. В этот момент меч — сякухати Феста сфальшивил выдавая не ту ноту и кисть сжимающая меч упала на красный от крови снег. Фестиций пытался подхватить отрубленную кисть левой рукой, но бесшумный меч воина проткнул его грудь, а следом в спину парня воткнулись еще десяток мечей. Фестиций слышал затихающий бой барабанов, но уже не мог задавать им ритм, теперь он был лишним на этой сцене.

Скит был единственным зрителем того представления, что устроил его друг... его соратник... этот... романтичный... не готовый... к реальной жизни... светлый... защитник... мир... не заслуживал... его... жертвы... Скит вытер слезу, скатившуюся по его щеке. Азалия лбом ткнула его в спину, подбадривая своего спутника. Все хорошо, он ушел гордо и благородно, показав этому миру красоту и свет своей души.

— Ты права. Это хорошая смерть. — кивнул Скит, отвечая лазурному Барсу.

Погода и Север больше не давили своей аурой и лоси могли тянуть сани со всей дозволенной скоростью и путь обратно к пристани занял гораздо меньше времени, нежели путь в город. Инквизиторы бежали следом, но снег все еще не растаял на Северной земле, и ноги воинов Света проваливались, замедляя передвижение, что позволяло Скиту добраться до корабля без боя, пару выскочивших на дорогу зверей можно брать в расчет.

Пристань встретила Скита и его спутников горящими кораблями инквизиторов, видимо отец Александр уже побывал здесь. "Отступник" висел на пристани словно его и не покидали. Северян в спешке заносили на борт корабля, не церемонясь просто бросали на палубу куда придется. Скит бросился заводить двигатели, чтобы не терять время. Когда последнего северянина забросили на борт и убрали трап, на пристань выбежали инквизиторы, но корабль, гудя двигателями, уже отходили от берега. Некогда многотысячный корпус воинов Света, сейчас насчитывал несколько сотен. Север не любит слабых. В корабль полетели техники дальнего боя, тонкий луч света пробил небольшую, с палец толщиной, дыру в борту, но корабль на скорости удалялся от берега и техники не доставали до него. Инквизиторы разделились на две команды, расселись по двум кораблям и уже собрались преследовать "Отступника", как залп пушек с борта корабля уничтожил последних преследователей.

— Куда путь проложил, кэп? — подошел к стоящему за штурвалом Скиту Мор.

— К земле, что не указана ни на одной карте. — ответил Скит. — К земле отступников.

Больше книг на сайте - Knigoed.net